

УБИЙСТВА БЕЛОГО МОНАСТЫРЯ

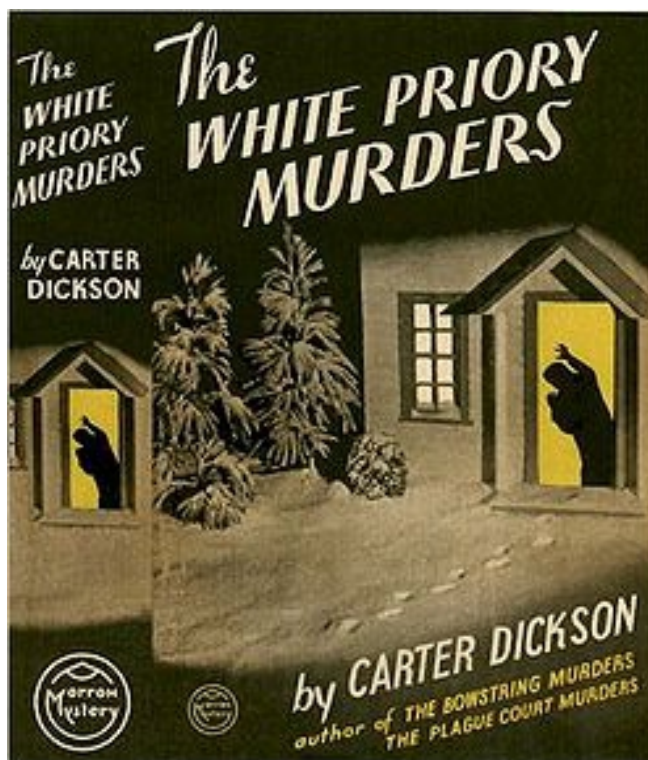
Джон Диксон Карр

The White Priory Murders John Dickson Carr under the name of Carter Dickson

Sir Henry Merrivale №2

1934, USA, William Morrow, Pub date December 1934

Перевод на русский Валентина Макарова, 2016

АННОТАЦИЯ

Слишком много убийц... В «Белый Монастырь», очаровательный старинный особняк неподалеку от Лондона, съезжаются гости обсудить новую пьесу. Но кто-то приехал не обсуждать, а убивать. С появлением в доме инспектора из Скотланд-Ярда все бросились наперебой подозревать друг друга в убийстве, но только сэр Генри Мерривейл смог разобраться с обвинениями и найти настоящего убийцу.

Глава 1. Некоторые размышления перед зеркалом

— Хм, — сказал сэр Генри Мерривейл, — так значит, говоришь, мой племянник, да? — Настороженный взгляд блуждал поверх очков, рот искривился, крупные кисти рук сплелись на пухлом животе. Вращающееся кресло скрипнуло позади стола. — Ну, тогда держи сигары... И немного виски... Эй, что тут смешного? Видали наглеца... Проклятье, да он просто издевается надо мной!

Племянник сэра Генри едва не расхохотался в лицо ерзающего напротив него великого человека. Так уж сложилось, другой реакции при первом знакомстве с Г. М. ожидать не приходилось. Об этом знали все его подчиненные в военном ведомстве, теперь об этом узнал Джеймс Бойнтон Беннетт, и это задевало Г. М. Когда вы молоды, только что пересекли океан и в первый раз переступаете порог кабинета своего знаменитого дядюшки, некогда блистательно руководившего целым департаментом британской военной контрразведки, — проявить немного снисхождения к старику ваша наипервейшая обязанность. Хотя

должность, которую занимал Г. М. в сегодняшние непростые времена, была скорее декоративной, он по-прежнему курировал сразу несколько направлений. Конкуренция между державами; опасность, ползущая из беспокойной Европы. Перед отправкой Беннетт-старший, которому сэр Генри приходился шурином, и имевший кое-какие связи в самом Вашингтоне, посвятил Джеймса в некоторые семейные тайны и снабдил практическими советами:

— Ни при каких обстоятельствах не разводи с ним церемоний, — напутствовал сына Беннетт-старший. — Он этого не поймет. Он часто попадал впросак на политических слушаниях, произнося неуместные речи, во время которых прилюдно называл министра внутренних дел Носатым, а премьер-министра Лошадиной Мордой. Скорее всего ты найдешь его спящим, хотя он сделает вид будто страшно занят. Его любимое заблуждение заключается в том, что его не замечают и не ценят. Его баронетству двести или триста лет, что не мешает старику быть отъявленным социалистом. Этот квалифицированный адвокат и врач обладает самым неразборчивым почерком в мире. Его ум груб, он шокирует машинисток белыми носками и появляется на публике без галстука. Пусть тебя не обманывает его внешность — он любит думать, что непроницаем как Будда, при этом может скорчить такую кислую мину, какую не найдешь даже у Скруджа. Справедливости ради могу добавить, что в области уголовного расследования он — гений.

Удивительно, но отец оказался прав. Описание было весьма точным. Позади невероятно захламленного письменного стола расположилось двести фунтов грубого напора, кряхтения и недовольства. Большая лысая голова отражалась в окне. Темная комната располагалась под самой крышей и в буквальном смысле вознеслась на суетой военного ведомства. Шум, царивший в кулуарах, до нее не долетал. Кабинет Г. М., просторная, но древняя и сырая кроличья нора, с отваливающейся лепниной, некогда был частью Уайтхоллского дворца — резиденции английских королей. Внизу простирались мрачные сады, набережная Виктории и река. Отсюда Беннетт мог видеть каменный парапет и фонари в туманных ореолах. Дымчатая синяя изморозь рождественской недели залепила стекла, дребезжащие от близко проезжавших автобусов. Под облупившейся, некогда белой, мраморной каминной доской, трепетал огонь. Танцующие сполохи, мигая, отражались в очках хозяина этой угрюмой обители, настроение которого портилось всё больше и больше. Другого света в комнате не было. Над головой Г. М. свисал большой алый бант рождественского колокольчика, привязанного к люстре.

— Эй! — прорычал Г. М., обращаясь к молодому человеку. — Думаешь, я не вижу, куда ты смотришь? Думаешь, это я всё здесь развесил? Мне безразлично. Они хотят меня вылечить. Это работа Лоллипоп.

— Лоллипоп? — не понял Беннетт.

— Секретарша! — проворчал Г. М. — Милая девочка, но ужасно вредная. Несмотря на строжайший запрет постоянно зовет меня к телефону, когда я занят. А я всегда занят! Ба! Вдобавок ко всем этим побрякушкам она устала мой стол цветочными горшками!

— В таком случае, почему вы не уберете их?

Г. М. приподнял тяжелые веки, выдавил из себя какое-то подозрительное урчание, как будто в отношении него допустили неслыханную дерзость, и резко сменил тему.

— Подходящее время познакомиться поближе. Впрочем, ты такой же, как и все. Ну, давай посмотрим, ты сын Китти, да? Та, что выскочила за янки? Мда... Чем занимаешься? Янки — проклятье рабочего класса.

— Я работаю, — признался Беннетт. — Хотя не уверен, что мое призвание быть на международных побегушках у своего отца. Именно по этой причине сегодня я здесь.

— Приехали! Только не говори мне, что ты в этом участвуешь. Скверно.

Беннетт взял сигару, которую ему протянули через стол.

— Увы, при всем желании, нет. Всё, чем я когда-либо занимался — это смешивал коктейли для знаменитостей, приглашенных моим отцом, да рассылал депеши по дипломатической почте. Вы знаете, что это такое. «Господин Секретарь имеет честь поздравить и заверить Его Превосходительство в том, что все представленные вопросы

получат самое полное понимание...» и так далее и тому подобное. Это невероятная удача, что я в Лондоне. И если бы не Канифест... может, вы слышали о нем? Газетный магнат.

Г. М. знал многих. Его неприхотливая натура пробивалась через такую толпу, что даже хозяйки Мейфэр¹ давно перестали обращать на него внимание и жаловаться.

— Канифест? — переспросил он, поморщившись от сигарного дыма. — Уверен, что знаю его. Не тот ли, кто на каждом углу ратует за англо-американский союз и проклинает японцев с их дурным глазом? Хм. Важная шишка, с премьером на короткой ноге, масляный голос, ищет любую возможность засветиться, так? Угу. Еще то дерьмо собачье.

Беннетт был поражен.

— Ну, сэр, могу сказать одно: впервые такое слышу! — он с трудом подавил возмущение. — Будет жаль, если это так. Ну да ладно. Насколько я понимаю, он приехал в Штаты с полуполитической миссией. Тур доброй воли и всё такое. Насчет англо-американского союза, конечно, никто ничего не мог сказать толком, но это произвело хорошее впечатление. В честь высокого гостя давали обеды. — Беннетту с тоской вспомнились те банальности, которые изливал Канифест, подчеркнуто дружелюбный, мягкий, седовласый, возвышаясь над микрофоном у стола, усыпанного розами. — Он выступал на радио, и все говорили, какая потрясающая вещь братская любовь. Часть моей работы касалась его нью-йоркского турне. Но чтобы назвать его дерьмом собачьим...

Он прервал свои неудобные воспоминания и какое-то время обдумывал сказанное. Но нескрываемое любопытство Г. М. заставило его продолжить свой рассказ.

— Я признаю, что никогда не знаешь до конца, как придется поступить в тех или иных обстоятельствах, поэтому вы должны досконально изучить своего человека. Знаменитый иностранец просит показать ему американскую жизнь. Хорошо. Устраиваются бесконечные приемы. А затем выясняется, что высокий гость желает посетить гробницу Гранта² и Статую Свободы. Он ходит и задает миллион вопросов о Соединенных Штатах, на которые никто никогда так или иначе не ответит. И тут появляется Марсия Тайт...

Г. М. вынул сигару изо рта. Внешне он оставался невозмутимым, но в его глазах загорелся нескрываемый интерес.

— А? Что? И что Марсия Тайт?

— Ничего, сэр.

— Ты пытаешься... — Тлеющий кончик сигары сердито указывал на Беннетта. — Ты хочешь меня заинтриговать, так что ли? Что у тебя на уме, а? Я должен знать, что у тебя в голове, но ты пытаешься обвести меня вокруг пальца, хотя мог бы пожалеть старика, который для всех здесь пустое место.

Все неясные образы последних двух дней окружили Беннетта. Он вдруг увидел комнату в дальнем конце промозглого парка, Марсию в мехах, смеющуюся в фотообъектив из полированного родстера-торпедо³ и, наконец, рыжеволосого человека, внезапно скрючившегося и сползающего с табурета в баре. Удар прошел мимо. Или убийство тогда не предусматривалось? Он заерзал на месте.

— Нисколько, сэр. Я откровенно отвечаю на ваши вопросы. Отец всего лишь отправил меня с благодарственным письмом в ваше министерство внутренних дел, где выражает что-то вроде восхищения визитом титулованной особы. Это всё. И к Рождеству я надеялся вернуться домой.

— Рождество?! Чушь! — вспыхнул Г. М. Он уселся прямо. — Конечно, ты проведешь его с нами.

— По правде говоря, я уже получил приглашение. Местечко в Суррее⁴. И я не вижу причин не принять его.

— А-а-а... — протянул Г. М. с досадой. — Девица?

— Нет... Может быть... Я не знаю. — Стул под Беннеттом снова издал сигнал бедствия. — Интересно, как происходят некоторые вещи. Было покушение на убийство. Много странных людей собралось в одном месте. Были Канифест и Марсия Тайт. Дружеская

вечеринка, общество. Прекрасно... Но, черт возьми, что-то здесь не так!

— Погоди-ка, — Г. М. приподнялся и включил настольную лампу. Круг зеленоватого света упал на лежавшие в беспорядке бумаги с гербовыми печатями, усыпанные табачным пеплом. Г. М. отодвинул их в сторону и положил ноги на стол. Над камином Беннетт увидел мефистофельский портрет Фуше⁵. Г. М. достал из сейфа бутылку, сифон и два стакана. Везде, за что бы он ни взялся, его сопровождала звонкая канонада опрокидывающихся предметов. Близоруко шаря, как летучая мышь, между столом и несгораемым шкафом, он умудрился уронить шахматные фигуры, расставленные для решения какой-то важной проблемы. За шахматами последовал строй оловянных солдатиков, рекрутированных для задач военной тактики. Но сейчас это не имело никакого значения. Это были безделушки, поддерживающие жизнь в его мозгах — странных, действенных, беспощадных. Разлив напитки, Г. М. издал нечленораздельный звук, отдаленно напоминающий автомобильный гудок, одним махом осушил стакан и откинулся назад в глубокой задумчивости.

— Значит так, — сказал Г. М., уставившись в одну точку. — Я собираюсь очень внимательно слушать. Думаю, у нас появилась работа. Там внизу, в нескольких шагах отсюда, — он неопределенно мотнул головой, очевидно, в сторону здания Нового Скотланд-Ярда, — народ сидит на раскаленных углях, оттого что их парень из Хэмпстеда ловит солнечных зайчиков. Ладно, это их дело. Сынок, ты упомянул женщину, на предмет которой меня распирает дикое любопытство.

— Марсия Тайт?

— Да, она самая, — кивнул Г. М., развязно подмигнув. — А-а-а. Фильмы. Секс, секс, секс и побольше. Все бегом на просмотр! — Злорадство растекалось по его широкому лицу. — Мою жену она не впечатляет. Почему тощих красавиц всегда приводят в ярость комплименты пышкам? Я признаю, у нее выдающиеся формы, почему бы нет. Приходилось слышать много пикантного о Марсии Тайт. Я знал ее отца, старого служаку, знал близко. До войны наши охотничьи домики стояли рядом. Несколько недель назад я пошел посмотреть на нее в том фильме, о Лукреции Борджиа⁶, который уже давно крутят на Лестер-Сквер. Ну и кого же я встречаю, выходя оттуда — старика Сандивала с его леди! Леди дула на соболя и чихвостила Тайт. Я уговорил подвезти их домой на своей машине. Мне нужно было предупредить леди С., что ей лучше не появляться в одном обществе с дочерью старого Тайта. Той по этикету выходить к обеду раньше леди С. Умора! Такое не даст спокойно спать, а? — Г. М. снова нахмурился и взялся за бутылку. — Скажи мне честно, сынок, — продолжил он, впиваясь глазами в Беннетта, — во что тебя впутала Марсия Тайт?

— Ни во что, — ответил Беннетт. — Вы имеете в виду... Мы просто были в одной компании. Она тоже сейчас в Лондоне.

— Хорошо, если бы так. — Сифон снова зашипел. — Учти, сегодня молодежь распушенна и требует всего сразу. Еще чего! Ну, давай... Что она здесь делает?

И снова этот сверлящий, обезоруживающий взгляд.

— Если вы помните подоплеку, — Беннетт осторожно продвигался вперед, — то должны знать, что она была восходящей звездой...

— Угу... А потом провал, — спокойно сказал Г. М. Его глаза сузились.

— Да. Критики ополчились на нее. Все говорили, что она не умеет играть, и это еще мягко сказано. В конце концов она уехала в Голливуд. Каким-то чудом она попала в руки режиссера по фамилии Райнгер. В течении шести месяцев о ней никто не слышал. И тут взорвалась сигнальная ракета. Спустя шесть месяцев все увидели ее такой, какой знают сейчас. Это совместная работа Райнгера и его пресс-агента, Эмери. Насколько я могу судить, у нее только одна мечта — Лондон должен взять свои слова назад. Свидетельством тому ее новый проект.

— Продолжай! Другая королева, а? Она играла только королев. Месть. Хм. Кто ставит?

— Это отдельная история. Она принялась с большим удовольствием глумиться над парочкой, предложившей ей «условия», мол, идите к черту, где вы были раньше, когда от меня все отвернулись. Случались совершенно дикие выходы. По словам Эмери, это не

делало ей чести. Более того, она покинула киностудию в самый разгар контракта. Райнгер и Эмери с ума посходили, таскаясь с ней, но сюда они приехали все вместе.

Рассеянный свет настольной лампы, словно волшебное зеркало, вызвал воспоминания о другом свете. Это было как будто вчера... Вечер в нью-йоркском клубе «Кавалла». Он танцевал с Луизой. Поверх ее плеча, сквозь дымный мрак с гротескными тенями танцоров, он видел слабое свечение, исходившее от столика Марсии на фоне складчатой красной драпировки с позолоченными кистями. Она сидела в белом платье и была изрядно пьяна, но еще держалась. Он видел ее белые зубы, когда она смеялась, поблескивающие на фоне матовой смугловатой кожи. С одной стороны сидел Эмери, здорово налижавшийся и отчаянно размахивающий руками, с другой — полноватый Райнгер, который, казалось, неоправданно часто нуждался в бритве, трезвый, приподнимающий плечи, занимаясь очередной сигарой. В зале было душно и жарко, рядом непрерывно гремел барабан джаз-банды. Ударника шумно поддерживала подгулявшая публика. Через сгорбившиеся силуэты танцующих пар Беннетт увидел, как Марсия подняла тонкий бокал. Новая порция бессмысленных жестов Эмери задела его и содержимое вылилось на платье. Это только раззадорило и без того державшуюся непринужденно Марсию. Тогда-то и возник Джон Боган, подбежав к ней со своим носовым платком.

— И последнее, — Беннетт вышел из транса. — Люди из «Синартс» дали ей месяц вернуться на круги своя. Она не хочет или говорит, что не хочет. Ответный удар, она говорит, будет таким.

И он начал водит сигарой в воздухе, как будто писал афишу:

Джон Боган представляет
МАРСИЯ ТАЙТ и ДЖЕРВИС ВИЛЛАРД
в пьесе Мориса Богана
«Частная жизнь Карла Второго⁷»

Г. М. нахмурился. Очки в роговой оправе съехали к кончику мясистого носа.

— Шикарно, — сказал он отрешенно. — Итак, это полностью отвечает ее стилю, сынок. Роковая красавица. Большие, полуприкрытые глаза, смуглая кожа, тонкая шея, полные губы — точно, как одна из тех картин эпохи Реставрации в зале Стюартов Национальной портретной галереи. Ха! Удивительно, но никто над этим не задумывается. Когда-то я ходил там кругами. Чего только не увидишь! Женщина, которую называют Кровавая Мэри⁸ — кроткая блондинка с невинным личиком, тогда, как Мария, королева Шотландии⁹, — почти самая распутная уродина в истории. Хм... — Его очки снова переместились вверх. — Что интересно в Тайт, у нее есть нерв. Она не только порождает враждебность, она разжигает распри. Ты знаешь, кто такой Джервис Виллард? Это лучший характерный актер Англии. Если независимый продюсер уговорил Вилларда сыграть с ней в паре, она должна не раздумывая...

— Она так и сделала, сэр, — решительно сказал Беннетт.

— Угу. Теперь, что касается этой семейной комбинации Боган-Боган, как это затрагивает Канифеста?

— С этого и начинается вся история и ее водовороты. Эти Боганы — братья, между ними существуют противоречия. Я еще не встречал Мориса. По слухам эту пьесу написал не он, а его младший брат, Джон. По словам Марсии, было бы странно, если бы Морис вообще написал что-нибудь этакое. Скорее всего, это было бы нечто бесполое, героическое из пяти актов белым стихом. Но легкомысленный, непристойный, искрометный фарс — это продукт непредвзятого ума.

— «Доктор Сухарь»*! — внезапно выпалил Г. М. Он поднял свою голову. — Боган! Вспомнил! Неужели тот самый, сынок? Я думал, что этот Боган... О, нет! Старший проктор. Оксфорд. «Лекции по политической и экономической истории Семнадцатого века». Ты хочешь сказать, что...

Беннетт кивнул.

— Он самый. Я говорил вам, что получил праздничное приглашение в Суррей. Поместье Боганов под названием «Белый монастырь», неподалеку от Эпсому. Опишу в двух словах. В силу определенных причин целая толпа отправляется на поиски исторической атмосферы. Дряхлый историк вдруг начинает выделять кордебалет на бумаге. С другой стороны Джон Боган — околотеатральный делец, правда, ничего серьезного, ничего примечательного. И вот Джон всплывает в Америке как близкий друг и приятный компаньон, сопровождающий лорда Канифеста. Мало что делал, мало что говорил. Крутился вокруг, смотрел на здания и высказывал вежливую заинтересованность. Боган — молчаливый, всегда с зонтиком наготове — типичный англичанин на подхвате. Пока, — теперь ясно, что это был заранее подготовленный план, — пока в Нью-Йорк из Голливуда не приехала Марсия Тайт.

— Так, — сказал Г. М. с нескрываемым любопытством, — любовный треугольник?

Среди прочего это было еще одной загадкой, которая озадачила Беннетта. Он тут же вспомнил резонирующий сумрак на Центральном вокзале, рябь фотовспышек, толпу и Марсию Тайт, позирующую на ступеньках поезда. Кто-то держал ее собачку, поклонники визжали от восторга, получив автограф. Джон Боган стоял в стороне и посылал проклятия. Он говорил, что не может понять этого американского культа — носиться толпами за кумиром. Беннетту живо представилось, как Боган вытягивал шею и смотрел свысока на тех, кто был ниже его ростом: очень худой, жилистая рука сжимает рукоятку зонтика, вонзающегося в бетонную платформу. Его лицо было более смуглым, чем у Марсии Тайт. Он был вне себя от ярости и еле сдерживался, пробиваясь к тому месту, где она стояла.

— Это не поддается описанию, как не поддается описанию душный летний день, — размеренно говорил Беннетт. — И эту атмосферу надвигающейся грозы Тайт несет с собой. На публике она старается быть — как это сказать? — пенящейся как шампанское. Но она не такая. Вы правильно сказали, что она похожа на одну из картин времен Реставрации. Непроницаемая. Играющая на повышение. Не из этого времени, если вы понимаете меня. Вы с легкостью чувствуете раскаты грома. Истома, обмороки, холодные компрессы — вот из чего она состоит, словно упругий, знойный день. Полагаю, все эти необычные слова означают просто — секс, но должен сказать, есть что-то еще, что-то с еще большей страстностью, — бормотал Беннетт, — что делало куртизанок величественными. Яснее сказать не могу.

— Так уж и не можешь? — сказал Г. М., озорно мигая отраженными огоньками. — О, я не уверен, ты делаешь это прекрасно. Ты был шокирован?

— Бог знает, кем я был какое-то время. — Беннетт был честен перед собой. — Это происходит со всеми, в чьих жилах течет обычная кровь. Вовлеченный в соперничество, не думаю, что мог бы долго сдерживать свое эмоциональное напряжение, находясь рядом с этой поразительной женщиной, понимаете, сэр?

— Уф! — Г.М. рассыпался, как фейерверк. — Состязание, надо полагать, было увлекательным.

— Это шло непрерывно. Даже у Канифеста загорелись глаза. Я в этом абсолютно уверен, памятуя о том, что вы говорили.

— Так. Она встретила с Канифестом?

* По аналогии с «Господин Сухарь» (вымышленное лицо, которому В. Скотт посвящает ряд романов), сухой и педантичный человек, ученый-сухарь — *прим. пер.*

— Кажется, она знала его по Англии; он был другом ее отца. Канифест, Луиза, его дочь и по совместительству личный секретарь, и Боган остановились тогда в Бревурте. Добропорядочное, тихое, очень уважаемое место, представьте себе, и вот, к удивлению многих, яркая, взбалмошная Тайт останавливается там же! Мы приехали туда прямо с Гранд-Сентрал. В порядке вещей было встретиться со знаменитой британской актрисой, сделавшей себе имя на экране, поздравить с успешной карьерой, пожать ей руку и сфотографироваться. Это выглядело так трогательно и по-отечески, как будто он обменялся рукопожатием с Санта-Клаусом. Я начал задаваться вопросами с того момента, когда Карл Райнгер, ее режиссер, прибыл туда на следующий день с почти такой же многочисленной свитой. С ним был его пресс-агент. Меня это не касалось, я сопровождал Канифеста. Боган привез оригинал пьесы своего брата. Тайт не делала из этого тайны. Сохранялось своего рода военное перемирие между Тайт и Боганом с одной стороны и Райнгером и Эмери с другой. Нравилось нам или нет, мы все варились в одном котле, и это была взрывоопасная ситуация. И в центре всего этого находилась Марсия Тайт, бесстрастная как никогда.

Уставившись на настольную лампу, он пытался еще раз вернуться в то самое время, когда начал ощущать зловещую напряженность, которая изводила всех в этой разношерстной компании. Снова напознала ритмичная духота, синкопы ударника, приглушенные другими инструментами в клубе «Кавалла». Это было в номере люкс Тайт после ночного визита Райнгера. Номер в стиле ретро в старинном отеле, наполненный вином, бархатом, шикарными стеклянными призмами газового освещения и размытым сиянием Пятой авеню за окном. Враждующие лагеря по обе стороны Тайт притихли. Марсия оделась в желтое и откинулась на спинку антикварного кресла, стоявшего под лампой. В черно-белых тонах Боган смотрелся более худым чем обычно — взбалтывая шейкер, его острые плечи выписывали замысловатые амплитуды. Канифест, как отец большого семейства, с тяжелым подбородком, без конца читал нотации, источая елей в своей обычной манере. Рядом, на низком стульчике, во всяком случае он казался ниже остальных, сидела Луиза, тихая, веснушчатая, трудолюбивая, скромная девушка, сделавшаяся еще более тихой и незаметной по воле своего отца. Ей разрешили выпить только один коктейль. «Наши спартанские английские матери — вещал лорд Канифест, чувствуя за собой моральную ответственность, — ничего этого не знали. Нет!» Это было сразу после того, как позвонили по внутреннему телефону.

— Джон Боган... — продолжал Беннетт. — Джон Боган бросился к телефону и приготовился поднять трубку, но Марсия Тайт опередила его. На ее лице блуждала слабая, равнодушная улыбка, яркий свет изменил черный цвет волос на каштановый. Она сказала: «Очень хорошо», после чего мягко улыбнулась и положила трубку. Таким же безразличным голосом Боган справился о звонившем: «Кто это был?» Ответа не последовало. Кто-то постучал в дверь. Не ожидая ответа, в номер вошел маленький пухлый человечек с двухдневной щетиной на лице. Не обращая внимания на присутствующих, он спокойно обратился к Тайт: «Чего ты добиваешься, черт возьми, этим саботажем?» Марсия Тайт попросила разрешения представить нам Карла Райнгера.

— И это было почти три недели назад, — закончил Беннетт. — Это было, в некотором смысле, началом. Но вопрос в том...

Он склонился над столом.

— Кто из нас послал Марсии Тайт коробку отравленных шоколадных конфет?

Глава 2. Несмертельный яд

— Кто из вас, — произнес Г. М. загробным голосом, — послал отравленные конфеты? Она ела их?

— Я забегаю вперед. Это случилось только вчера утром, прошел почти месяц с того дня, как Тайт приехала в Нью-Йорк. О причинах моего появления в Англии вы уже знаете. Возвратившись в Вашингтон, я и предположить не мог, что когда-нибудь снова встречу с ними. Не скажу, что мы стали добрыми друзьями, нет, такого не было. Это всё та проклятая магическая атмосфера. Она не выходит у меня из головы. Я не намерен преувеличивать

деликатность ситуации...

Г. М. скорчил кислую гримасу.

— Ух ты, деликатность! — бросил он в сторону. — Это настолько очевидно и вертится на языке, что никто не хочет вникать... Нет ничего утонченного в попытке отравить кого-то. Давай еще налью... Так каким же образом судьба свела тебя снова с этими людьми?

Самым неожиданным, пытался объяснить Беннетт, стало преображение Джона Богана. Не успел «мальчик на побегушках» вернуться в Вашингтон, как был отправлен с обычным благодарственным письмом в Вестминстер в роли фиктивного дипломата. Работа была не пыльная: при любых обстоятельствах надувать щеки и произносить гладкие фразы. Он пришвартовался на «Беренгарии» к туманным берегам невзрачным декабрьским деньком, когда на дымчато-фиолетовом горизонте пробивались островки солнечного света. Резкий влажный ветер шастал по волнующейся гавани. Болтовня на палубах становилась всё более оживленной, пассажиры привалили к бортам, хотя встречающие на пирсе еще не различались. И в это время суета у трапа кинула его прямо к Марсии Тайт. Она улыбнулась ему и незаметно растворилась в толпе благодаря темным очкам и пышному меху, укутавшему ее с ног до головы. Она шла в сопровождении Богана и Канифеста. Райнгер и Эмери редко покидали свои каюты, пока трансатлантический лайнер не вошел в порт Саутгемптона.

— Наши пути снова пересеклись. Боган... Это был совершенно другой человек — я не верил своим глазам! Каким он был неловким чужаком в Нью-Йорке! И вот теперь язык без костей, шулки направо и налево. От былой скованности не осталось и следа. Я внезапно обнаружил, что у Богана были самые немыслимые творческие идеи в отношении будущей постановки. Он и его брат обладают глубокими познаниями по истории семнадцатого века, пропитаны эпохой до мозга костей. И на то есть причины. Во времена Карла Второго их дом, «Белый Монастырь», уже принадлежал семейству Боган. Тогдашний владелец держал «веселый дом»¹⁰, был другом короля, который, однажды по дороге в Эпсом, где проходили скачки, остановился в «Белом Монастыре».

Г. М. молча наполнил стаканы.

— Эпсом, старый добрый городишко, — заметил он, нахохлившись как мокрый воробей. — «Веселый дом», хм... Не там ли Бакхерст¹¹ навещал Нелл Гвин¹², пока Карл не прибрал ее к своим рукам? А этот «Белый Монастырь» еще держится, смотри-ка... Слушай, помнится мне, что где-то я читал о каком-то домике в поместье, типа павильона, куда запускают туристов...

— Совершенно верно. Они называют его «Зеркалом Королевы». Боган утверждает, что именно их предок, построивший «Белый Монастырь», первым ввел моду на привозной мрамор в Англии и лубочные храмы, окруженные декоративными водоемами. Кстати, это неправда. Повальное увлечение такой имитацией началось не раньше, чем через сто лет, только в восемнадцатом веке. Но Боган истово верит в это. Во всяком случае, можно говорить, что их предок Джордж построил его где-то около 1664 года — для удобства и амурных встреч Карла и его обольстительницы, леди Каслмэйн¹³. Это мраморный павильон, из двух или трех комнат, стоящий посреди небольшого искусственного озера. Действие одной из сцен Морис переносит туда.

Беннетт продолжал.

— Джон однажды рассказал мне о брате, когда Марсия, я и он сидели на палубе. Морис — скрытный и, как я подозреваю, довольно дерганный субъект. Джон тогда сказал, что «в Морисе весь ум семьи. У меня этого нет. Мне жаль, что я не могу писать такие пьесы...», при этом лукаво улыбался, пока изучал нас (особенно Марсию), как будто был заранее готов к возражениям и недоверию. Но у него есть талант к описаниям и глаз художника для создания должного впечатления. Я думаю, из него получился бы хороший режиссер-постановщик. Когда он закончил говорить, каждый явственно представил себе скрытую среди вечнозеленых деревьев тропу, кипарисы вокруг прозрачной воды и парящий над ней павильон, где подушки леди Каслмэйн всё еще хранят аромат времени. Еще он сказал, что мог бы сыграть Карла. Марсия бросила на него странный взгляд, спокойно заметив, что для этого у них есть Джервис Виллард, если он забыл. Он резко повернулся и неодобрительно посмотрел на нее. Мне не нравятся, когда люди смотрят так. Мне не понравились ее

полуприкрытые, ничего не выражающие глаза, словно это помогало скрывать мысли, где ему не было места. Я спросил Тайт, видела ли она «Зеркало Королевы»? И Боган улыбнулся. Поверх ее руки он положил свою и сказал: «О да! Именно там мы встретились в первый раз».

— Я говорю вам, это ничего не значило, но на какой-то миг я почувствовал себя скверно. Мы были на палубе одни, поднялись волны, мимо нас скользили шезлонги. И два лица, каждое из которых могло сойти с холста в той старой галерее, смотрели на меня из сумерек. В следующую минуту показался Тим Эмери, немного позеленевший от качки, но исполненный решимости. Он пытался задраться, хотя не очень-то у него это получалось. Но Боган прикрыл рот. Боган не выносил Райнгера и Эмери и не скрывал своей неприязни.

— О! — шумно встрепенулся Г. М. — Друзья не разлей вода, Райнгер и Эмери... Ты хочешь сказать, что занятой и высокооплачиваемый режиссер бросил все дела, чтобы гоняться с этой девкой по морям?

— Конечно же нет. Он взял отпуск после двух лет без отпуска. Но он принял решение провести его, пытаясь убедить Марсию не быть дурой. — Беннетт вспоминал толстое бесцветное лицо, короткие волосы и цепкие глаза, которые не упускали ни одной детали. — Возможно, кто-то знает, о чем думает этот человек. Я не знаю. Он умен, кажется, что он видит вас насквозь, и так же циничен, как таксист.

— Увлечен Тайт?

— Возможно.

— Что, признаки легкого сомнения? Совсем еще мальчик, — Г. М. затушил сигару.— Хм... А этот парень, Эмери?

— Крепкий орешек. Лично мне он симпатичен. Нашел во мне родственную душу и приставал с разговорами, наверное, оттого, что я им не помыкал, когда все кому не лень ездили на нем, а таких он откровенно презирал. Он носился повсюду, размахивал руками, был, что называется, весь на иголках, потому что его кусок хлеба зависит от возвращения Тайт в студию. Вот почему он был там.

— Он тоже участник забега?

— У него, кажется, в Калифорнии осталась жена, которую он поминал при каждом удобном случае. Нет. Он интересуется Тайт в той же мере, что и покойный господин Франкенштейн¹⁴ своим творением: что я создал?... И вот вчера — отравленные конфеты.

После этих слов пробил Биг-Бен, тяжелый гул прокатился по набережной. Это был голос чужого города с голубыми сумерками, гибельными огнями и высокими цилиндрами, которые делают из лиц восковые маски. Город, который принял свою блудную дочь, столь же бурно, что и Нью-Йорк. Лайнер вошел в док позавчера. Отправление поездов с Ватерлоо было согласовано с прибытием пароходов, и в сумятице на вокзале не оставалось времени для прощания. Тем не менее Боган, поработав локтями, протянул Беннетту руку. «Послушайте, — кричал он, на ходу строча записку, — вот адрес...» В стихии Лондона он снова обрел себя. В родных стенах его движения были точными, быстрыми, глаза искрились гостеприимством и добродушием. «Марсия инкогнито остановится на одну ночь в «Савое», а утром переедет туда... Никто об этом не знает. Надеюсь, мы увидимся...».

Беннетт ответил: «Можете не сомневаться!» Он знал, что у Богана с Марсией была некрасивая сцена, прежде чем Райнгер и Эмери получили такое же приглашение. «А лорд Канифест?» — напомнила Марсия. «Разумеется!» В такси Беннетт, преодолевая себя, снова увидел Тайт в окне вагона, окутанного паром и дымом, охапки цветов, спину какого-то человека, пожимающего ее руку. Чей-то голос, сказавший: «Это Джервис Виллард». Мерцание фонарей. Лорд Канифест фотографировался под ручку со своей дочерью.

В этот желтый декабрьский день, проносясь по Ватерлоо-Бридж, он задавался вопросом, увидится ли с кем-нибудь из них снова. Походные знакомства так непрочны! Он зашел в американское посольство, в торжественном убранстве которого подтвердил свои полномочия. Затем был Уайтхолл и много чего под тем же соусом. Всё было сделано за считанные часы. Ему предоставили двухместный «Моррис». Несколько официальных встреч — и он уже чувствовал себя дьявольски измотанным и одиноким.

На следующий день он уже не мог не думать о Марсии Тайт. В отличие от легкой и непринужденной обстановки на борту лайнера, этот город цвета прибрежных дюн оставался мрачным и холодным. Он бесцельно слонялся вокруг площади Пикадилли, раздумывая, стоит ли ему идти по адресу, указанному в карточке: Гамильтон-плейс, 16а, пока вопрос не решился сам собой. В конце Шафтсбери-авеню кто-то громко и фамильярно выкрикнул его имя. Прохожие уставились на разухабистый желтый автомобиль, лихо притормозивший около Беннетта, посеребренную крышку радиатора и боковую надпись «Синеартс Студиос, Инк.» За рулем сидел Тим Эмери и грубовато наслаждался произведенным эффектом. Вопли Эмери заставили Беннетта побыстрее прыгнуть на соседнее сидение. Когда автомобиль рванул вверх по Пикадилли, он повернул голову и увидел заостренное лицо с перекошенным ртом и песочными бровями.

— Боже, — импульсивно заговорил Эмери, — она просто сумасшедшая! Как пить дать сбрендила, я вам говорю! — Он ударил кулаком по рулю, затем резко вывернул его, обгоняя автобус. — Я никогда не видел ее такой. В этом городе она важная птица. «Никакой рекламы чтобы мне, — говорит, — слышали!» — Его голос сорвался на фальцет. Он был искренне удивлен и взволнован. — Я только что был в нашем английском филиале. Сборище на Уорддор-стрит. Все переполошились, предлагают помощь. Даже если она ляжет на дно, я должен видеть первые полосы. Вы только представьте себе, просто вообразите, я спрашиваю вас, да любая женщина, которая...

— Тим, — сказал Беннет, — хоть это не мое дело, но вы должны уже были понять, что она *хочет* ставить эту пьесу.

— Но почему? Почему?

— Ну, она жаждет реванша. Вы видели утренние газеты?

— Скажите, — Эмери начал успокаиваться, — она уверена, что у нее выгорит с местными, а? Ничего хорошего из этого не выйдет, вот увидите! Зачем беспокоиться о том, что о тебе говорят в каком-то городе, когда ты можешь иметь чистыми два куска в неделю везде... Боже! Это по-настоящему выводит меня из себя. Как будто у нее есть... хм... определенная цель. Целеустремленность! Отличный упреждающий удар. Вы могли бы извлечь из этого сильный рекламный ход. Если бы я только умел так делать! А я не умею. Я должен остановить это...

— Удар по голове и похищение выбросите из головы. А других способов я не вижу.

Эмери повернул голову, его глаза были в красных воспаленных кругах. В воздухе остро пахло перегаром. Это был неуклюжий, демонстративный и, если честно, дешевый приступ мелодрамы.

— Послушай, — тяжело дыша, Эмери перешел на личности. Он воспринимал весь разговор с предельной серьезностью. — Похитить? Парень, если кто-то дотронется хотя бы пальцем до этой девочки, если упадет хотя бы один волосок... Не успеете чихнуть. Бог помогает таким, как я — это всё, что я могу сказать. Да, я люблю эту женщину, как свою Маргарет, и хочу, чтобы в этом мире у нее было всё...

— Следите за дорогой, — Эмери резко прервали. — Куда мы едем?

— Поговорить с ней, если застанем. — Его бледное лицо снова смотрело на дорогу. — С утра она пошла по магазинам, надев парик. Парик! Если она хочет сделать кассу этим Карлом Вторым, пожалуйста. Почему нет? Это беспроблемно. «Радиянт Пикчерс» в прошлом году показал одну вещь, которая всем понравилась и получила высший балл от «Variety»¹⁵. Они взяли, вставили Нелл Гвин. Понятно... Ладно, мы исправим это с Бауманном. Вложим миллион. Миллион долларов! — Эмери смаковал последние слова. — Мы сделаем всё правильно, пригласим ребят из Оксфорда в качестве технических консультантов. Кто не хочет успеха? Я стараюсь. Я действительно хочу творческой удачи. — Машина снова отчаянно вильнула. — Если это то, что она хочет, она это получит. Но не здесь. Кто такой Боган, спрашиваю я? Сегодня он не знает, что будет делать завтра. Мякотелый, я про Богана. Вот их трюк — засунуть ее в эти дебри, даже если бы я смог призвать их к голосу разума, продержат там. Ни слуху ни духу, понимаете? Я не говорю, что это поставит на ней крест. Пусть ездит по стране. Но есть способы прекратить их игру прямо здесь, в Лондоне.

— Какие?

— Ах, способы... — Эмери сморщился и понизил голос. — Найдутся. Зарубите себе на носу. Вы в курсе, кто дает деньги на постановку?

— Ну?

— Канифест! — сказал Эмери. — Здесь свернем.

Он пересек транспортный поток на Гайд Парк Корнер и въехал во двор белокаменного многоквартирного дома с грунтовой подъездной дорожкой и парком из голых деревьев с торчащими ветками. Эмери позвонил в дверь, в руку, которая открыла им, перекочевал банкнот, и, не представившись, они прошли внутрь. Их путь лежал через почти соборный полумрак, к номеру 12. Дверь была открыта. «Как на похоронах» — сказал Эмери, вдыхая густой запах цветов. Он замер на пороге, услышав голоса.

Голубая гостиная была освещена ровно с той силой, насколько ее хватало у зимнего солнца и позволяли широкие окна. В этот момент в комнате находились трое мужчин. Один из них, кутивший сидя на подоконнике, был незнаком Беннетту. На столе, усыпанном сухими лепестками орхидей, лежала пятифунтовая коробка шоколадных конфет с крышкой, размалеванной обнаженными сиренами, рядом валялся ворох из ленточек и оберточной бумаги. Около стола, напротив друг друга, стояли Джон Боган и Карл Райнгер. Беннетт сразу почувствовал запах порохового погреба, как только вошел в номер. Опасность была среди вещей Марсии Тайт, опасность исходила от вещей, которые побывали у нее в руках или к которым она успевала только прикоснуться. Казалось, небеса наполнились омерзительными электрическими разрядами.

— Я не знаю, осознаете ли вы это? — говорил Джон Боган, меняя ноты, от высоких к низким. — Никто не имеет права посягать на чужую почту. Это общепринято. Мы иногда называем это *манерами*. Вы когда-нибудь слышали о чем-то подобном?

— Уф, это трудно объяснить... — пропыхтел Райнгер. Держа сигару в зубах и не отрывая глаз от коробки, он потянулся к ленточкам. — Мне просто стало любопытно.

— Неужели? — съязвил Боган. Он угрожающе наклонился над столом. — Убери руки от коробки, дружище, или я разобью твою жирную морду. Ясно?

— Слушайте! — Третий человек торопливо затушил сигарету и оторвался от окна. Райнгер со стеклянными глазами отступил немного в сторону. — Мне кажется, Джон, — незнакомец заговорил в примирительном тоне, пытаясь обратить создавшееся напряжение в шутку, — ты чертовски всё усложняешь. — С этими словами он грузно приблизился к столу, что-то выудил из оберток и, посмотрев задумчиво на Райнгера, продолжил: — Господа, господа! В конце концов, это всего лишь коробка шоколадных конфет. Вот карточка. От поклонника, который *«не сомневается»*. Мисс Тайт получила небольшой презент, а тебе уже мерещится всякое. Неужели ты думаешь, что это бомба?

— Если у этого дурака, — сказал Райнгер, указывая сигарой на Богана, — есть немного мозгов, он позволит мне всё объяснить.

Боган сделал шаг вперед. Казалось, вся комната наполнилась разъяренными осами. В этот момент Эмери распахнул дверь, Беннетт последовал за ним. Остальные резко оглянулись на виновников вторжения. Накаленная атмосфера мгновенно разрядилась.

— Привет, Тим, — как ни в чем не бывало сказал Райнгер. Он пытался казаться не рассерженным. — Ты успел к самому интересному.

— Кстати, Райнгер, — хладнокровно вмешался Боган, — почему бы вам не обратиться отсюда?

Тот жеманно поднял черные брови.

— Почему я должен уходить, я такой же гость, я тоже пекусь о Марсии и ее здоровье. Я готов всё объяснить вам, мистер... — обратился он к третьему человеку, — мистер Виллард. Что-то не совсем так с этими конфетами.

Джон Боган замер и посмотрел на стол. В манере Вилларда он сузил глаза. Лицо его было угловатым, но не застывшим, кожа бугрилась желваками, глубокие складки легли

вокруг подвижного рта, лоб наморщился, напряженные виски отливали медью.

— Не совсем так? — медленно повторил он слова Райнгера.

— Это не был... — Райнгер чеканил слова, глаза его не двигались. — Не было никакого неизвестного лондонского поклонника. Взгляните на адрес. *«Мисс Марсия Тайт, апартаменты №12, «Хартфорд», Гамильтон Плейс, Мэйфер, Центральный Лондон, почтовый индекс W1»*. Только полдюжины человек знают, что она должна была здесь остановиться. Пока нет никакой ясности, и всё же эта коробка была отправлена по почте вчера вечером, то есть прежде чем Марсия приехала сюда. Можно говорить, что это сделал один из нас, ее друзей. Один из нас... Зачем?

Повисла тяжелая тишина, но Боган яростно прервал ее.

— Это выглядит нелепым, как бородатый анекдот! Все, кто-либо знаком с Марсией, знают, что она никогда не ест конфет. Да еще из таких гадких коробочек...

— Вы думаете? — Виллард постучал костяшками пальцев по коробке. — Возможно, это какое-то предупреждение...

— Вы пытаетесь убедить меня, — Боган обратился к Райнгеру, — что конфеты отравлены?

— Ну, хорошо-хорошо, в общем... — Райнгер с неприятным смешком пожевал сигару. — Никто ничего не говорил о яде, кроме вас. Вы или изволите валять дурака или слишком проникательны. Отлично! В таком случае, если вы думаете, что с ними всё нормально, почему бы вам самому не попробовать их...

— Ладно, — сказал Боган после короткой паузы. — Ей-богу, я так и сделаю. — И он снял крышку с коробки.

— Ни с места, Джон! — Весело заклокотала глотка Вилларда. Глубокий бас на мгновение всех привел в чувство. Здравый смысл издевательски торжествовал над мелкими недоразумениями. — Послушай, старина! Не стоит заводитьсь по пустякам. Мы топчемся здесь как стадо идиотов. Коробка, на первый взгляд, полна невинности. Одно из двух — если ты думаешь, что они отравлены, отдай на анализ, если нет — кушай на здоровье.

Боган кивнул. Он взял одну из конфет овальной формы. В его глазах светилось принятое решение. Он обвел всех многозначительным взглядом и лукаво улыбнулся.

— Право, — сказал он, — никто не откажется съесть по одной.

Где-то под самой крышей военного министерства Беннетта снова прервал Биг-Бен, на сей раз отбив четверть. Рассказчик даже немного подскочил. Видения были настолько реальными, что, казалось, весь кабинет сэра Генри и его обитатели, погрузились в гипнотический транс. Как из ночной глубины, перед Беннеттом возникло унылое лунное лицо с поблескивающими стеклышками.

— Чтoб я ослеп! — не хуже башенных часов прогудел Г. М., и вокруг него всё пришло в движение. — Из всех откровенных остолопов, каких я видел за свою жизнь, Джон Боган — самый упрямый осел. *«Никто не откажется съесть по одной»*, а?! Напыщенный болван! Думаю, была идея, если кто-то отравил верхний ряд конфет и этот кто-то находился в комнате, что еще нужно доказать, вряд ли бы он отважился взять конфету в рот. Угу. Если ядом пропитали всю коробку, что выглядит нелепым, вы отравите всех. Если хотя бы половина конфет в верхнем ряду была отравлена, что более вероятно, всё, в чем мы можем быть уверены, это то, что человек, приславший коробку, должен быть дьявольски осторожным. Бред! Ты хочешь сказать, что Боган заставил их...

— Ну, можно сказать, что мы все немного сошли с ума. И все наблюдали друг за другом.

— Хм... — округлил глаза сэр Генри. — И ты тоже?

— Мне пришлось. Ничего другого не оставалось. Райнгер возражал, сказав, что еще в своем уме.

— Разумно.

— Но вы свидетель тому, как собственное пугало напугало его! Он искал серьезные основания отказаться от эксперимента, который с дьявольской усмешкой предложил Боган, и этим почти выдал себя. Эмери, который был более пьяным, чем хотел казаться, разозлился и заорал, что возьмет каждого за горло, если тот откажется. Наконец, Райнгер взял одну. То же сделал и Эмери. Затем Виллард, продолжая кривляться. Потом я. Впервые с того времени как мы познакомились, я увидел Райнгера абсолютно спокойным, ни один мускул не дрогнул. Признаюсь, — продолжал Беннетт, собственные воспоминания заставили его вздрогнуть, — это был театр абсурда! Мне было не до смеха. С той минуты, когда я почувствовал во рту странный привкус, я, возможно, поклялся...

— Угу. Держу пари, что все остальные испытали то же самое. Что произошло потом?

— Тогда — ничего. Мы стояли и смотрели друг на друга, не ожидая ничего хорошего. С лица Райнгера, который был для всех костью в горле, не сходила болезненная ухмылка, окутанная клубами дыма. Промежутки между затычками увеличивались. Но он получил свое. Тряхнув головой, вымолвил: «Полагаю, эксперимент закончился для всех удовлетворительно». С этими словами он надел шляпу, пальто и вышел. Спустя несколько минут пришла Марсия, в целях конспирации увешанная покупками. Мы чувствовали себя детьми, пойманными с банкой варенья. Виллард расхохотался и все успокоились.

— Вы сказали ей?

— Нет. Посчитали, слишком долгим будет рассказ, но, видите ли, когда мы услышали ее в холле, Боган схватил коробку с оберткой и спрятал под пальто. Мы пообедали. Вчера вечером, в шесть часов, ко мне в отель позвонил Боган и велел мчаться в больницу на Южной Одли-стрит на военный совет. Эмери отравился стрихнином. Потерял сознание у барной стойки.

Наступила тишина.

— Нет, — ответил Беннетт на не заданный вопрос. — Он не умер и не при смерти. Для этого яда было недостаточно. Его вытащили. Все понимали, как мало приятного было в нашем небольшом испытании. Но попытка была сделана: что дальше? Все были против полиции, кроме Эмери, который думал только о себе, он прожужжал все уши, что это прекрасная реклама, что об этом должно быть уже в утренних газетах. Райнгер сказал ему, чтобы он заткнулся. Еще Райнгер сказал, что не собирается никому указывать, но если вызовут полицию, будет расследование, что не позволит им вернуть Марсию в Штаты и уместиться в три недели, которые любезно предоставили на студии. Оба фанатично настроены на ее возвращение.

— А она?

— Фактически и бровью не повела, — взволнованно ответил Беннетт, отчетливо вспоминая пухлые губы и темные глаза под тяжелыми ресницами. — Она выглядела весьма довольной. По тому, как она вдруг стала хлопотать вокруг Эмери, было видно, что этот простодушный увалень вот-вот пустит слезу от умиления. Кстати, Боган переживал больше всех. Утром собрался еще один ареопаг. Перебрали с выпивкой, все пытались вести себя раскованно, но каждый понимал, что кто-то... из присутствующих... у кого-то, возможно, был... — Беннетт сделал многозначительный жест.

— Хм, да. Скоро всё узнаем. Конфеты были отданы на анализ?

— Это сделал Боган. Были отравлены две конфеты из верхнего ряда, включая ту, что досталась Эмери. Обе содержали стрихнин, но в малых, не смертельных дозах. Краешек одной был слегка раздавлен. Впоследствии стало ясно, что проделано всё было довольно грубо, словно человек не до конца представлял себе, как это должно сработать. Кроме того, отравленные конфеты находились в разных местах, далеко друг от друга, и надо быть величайшим в мире неудачником, чтобы съесть сразу обе. Другими словами, сэр, должно быть, Виллард прав: некоторым образом это явилось предупреждением.

Кресло великого человека повернулось с протяжным стоном. Одна рука прикрыла глаза, в тени которой мерцали два огонька. На некоторое время Г. М. затих.

— Угу. Понятно. Что решил совет вождей?

— Морис везет сегодня Марсию в «Белый Монастырь» пробежаться по пьесе и посмотреть натуру. Виллард выезжает за ними на поезде. У Джона в Лондоне деловая встреча, и домой он вернется поздно, на своем автомобиле. Они хотят, чтобы я поехал с ними, но, увы, у меня один из этих визитов вежливости, который нельзя пропустить.

— Но ты собираешься туда вечером?

— Да, если не очень задержусь с банкетом. Я упакую чемоданы заранее, чтобы сразу тронуться в путь. Так или иначе события продолжатся, сэр, — мгновение Беннетт боролся между тем, что выказал себя глупцом и тем, что за этими глупостями могли стоять более серьезные вещи. — Я отнял у вас слишком много времени. Болтал бесконечно. Возможно, это дорога в никуда.

— Или, возможно, куда надо, — сказал Г. М. и всей тяжестью подался вперед. — А теперь слушай меня.

Биг-Бен пробил половину седьмого.

Глава 3. Смерть в «Зеркале»

В шесть тридцать следующего утра при свете приборной доски Беннетт изучал мелкую и запутанную карту. Он вспотел. На тринадцатой миле Лондон безжалостно изгоняет вас из своих лабиринтов. Беннетт успел заблудиться в изумительном разнообразии противоречивых указателей. Двумя часами ранее в его голове еще шумело шампанское, и казалось превосходной идеей мчаться на юг без каких-либо препятствий и ворваться в «Белый Монастырь» прямо на белом коне снежного английского рассвета. «Визит вежливости» не был виноват. Вечер в смокингах прошел под своенравные аккорды напевающей английской молодежи, к которой он не преминул присоединиться. Еще оставалось много времени, опущенный тент и зажженные фары могли подождать ради небольшой вечеринки. Продолжая праздновать, их веселая компания вывалила на Шепердс Маркет, прежде чем он смог отправиться вглубь Суррея. Только первый час этого путешествия был приятным и беззаботным.

Сейчас же он чувствовал себя разбитым, усталым и околевшим от холода, глаза слипались от того невероятного, уходящего вдаль света, которым фары пробивали лежащий перед ним бесконечно чужой, и от этого казавшийся фантастическим, белый мир.

Светало. Восток уже серебрился, звезды бледнели. Он чувствовал, как холод насаждает на веки. Выйдя из машины, начал приплясывать, чтобы согреться. Перед ним, огороженная зарослями боярышника, под тонким слоем снега бежала узкая дорога. Справа возвышались черные призрачные чащи с еще более черным небом над ними. Слева простирался мистический Даунс¹⁶. У подножия холмов уже начали проявляться игрушечные шпили и кукольные дымоходы. Но дым близких очагов еще не ощущался. Беннетта охватила беспричинная растерянность, вернее, даже какая-то странная неловкость, как будто он мог нечаянно потревожить славных жителей этой тихой сказки. Рев мотора, а Беннетт уже снова сел за руль, был слишком одинок, а потому слишком громок.

И всё же беспокоиться было не о чем. Наоборот. Он силился вспомнить слова Г. М., словно предыдущий вечер был годы назад — но всё время упирался в свой мертвый мозг. В бумажнике было два телефонных номера. Первый был личным номером Г. М. в Уайтхолле. Второй — дополнительный 42-й к знаменитому Виктория 7000, по нему в любой момент можно было связаться с инспектором Хамфри Мастерсом из Скотланд-Ярда (тот самый «парень из Хэмпстеда»), который работал совместно с Г. М. над убийствами в Плейг-Корте. Номера были бесполезны. Ничего плохого не случится.

Пуская автомобиль вдоль незнакомой трассы с ее сюрпризами, Беннетт вспоминал серьезное лицо и убедительные доводы Г. М. Он уверял, что нет никаких причин для тревоги. Вместе с тем было непонятно, почему сэр Генри, упоминая Марсию Тайт, хихикал и подмигивал. Значит, он что-то знал и пока не раскрывал всех карт.

Наверное, Марсия еще спит. Безумная идея — приехать прямо сейчас и всех поднять. Он надеялся, что кто-то уже на ногах. Ах, если бы он мог выкинуть эту проклятую

коробку конфет из головы; вот и полоски на манишке, вчера вечером, напомнили ему о безвкусовых ленточках на столе и ужимках тучного заклинателя, склонившегося над коробкой конфет посреди голубой гостины... Впереди из серого сугроба неожиданно выскочила белая вывеска с воинственным гербом... Сбитый с толку Беннетт резко развернул автомобиль, устроив колесом снежный фонтан, и вернулся назад. Нужная ему дорога уходила влево. Она была похожа на тесную просеку в мрачном лесу. Автомобиль съехал вниз, и его начало кидать на ухабах.

На рассвете он увидел «Белый Монастырь». Дом стоял немного в стороне и был обнесен утопавшим в снегу каменным забором с врезанными в двух местах железными воротами. Ближайшие из них были приоткрыты. Длинный, приземистый дом, построенный в виде буквы «Т», короткими крыльями смотрел на дорогу. За тяжеловесным фронтоном со скоплением тонких дымовых труб проглядывали низкие серые облака. Под многолетними потеками грязи кое-где проступал первоначальный, белый цвет стен. Зубчатая стена из гигантских елей и других хвойных деревьев чернела на фоне припорошенных снегом лужаек, и от этого дом казался еще мрачнее. Полукруглые окна были темными и безжизненными.

Окоченевший Беннетт на негнущихся ногах подошел к ближним воротам и начал возиться с ними, чтобы открыть пошире. Шум двигателя потревожил ворчливую птицу. От ворот гравийная подъездная дорожка сворачивала к чему-то вроде модернизированного каретного сарая, стоявшего на некотором расстоянии с левой стороны. Разросшиеся по бокам дорожки дубы и клены сплелись ветвями и образовали над ней своеобразный полог, защищающий от снежных заносов. Позже Беннетт вспоминал, что с этого места его охватила непонятная тревога. «Моррис» медленно доехал до каретного сарая, переделанного в гараж. Рядом, с меховой попоной на капоте, был припаркован «Воксхолл», который, если Беннетту не изменяла память, принадлежал Джону Богану.

И тут он услышал вой собаки.

В мертвой тишине поместья неожиданный звук вызвал у него прилив паники. Хриплый, шедший из самого нутра, вой вдруг захлебнулся коротким взвизгом. По всему телу прокатилась горячая волна страха. Он прошел немного вперед и осмотрелся вокруг, вглядываясь в тени. Справа от себя он увидел крыльцо с навесом, боковыми ступенями и широкой задней дверью, ведущей в дом, сложенный из толстых деревянных балок. Заснеженная дорожка, лежащая перед Беннеттом, уходила дальше и разделялась на три части. Первая огибала дом сзади, вторая вела прямо, ныряя вниз по едва заметному склону, и терялась где-то в гуще вечно-зеленой растительности, третья поворачивала налево к приземистой крыше того, что издали напоминало конюшню. Именно там выла собака.

Вой повторился, и на этот раз в нем было больше подавленной животной боли.

— Лежать! — раздались громкие команды. — Лежать! Буран! Хороший мальчик! Лежать!..

Снова жуткий крик. На секунду Беннетт подумал — опять неугомонная собака. Но крик был человеческим, первобытной силы, пришедший из-за пологого склона лужайки в задней части дома. Он еще никогда не слышал подобного крика.

Беннетт кожей почувствовал, как вокруг него материализуется зло. За каретным сараем, в мощеном дворике конюшни он разглядел фигуру в коричневых гетрах и вельветовой куртке. Человек держал под уздцы двух испуганных рысаков, успокаивая их, перебирающих копытами по булыжнику. Тот же голос, что до этого приказывал собаке, пытался перекричать упирающихся храпящих животных:

— Сэр! Сэр, где вы?! Что-нибудь...

Второй голос ответил тихо, но Беннетту послышалось слово: «Здесь!» Он пытался проследить, откуда шел звук, и вспомнил кое-что из описания этого места. Он вспомнил про тропу, которая, сбегая вниз, должна была проходить через хвойную аллею и упираться в каменный павильон под названием «Зеркало королевы», стоящий в окружении кипарисовых деревьев. Ему показалось, что он узнал голос Джона Богана. И Беннетт побежал.

В любом случае ботинки промокли и превратились в одеревеневшие башмаки. Дорожку покрывал ровный слой снега в полдюйма толщиной, на котором отпечатались единственная цепочка следов, оставленная до него. Это были свежие следы, и он мог

сравнить их с собственными, только что взметнувшимися рядом пушистый снег — они были сделаны совсем недавно! Он проследовал за ними в аллею и, преодолев одним махом тридцать с лишним футов между вечнозеленых деревьев, вошел в потрепанную рощу. Что-то разобрать отсюда было невозможно, кроме невзрачного белого павильона, стоящего посреди пустого пространства площадью примерно в пол-акра. Вокруг павильона на расстоянии около шестидесяти футов лежал чистый девственный снег, окаймленный невысоким мраморным заборчиком в виде парапета. Исключение составляла узкая тропа из тесаных каменных плит, проложенная к открытой двери низкого мраморного домика. Следы подходили к самому входу. Следов обратно не было.

Внезапно в дверном проеме выросла человеческая фигура, напоминающая поднявшегося из гроба мертвеца — мрачная тень на серых стенах. Сердце Беннетта, едва не остановившись, заколотилось с удвоенной силой, во рту пересохло. Пошатнувшись, человек одной рукой прикрыл лицо, другой, как споткнувшийся ребенок, оперся на притолоку. Все его тело содрогалось в беззвучных рыданиях.

Беннетт сделал шаг вперед, но под его ногой громко хрустнула какая-то ветка. Человек поднял голову, реагируя на звук.

— Кто там? — спросил Джон Боган неожиданно высоким голосом. — Кто...

Он отчаянно пытался сохранить равновесие, но его качнуло обратно в темноту. Даже на том большом расстоянии, сквозь деревья, в полутьме, Беннетт сумел разглядеть узкие обтягивающие броды для выезда, но лицо под низко надвинутой кепкой висело неразличимым пятном. Вопрос и ответ слабым эхом пролетели над поляной. Беннетт снова услышал вой собаки.

— Я только что приехал... — крикнул Беннетт. — Я... Что?..

— Идите сюда, — позвал его Боган.

Беннетт быстрым шагом вышел из рощи. Он увидел шестьдесят футов ровной и твердой с виду поверхности, которая окружала павильон, подумав, что перед ним лужайка или поляна, покрытая снегом. Его нога почти опустилась за низкий приступок парапета.

— Стойте! Не вздумайте этого делать, дурак вы этакий, — хрипло отозвался Боган. — Это лед. Здесь озеро... Идите по следам...

Дернувшись было вперед, Беннетт подался немного в сторону и, затаив дыхание, пробежался по каменистой тропе и трем ступенькам, которые привели его прямо к двери.

— Она мертва, — сказал Боган.

В повисшей тишине они слышали пронзительную перебранку воробьев, один из которых отчаянно бился под карнизом. Губы Богана еле шевелились, он медленно и глубоко выдохнул, завиток пара растворился в воздухе. Глаза тоскливо бегали, изучая лицо Беннетта, щеки запали.

— Вы слышите меня? — воскликнул он, взмахнул хлыстом и ударил по косяку. — Я говорю вам — Марсия мертва. Я только что нашел ее. Что вы молчите? Вам нечего сказать? Ее голова, ее голова вся...

Он смотрел на свои липкие пальцы, плечи его тряслись.

— Она мертва, — продолжал свой монолог Боган. — Вы не верите? Идите и посмотрите. Боже, самая прекрасная женщина, из когда-либо живших, всех, всех... Идите и смотрите. Они убили ее, вот что они натворили! Кто-то убил. Она боролась, да-да, она бы... Малышка... У нее ничего не получилось. Шансов выжить не было. Ничего у меня не осталось... Сегодня утром мы должны были прогуляться верхом, пока все спят. Я пришел за ней и...

Беннетта лихорадило и мутило. Он пытался подавить тошноту.

— Но что она делала здесь? — через силу спросил он. — В этом месте, я имею в виду?

Боган сначала посмотрел на него непонимающе, потом его опустошенный разум поймал какой-то неуловимый факт, и он заговорил.

— Что она здесь делала? А вы не знаете? Да, вас же не было здесь. Нет. Ну, она всё время была с нами, но решила провести ночь здесь. Надо знать Марсию! Всё было, как хотела Марсия, ох... Почему? Я бы не отпустил ее. Но меня не было, чтобы остановить ее...

— Сэр! — низкий хриплый голос разносился по поляне. Они увидели вытянутую шею конюха, машущего руками. — Что здесь? Это вы кричали, сэр? Я видел, как вы вошли и потом...

— Ступай назад, — махнул Боган, — назад, я тебе говорю! — Зарычал он и тут же смягчился. — Ты мне не нужен. Мне никто не нужен.

Последнюю фразу он пробормотал себе под нос, сел на верхнюю ступеньку и обхватил голову руками.

Беннетт шагнул мимо него. Не было никаких иллюзий — он боялся. Он боялся войти и увидеть, потрясенный, опустошенный, боялся этой обволакивающей темноты, но он должен сделать это. Он проклинал себя, правая рука не слушалась, и тогда левой, по-идиотски приводя себя в чувство, он до боли стиснул онемевшее запястье.

— Там есть какой-нибудь свет? — спросил он.

— Свет? В... А? Ах, да. Конечно. Там электричество. Я забыл включить свет. Совсем забыл про это. Смешно... Э-хе-хе! Я...

Резкая смена интонации в его голосе заставила Беннетта поспешить пройти внутрь.

Он оказался в тесной прихожей, почти в полной темноте, где пахло старым деревом и затхлым шелком, вместе с тем он уловил знакомый, еще не выветрившийся запах духов. Лицо Марсии Тайт, как живое, проплыло перед ним. Не верилось, что она мертва. Жизненное очарование, которого вам посчастливилось коснуться, рот, который всего однажды вы украдкой поцеловали, и затем наваждение, которое сделало из вас полного идиота — всё это медленно растаяло до черного наброска и ушло в гробовую неподвижность восковой куклы. Невозможно. Она была, она была здесь, так зримо и ясно присутствовала, даже исчезнув из этого мира. Пустота внутри Беннетта разрасталась. Беспорядочно шаря по стене слева от себя, он наткнулся на незапертую дверь. Нащупав за ней выключатель, помедлил секунду и щелкнул.

Свет зажегся. Ничего.

Он вошел в музей или скорее в подлинную гостиную времен Стюартов¹⁷. Ничего не изменилось, разве что выцвел атлас, поблекли и стерлись краски. Три узких арочных окна с квадратными стеклами. Резной камин с почерневшей топкой; черно-белый, как домино, мраморный пол. И всё это было освещено со стен слабо колеблющимся и дрожащим пламенем свечей в медных канделябрах. Иллюзия перемещения во времени была настолько сильной, что Беннетт усомнился в собственном существовании, словно в комнате находился его двойник, и не сразу вспомнил, где находится. Дубовые кресла филигранной работы с гербом Стюарта, расставленные полукругом перед камином, и немного золы в остывшей топке довершили картину путешествия в прошлое. В задней стене Беннетт заметил высокую дверь, за которой, по-видимому, была еще одна темная комната. Перед тем, как щелкнуть очередным выключателем, он колебался всё сильнее и сильнее.

Густые тени и только два зажженных канделябра. Сначала его взгляд остановился на широкой кровати, увенчанной тяжелым красным балдахином, после чего скользнул по тусклым просветам зеркал. А потом он увидел ее. Не глядя под ноги, он бросился вперед, уверенный, что ошибся. Но он не ошибся. Она была мертва. Мертва уже много часов, холодная как камень. Для него это стало самым суровым испытанием в жизни.

Пятясь к середине комнаты, он пытался держать себя в руках и не помутиться рассудком. Всё равно это было невозможным. Она лежала на полу между камином и изножьем кровати. По обе стороны кровати, прямо напротив камина, расположились два окна. На лицо и тело убитой падали ромбики серого утреннего света. Беннетт вопросительно смотрел на разбитый лоб и полузакрытые глаза. Пряди спутанных волос покрылись запекшейся кровью. Перед смертью на лице Марсии Тайт застыло не столько страдания и боли, сколько тревоги и презрения, смешанных с осознанным выражением чувственного превосходства, окончательно превратившего живые черты в абстрактную маску. Эта

ужасная метаморфоза, подумал Беннетт, рано или поздно настигает всех и зовется смертью... Она была в белом: шелковый кружевной пеньюар при падении распахнулся, его полы смялись и отлетели в сторону, правое плечо было разорвано.

Убийство. Чем-то проломили голову. Озираясь по углам, Беннетт отчаянно пытался сосредоточиться на деталях. Невероятно, но и здесь, во втором остывшем камине он обнаружил точно такое же небольшое количество золы, какое было и в первом. В эту кучку зарылся конец железной кочерги из опрокинутого каминного набора. Кочерга? Возможно.

Камин и край серого ковра усеяли осколки старинного, инкрустированного золотом, стеклянного графина и окропили бурые пятна с еле уловимым сладковатым ароматом — несомненно содержимое графина, портвейн. Один или два стакана, разбитые вдребезги — мелкие кусочки стекла лежали на каменной плите перед камином. Низкий табурет, покрытый золоченым японским лаком, был опрокинут, рядом стояло дубовое кресло с плетеной ивовым прутком спинкой и алой подушкой — похоже, более крепкий собрат выдержал столкновение с менее тяжелым. Такая же мебель, заметил Беннетт, была расставлена у камин-близнеца, в смежной комнате, но без следов разгрома.

Он пытался представить, что произошло. Что ж, это было не сложно. Марсия Тайт провела посетителя и предложила сесть. Но посетитель неожиданно напал. Когда он ударил — табурет, графин, стаканы опрокинулись. Марсия побежала. Он настиг ее и начал наносить сокрушительные удары до тех пор, пока не наступил конец.

От тяжелой смеси крепкого вина, духов и дыма Беннетт почувствовал головокружение. Воздух! Свежий воздух очистит легкие и прогонит призраков прочь. Он оторвался от тела и пошел к окну, заметив по пути кое-что еще. На ковре лежали разбросанные спички, причем обгоревшие концы всех спичек были обращены в сторону камин. Беннетт заметил их только потому, что ножки у спичек были необычными, разноцветными: зеленые, красные, голубые — такие можно купить на континенте. Малозначительный в общем-то факт, правда, на боковом уступчике камин он увидел открытую золотую шкатулку с сигаретами и коробком обычных спичек. Подойдя к окну, он начал поднимать окно, но, приоткрыв наполовину, вспомнил, что в делах подобного рода ничего трогать нельзя. Прочь сомнения! — он до сих пор в шоферских перчатках-крагах. Да и холодный воздух не повредит. Он вдохнул как можно больше свежего воздуха и закрыл окно. Гардины отсутствовали, а венецианские шторы¹⁸ были собраны под самый верх. Беннетт недоумевал. Перед ним, в голубоватых тенях, лежало нетронутое покрывало снега. За озером и тонкой бахромой деревьев, на возвышенности позади конюшни, не далее чем в сорока ярдах, он увидел домик с выцветшими зелеными ставнями, в котором, вероятно, жила прислуга. Идя к озеру, вам бы и в голову не пришло, что под этим снегом таится тонкий, смертельно опасный лед. Хорошо, что Боган вовремя предупредил его.

Тонкий лед и нетронутый снег.

На мгновение его посетила фантастическая идея. Вокруг островка, на котором стоял павильон, во всех направлениях лежал ровный, девственно чистый слой только что выпавшего снега, а под ним ломкий, едва схватившийся лед, за исключением узкой каменистой тропинки со следами Джона Богана. Но убийца должен был войти и выйти. Даже если бы вокруг павильона было шестьдесят футов толстого льда, он не смог бы этого сделать, не оставив следов на снегу. Там должны быть еще какие-нибудь подходы и другой выход, где-то сзади, иначе...

Это были беспочвенные гипотезы. Конечно, Марсия была мертва уже много часов, и убийца ушел до снегопада. Зачем мудрствовать. Но смутное подозрение закрадывалось в душу — Беннетт точно не помнил, кажется, снег шел всю ночь и кончился только под утро, когда он был еще в Лондоне. Хватит ломать голову, не твоего ума дело!

Он вздрогнул, услышав настойчивые призывы из передней комнаты. Его звали. Когда он вышел из спальни, Боган стоял в залитой жутким искусственным светом гостиной, сжимая в руках еще один позолоченный графин. Копия того, чьи осколки валялись в спальне, видимо, нашлась в одном из шкафов. Он поднес его к губам и сделал глоток.

— Ладно, спектакль закончился, Беннетт. Всё кончено. Я полагаю, нам лучше послать за врачом или кем-то в этом роде...

— Это убийство.

— Да, это убийство, — спокойно произнес Боган. Осолопевшие глаза блуждали по комнате. — Когда я найду того, кто это сделал, — мечтательно сказал он, — я убью его. Я имею в виду...

— Но что же случилось прошлой ночью?

— Я не знаю. Сейчас мы всех поднимем на ноги и возьмем за шкуру. Будем добиваться правды, не так ли? Я задержался в городе, я был... Насколько помню, приехал сюда часа в три или около того. Везде было темно. Я даже не знал, где спальня Марсии. Она поклялась, что будет ждать меня здесь, но я не думал, что она имела в виду именно это место. — Он оглянулся еще раз и заговорщицки добавил: — Морисова работа, не иначе... Ну, она взяла с меня обещание выехать с ней пораньше. Удалось чуть-чуть вздремнуть, — говорил он, глядя на Беннетта измученными глазами. — Я встал и разбудил Томпсона. Дворецкий. Бедняга все равно полночи не спал из-за зубной боли. Он сказал, что Марсия в павильоне. Она распорядилась, чтобы Локер приготовил лошадей к семи часам. Так что пришлось идти сюда, и Локер окликнул меня, когда я... Хотите промочить горло? Или пойдете в дом, согреемся и выпьем кофе?

Было видно, что Боган нечеловеческим напряжением воли пытался держаться, но после долгой паузы всё-таки сломался. Он вытаращил глаза.

— Она выглядела... беззащитной? — кротко спросил он.

— Мы найдем его, — сказал Беннетт. — По крайней мере, я знаю человека, который может... Извините, старина... Вы были... Вы и так очень много...

— Да... Пойдемте...

Беннетт колебался. Он чувствовал себя в дурацком положении, долго мялся и всё же решился. — Я подумал, пока мы не ушли отсюда и не наделали лишнего, — здесь нет никаких других следов, кроме ваших...

Боган развернулся.

— Вы это о чем?

— Одну минуту. Остановитесь, я имел в виду... — Беннетт увидел последствия своей неловкости. И увидел их слишком поздно. Он испугался себя не меньше, чем Богана (Добрый Бог дипломатии, спаси и сохрани). — Поверьте, я говорил о другом... Я говорил вообще... Я имел в виду, что была единственная возможность, что кто-то всё еще может быть в доме...

— Что?

— Ну, есть ли тут запасной выход?

— Нет.

— А вы уверены, что лед тонкий во всех местах?

Хотя, казалось, Боган не до конца понимал, чего от него хотят, он почувствовал, что это важно.

— Я думаю — да. По крайней мере, старый Томпсон предупредил меня заблаговременно. Сказал, что несколько детей...

Он остановился, глаза его расширились.

— Вы говорите глупости, — резко сказал Боган. — Какая к дьяволу польза от мучительного поиска решения проблемы, когда достаточно иметь на руках эти, как их... следы! Вы рассуждаете как дурацкий сыщик в пьесе. Это действительно так. Это правда. Я только сейчас начинаю понимать, какая это правда. Дальше вы скажете, что это я убил ее...

— И всё же, вам не кажется, что лучше убедиться, что здесь никто не прячется?

После недолгого затишья, во время которого они обыскивали павильон, Боган снова заметался, бормоча что-то себе под нос и зажав графин локтем. Обыск прошел быстро. Павильон состоял из четырех комнат и прихожей. На одной стороне находились

гостиная и спальня, к которой примыкал крошечный закуток с ванной, украшенный золотыми листьями. На другой — музыкальный зал и странный «гость» из восемнадцатого века — игровая комната с ломберным столиком из розового дерева. Исчезли шик и великопение, но всё было чистым и опрятным — подходящее жилье для призраков. И повсюду тусклые желтые огоньки свечей, словно кто-то хотел устроить здесь святилище.

Но нигде никого не было. И, как они могли видеть, глядя из окон с каждой стороны дома — ни одного следа на снегу.

— Я сыт по горло, — бросил Боган, выглянув в последнее окно из игровой комнаты, и вышел прочь. — Пойдемте в дом, хватит валять дурака. Выпал снег и занес все следы, вот и всё. Не переживайте вы уж так, молодой человек. Положитесь на меня. Когда я найду того, кто...

Он занимался самоуспокоением, хорохорился, его напускной героизм был очевиден, и без того перекошенный рот еще больше дергался, а в глазах стояла мутная тоска. Беннетт увидел, как Боган вздрогнул от неожиданности — кто-то снаружи звал его слабым, но настойчивым голосом.

Глава 4. Лестница короля Карла

— Эй, там! — голос приближался.

Они вышли на ступени и увидели вдали плотную, твердо ступающую фигуру Джервиса Вилларда, шедшего к ним через аллею. По наклонному спуску до павильона ему нужно было пройти не более ста футов, это была отличная утренняя прогулка, и Виллард с удовольствием воспользовался предоставившейся возможностью. Он был в прекрасном расположении духа, шел бодрым шагом, сбивая тростью легкий иней с торчащих веток. Солнце вставало и упрямо пробивалось сквозь пепельно-серые облака. Виллард шел по теневой стороне, так что наблюдатели могли видеть только темный силуэт с трубкой, высунувшейся из-под полов черной щегольской шляпы.

Он остановился, увидев их обоих на пороге павильона, и вынул трубку изо рта.

— Воздержитесь! — крикнул ему Боган, демонстративно хлопнул дверью и запер ее на ключ. — Давайте назад! — махнул он рукой в сторону усадьбы, и Беннетт не без удивления признал, что к Богану вернулась прежняя озлобленность. С открытой враждебностью встречал Боган раздумывавшегося ходока. Маски менялись с необыкновенной быстротой.

— Вам нельзя туда, старина, — уже спокойно продолжил Боган. — Осмелюсь предупредить, что никому нельзя здесь находиться, пока не приедет полиция.

Виллард, разгоряченный ходьбой на свежем воздухе, остановился как вкопанный. Он тяжело дышал. Зимнее солнце зрительно добавило ему морщин. Их было бы еще больше, если бы не широкополая шляпа и седая шевелюра. Его глаза, необычного оттенка, золотисто-карие, ни разу не моргнули, когда он смотрел в лицо Богана. Рот приоткрылся и тут же закрылся. Виллард окаменел.

— Да, дружище, Марсия умерла, — Боган нанес невидимый удар по этой глыбе. — Мертвее Вавилона, мертвее Карла... Вся голова всмятку... Эй, слышите? Кто-то убил ее, и никто туда не зайдет, пока не приедет полиция...

— Так вот оно что, — выдохнул Виллард.

Тупо уставившись себе под ноги, он покачнулся от пронзившей его боли и едва удержался, взмахнув руками. Если бы он упал, никого бы это не удивило. Гораздо хуже было стоять истуканом. Он повертел в руках трубку, затем сунул ее обратно в рот и начал быстро говорить:

— Как только я встретил вашего грума, конюха или как его там зовут, он сказал мне, что там что-то не так и что вы не дали ему подойти... Он сказал, что вы поедете верхом...

Виллард поднял глаза на побелевшем лице.

— Надеюсь, Джон, она умерла не мучаясь. Она всегда этого боялась... Идем обратно?.. Это была моя вина. После истории с ядом, я не должен был разрешать ей ночевать там. Я не думал, что она в опасности. Но мне не позволили...

— Вам? — Боган обомлел. — Кто вы такой, чтобы разрешать и запрещать? — Он шел впереди, а затем резко повернулся. — Знаете, что я собираюсь сделать? Я собираюсь сыграть детектива. Я выясню, кто это сделал. И тогда...

— Послушай, Джон... — Виллард подскользнулся около каких-то колючих кустов и схватился за руку Богана. Они снова продолжили путь. — Я кое-что хочу услышать. Как это всё... Ну, на что это было похоже?.. Как ее убили?.. Я не знаю что говорить в подобных случаях...

— Думаю, это не секрет. Она развлекалась с кем-то.

Они продолжали идти вдоль аллеи.

— Очевидным вопросом является тот, который я не могу задать даже другу. Но боюсь, что полиция может... Ты понимаешь, Джон, что я хочу сказать?

— Про скандал что ли? — огрызнулся тот. Неожиданно для Беннетта Боган не вскипел. Внутри себя он что-то взвешивал и приходил ко всё большему недоумению. На застывшем лице появилось сардоническое выражение, но оно разом исчезло. — Если бы Марсия умерла в монастыре, вот это был бы скандал. — Роль снова переменялась, Боган остановился и закричал голосом уличного продавца газет: «*Сенсация! Марсия Тайт умерла в монастыре!*»... Скандала, конечно, не избежать. Может, я скажу странную вещь, но меня это вообще не волнует. Она никогда не ревновала к своей репутации; ни меня...

Джервис Виллард кивнул.

— Да, — сказал он. — Ты знал, что она влюблена в тебя, и ты знал, что если она знает, что ты знаешь об этом, то всё остальное в мире — уже ничто. — Когда он повернулся, чтобы посмотреть на Богана, то мельком выхватил Беннетта и вдруг осекся, будто увидел постороннего человека. Перед нежелательным свидетелем его рот закрылся мгновенно. — Прости, Джон. Извините нас, мистер Беннетт. Мы все сегодня утром не в лучшей форме.

К дому они подошли в полной тишине. Боган повел их вверх по ступенькам черного хода, у крыльца которого Беннетт оставил свой автомобиль. В дверях их встретил Томпсон, не самый выдающийся образец дворцового, но исполнительный как джинн. Был он низеньким, лысоватым и сморщенным человечком, но обладал необычайным терпением тех, под чьим бдительным оком семейные ценности могут храниться долгие годы. Его чрезвычайную респектабельность не могли разрушить даже покрасневшие глаза и раздувшаяся челюсть.

— Библиотека, — махнул рукой Боган куда-то в полумрак и остановился, чтобы дать распоряжения Томпсону.

Виллард прошел вперед, и Беннетт оказался в лабиринте узких коридоров, пропахших старым потемневшим дубом и циновками из кокосового волокна. Неожиданно из темноты выступил лестничный марш, тускло освещенный высоким узким витражом. Беннетт совершенно забыл, что еще не так давно бежал по снегу и трясся от холода, пока Виллард не привел его в просторную комнату, где одна стена была сплошным окном, какие вошли в моду после эпохи Тюдоров. Остальные три стены занимали книги. Даже камин, казалось, был продлан в толще книг. Комната имела строгий вид, закованная в железные галереи из фолиантов, с каменным полом и тяжелыми электрическими арабесками, называемыми в наше время люстрами. Перед каминной решеткой, за которой пылал огонь, были расставлены резные кресла с гобеленовой обивкой и мягкими подушками. Беннетт полулег в одно из таких кресел, от яркого пламени зарябило в глазах, почувствовав внезапный жар, тело покрылось мурашками, но затем равномерное тепло овладело им. Повернув голову к окну, он увидел свинцовые тучи, сливающиеся со склонами Даунса, испещренными снежными заплатами. Глаза закрывались. В доме было очень тихо.

— Вы видели ее? — знакомые бархатные интонации откуда-то издалека докатились до Беннетта. И он стряхнул дрему.

— Да.

— Я думаю, это было уместно, — Виллард был уже рядом. Он встал у камина, немного посмотрел на огонь, затем развернулся и заложил руки за спину. Седые волосы поблескивали, как царапины на латуни. — Могу я спросить, как вы там оказались?

— Случайным образом. Вышел из машины. Потом услышал вой собаки и крик Богана.

— Знаете, — Виллард одной рукой потер лоб и провел по глазам, словно этими жестами он призывал размышления к порядку. Густой бас мягко вибрировал в этой заставленной книгами пещере, — вы действовали более хладнокровно, чем Джон. Вы заметили там что-нибудь из того, что могло бы нам помочь?

— Не так много. Она была...

И он вкратце обрисовал картину увиденного. Виллард молча слушал, опираясь на каминную полку и уставившись в огонь. Нет ничего прекрасного в былом величии, философски размышлял Беннетт, глядя на Вилларда. Перед ним были руины. Кумир дневных спектаклей довоенного великолепия. Таким бессмысленно двигаться в ногу со временем. Что-то статное, что-то роскошное от Шекспира и одновременно бесхребетное, домашнее, как поношенный халат. Разумный, порядочный, с веселым нравом, друг семьи. Если бы у Богана была племянница (кажется, тот упоминал, что племянница имеется), она звала бы его дядюшка Виллард.

— По всей вероятности, она угостила своего убийцу портвейном, а потом... Завязалась короткая схватка, — Беннетт с изумлением услышал собственный голос.

— Неразумно, — сказал Виллард, улыбаясь и глядя куда-то в сторону, — доверяться домыслам и делать далеко идущие выводы. Собственно, это я выпил за ее здоровье. — Он резко выпрямился и заходил кругами. — Шутки в сторону. Увязаем всё больше. Насколько вы доверяете этим обгоревшим спичкам?

Он замолчал, обернувшись на звук закрываемой двери.

Джон Боган подошел к камину и протянул руки к огню. Кожаный ремешок хлыста всё еще свисал с запястья. Боган отбросил помеху в сторону. Он ослабил узел шерстяного шарфа, повязанного сверху твидового жакета.

— Томпсон, — сказал он, глядя в огонь, — скоро подаст кофе. Джеймс, мой друг, ваши вещи отнесли наверх, автомобиль в гараже. Можете принять горячую ванну и надеть свой лучший фрак! — Мрачно пошутив, он обернулся. — Между прочим, что там насчет спичек?

— Я всё еще надеюсь, — сказал Виллард церемонно, как будто ждал именно этого вопроса, — возложить ответственность на рабителя...

— Что еще? — казалось, Боган теряет терпение.

— Когда вы увидели Марсию, много ли спичек лежало вокруг?

— Я не считал. Мне было не до этого, и честно говоря, я *не видел ничего* вокруг. Нет. Я не включал света. Какого черта вы ходите вокруг да около? Выкладывайте!

Виллард перешел на другую сторону камина и сел в кресло.

— Это ведь были цветные спички? Полагаю, такие спички имелись в каждой спальне этого дома с тех пор, как Морис пристрастился к подобным диковинкам. Готовьтесь! — Он поднял руку, как проповедник. — Полиция будет задавать эти вопросы, Джон, и это обычное здравомыслие — держать их в голове. Таких спичек в павильоне не было. Могу побиться об заклад. За исключением убийцы, я, вероятнее всего, был последним человеком, кто видел Марсию живой. Когда затопили камин в гостиной, рядом не было ни одной сгоревшей спички.

— Это напоминает заговор... — Боган начал было озираться по сторонам. — Девка! Карлотта, ее горничная! Где она была всё это время?

— А вот это уже интересно, Джон, — уставился на него Виллард, — я думал, что ты знаешь. Она оставила Карлотту в Лондоне. Выходные или что-то. В общем... Не было никаких разноцветных спичек, когда я уходил из павильона. Я оставил ей коробок обычных.

— Теперь давайте посмотрим правде в глаза, — продолжал Виллард. — Случайные грабители не рассыпают по полу цветные спички. На этом месте даю подсказку, но не слишком очевидную. В эту ночь произошло еще одно странное событие. Что-то случилось с дочерью старого Канифеста, она чуть с ума не сошла от ужаса. Я услышал ее крик и нашел лежащей на полу в галерее перед ванной комнатой. Ничего вразумительного я от нее не добился, кроме того, что кто-то якобы бродил там в полной темноте и этот кто-то схватил ее за запястья. Остаток ночи она провела с Кэтрин.

Беннетт услышал потрескивание огня. Боган открыл серебряный портсигар, затем с силой защелкнул его и повернулся к Вилларду.

— Луиза? — спросил он. — Луиза Карью здесь?

— Почему нет? Она — подруга Кэтрин, долгое время была в Америке, несколько месяцев они не виделись. Что в этом удивительного? Я помолюсь за тебя, мой мальчик, оглянись вокруг и приди в себя, — добавил Виллард нравоучительно. — Хорошо, что ты не актер. Ты смутил бы зал через пять минут.

— О, не знаю, не знаю, — заметил Боган. Он зажег спичку, сложил руки чашечкой и прикурил. Вспышка на секунду высветила не просто лихорадочное удовольствие на его лице, но как будто приоткрыла таинственный внутренний мир. — Боюсь разочаровать вас, но вы недооцениваете мои актерские способности. Нет, меня это не удивило. Вчера вечером я лично разговаривал с Канифестом. В его рабочем кабинете. И он мне ничего такого не говорил. Ладно, оставим это. Возможно, она потревожила семейного призрака. В доме есть еще гости?

— Да. Ваш добрый друг Райнгер.

Беннетт так и подскочил.

— Спокойно, — Виллард положил руку ему на плечо. Боган вынул сигарету из рта. — Угомонись и послушай меня. Ничего не поделаешь, он уже здесь, ходит и раскланивается перед Морисом. Я не люблю вмешиваться, но прежде чем ты сломаешь ему шею, хочу напомнить, что ты здесь не главный. Морис, конечно, оторван от реальности и рассеян, но он старший брат, и ему не нравится, когда ты перечислишь ему. Дьявол не лыком шит. Бизнес Райнгера строился на тесных отношениях с Марсией. Он поставил всё...

— И как вы предлагаете поступить с этой свиньей?

Вокруг глаз Вилларда легли морщинки замешательства. Было видно, что он ищет решение. Копаясь в кармане в поисках трубки, он делал вид, что это проверенный способ избавиться от недоумения и шока.

— Легко. Райнгер проницательный, интеллигентный, культурный, да, не фыркай, культурный человек. Вчера он весь день провел с нами. Когда мы приехали, в сутолоке Морис по-отечески похлопал его по плечу.

— Морис ведь не приезжал в Лондон?

— Нет, Райнгер послал ему в высшей степени соблазнительную телеграмму. Кажется, у него созрело какое-то грандиозное предложение — там будут авторские права, долгосрочный контракт и всё, что полагается в таких случаях. Они запускают картину, шестнадцатый век, с ювелирно точной реконструкцией, спецэффектами и научно-историческими консультациями Мориса. Узкий специалист просыпается академиком. Каково! Смахивает на фикцию, но Морис всего лишь человек...

— Я начинаю понимать. Подлинные интерьеры, костюмы, танцовщицы, хор, что-то типа «Король забавляется». Виллард, — повысил голос Боган, — мой брат часом не свихнулся?

— Здесь ты не прав. Согласись, у Райнгера есть кое-какие заслуги. Его «Борджиа» и «Королева Екатерина» были чертовски хороши. Он подходит как можно ближе к исторической правде, показывает, как это могло происходить на самом деле.

Боган непременно сделал бы этот выпад.

— Благодарю, — поклонился он, — за столь неприкрытое восхищение. Возможно,

вы будете восхищаться им еще больше, если я скажу, что сделало это свиное рыло. — Беннетт чувствовал, что человек говорит не задумываясь, говорит в сердцах, не позволительно и вот-вот должен пожалеть о содеянном; он сознает это, но не может себя контролировать. — Должен ли я сказать, как он нас зарезал? Останься Марсия в живых, все равно не было бы никакой пьесы. Канифест отказал нам.

Виллард привстал из кресла и чуть не уронил трубку. Руки его дрожали.

— Но он сказал...

— Он сказал: ни пенни. Я встретился с ним в редакции «Глоб Джорнал». Он был непробиваем, как статуя у него в кабинете. По зрелом размышлении и из политических соображений, он решил... кха... что театральные постановки дискредитируют его в глазах общественности. Лорд — спонсор водевиля! Его имя, видите ли, не пустой звук, чтоб его разорвало. Я вижу, до вас дошло, Виллард. Что, продюсеры всё еще увлечены вашим проектом или *были* увлечены им при живой Марсии, а? Так что, если вы не получите этот ангажемент...

Последовала тягостная пауза.

— Я никогда не притворялся великим актером, Джон, — спокойно ответил Виллард, — но думаю, что не заслужил такого...

Боган помассировал веки. Затем тихо произнес:

— Прошу прощения, старина. Да поможет мне Бог, я не сказал бы, что... я думаю, вы должны знать, что я самовлюбленный осел, который обычно не распускает язык, а если говорит, то всё только портит. Я не это имел в виду... Не то, чтобы это имеет значение сейчас, но все последние события, шок, согласитесь... Райнгер, похоже, разговаривал с Канифестом, и это всё. Я не думал, что Райнгер знал. Если только Марсия не наболтала лишнего.

И снова он вывернулся, но на этот раз по другой причине. Когда взаимопониманием пренебрегают, происходит неизбежный обмен резкостями. Богану было все равно, Виллард не сдавался.

— Знал? — спросил он. — О чем ты говоришь?

— Ни о чем.

— И ты не допускаешь предположительной мысли, что наш выдающийся издатель считал возможным появление леди Марсии Канифест?

— Как низко, вам ли этого не знать? — Боган чуть не поперхнулся. — Вы считаете, что она могла с этим?.. Где вы набрались таких идей?

Виллард посмотрел на него и изобразил пародию на повиновение.

— Прости, что угораздило впасть в детство. Я не горю желанием играть роль отца-исповедника, но юные леди, кажется, думают иначе. О, для многих это не секрет. Дочь Канифеста шепнула вашей хорошенькой племяннице Кэтрин, а Кэтрин (испросив разрешения, о, я верю!) соблаговолила поделиться со мной. Девочка обеспокоена. Всё, что я мог сделать, это заботливо прокудахтать и замолчать. Господи, если Канифест женится на Марсии, это подольет масла в огонь. — Он резко замер. — Она мертва... Она же мертва — как я мог забыть! Я не могу привыкнуть к этому, Джон. — Было не понятно, он бредит или юродствует. — Я всё жду, когда она войдет в ту дверь.

Этот монолог усилил скорбное молчание окружающей обстановки. Стены, потолки, люди, книги существовали здесь по отдельности и не выдавали своих секретов. Богана потянуло к графину с бренди, но он смутился, пожал плечами и вернулся в исходное положение.

— Давайте послушаем обо всем, что произошло вчера.

Виллард нахмурился.

— Трудно приводить факты. Марсия священнодействовала. Она притягивала своей силой, *силой себя*, чудовищной силой собственного «эго», и, как бы там ни было, всё

кончалось гипнозом, которому вы не могли сопротивляться. Но я никогда не видел изнанку подобных упражнений — в частности это можно объяснить высокомерием. Она называла такие вещи *аутотренингом* и прочими бессмыслицами.

— Вы полагаете, это были бессмыслицы?

От Вилларда не ускользнуло то, что Боган внимательно следит за его мыслями.

— Да, мне известно о воздействии этого места, и как вы двое относитесь к нему. Возможно, она верила во что-то такое, но кто-то должен был выступить с более заманчивым предложением. Могу сказать, что только сейчас я раскусил Райнгера — он укротитель. Если бы он ставил эту пьесу, что немаловажно, он бы сделал всё, чтобы добиться совершенства.

Глаза его на миг блеснули, и он начал набивать трубку.

— Продолжайте.

— Сытый желудок — плохой критик, джентльмены. За обедом я готов расточать хвалы, не стану отрицать. Отчасти сработал антураж столовой — полированный дуб, свечи, луна за высокими окнами. Кроме того, ее серебряная туника и волосы, уложенные, как на портрете герцогини Кливленд, который висит над камином. Это была хорошая иллюзия, притом, не забывайте, ее жесты... Райнгер изображал из себя идола, Морис без стеснения бегал вокруг и поклонялся. В честь такого праздника он нацепил очки с толстыми линзами! Что касается девочек, я не уверен, что они были очарованы. Маленькая Луиза так и вовсе ее ненавидела. Кэтрин и ее светлость¹⁹ повздорили на почве какой-то несусветной чепухи, которая неслась из уст Марсии.

— Малышка Кейт? — приподнял брови Боган. — Боже, я никогда не думал!.. Совсем вылетело из головы. После долгого отсутствия я остановился в Лондоне и не был здесь с тех пор, как вернулся. Прошло столько времени! Малышка Кейт, прости, я не заметил, как ты выросла, — обратился Боган к воображаемому члену семьи, а потом к мужской аудитории: — Я еще не видел ее...

Виллард вздохнул.

— Малышка Кейт... — произнес он. — Будь я проклят... Слушай, Джон, ты ни черта не видишь дальше собственного носа! Малышке Кейт между прочим уже двадцать один год, она выросла, Джон, она содержит этот дом ради вашего благополучия, никуда не выезжая дальше Лондона. Она настоящая хозяйка дома в то время, как вы с Морисом управляете им только в своих представлениях. Конечно, ты ее не видел. Ты даже не обращаешь на нее внимания, как будто она не существует.

— Вы говорите... — вставил Боган вызывающе вежливую реплику.

Было заметно, что Виллард собирается с духом.

— Вот! *«Вы говорите»*. Это говорит о том, что ты даже сейчас не хочешь знать, кем была Марсия, кто и зачем ее убил. Куда бы она ни шла, ад следовал за ней, Джон. Тебе не кажется, что в этом доме поселились демоны? Невозможно этого не чувствовать... Она была готова к ненависти со стороны всякого, даже того, кто ее любил, — он ударил ладонью по подлокотнику. На мгновенье его странные, золотисто-карие, глаза сверкнули. — О, да! Я знаю, она заигрывала и подталкивала. Погладит и натравит. Кнутом и пряником, как говорится. Что касается нас, мы, как те жалкие полосатые твари, прыгали перед ней через бумажные обручи и карабкались по жердочкам. Ей достаточно было выстрелить холостым патроном, чтобы все послушно расселись по своим тумбам — выражаясь образно.

— Теперь о том, что произошло после ужина, — продолжил свой рассказ Виллард, — и почему меня не удивило убийство. Марсия настояла на том, чтобы все пустились в экскурсию по дому при свете луны. Во главе процессии должен был идти Морис, держать перед собой свечу и рассказывать историю «Белого Монастыря». Конечно, Морис был счастлив. Остальные присоединились. Райнгер натушно шутил и проявлял излишние знаки внимания к достопочтенной¹⁹ Луизе. Кэтрин была со мной. Марсия для каждого нашла пару метких, подбадривающих словечек на дорожку. О, она могла быть крайне убедительной! Иногда свеча переходила в руки Марсии, и когда огонек освещал глаза и улыбку на ее лице, Морис приходил в неопишуемый восторг. Даже из бесчувственного Райнгера посыпались искры! Однажды он галантно наклонился до самого пола и коснулся края ее серебряного

плаща. Девочек она окружила почти материнской заботой. По непонятной причине у меня вдруг испортилось настроение. Она подсмеивалась над моим бедным Карлом, и это в то время, когда я начал понимать, как нужно играть эту роль! Из темных комнат сверхъестественным образом начали выходить люди. Я вошел в экстаз, перевоплотившись до конца в первый раз с тех пор, как сыграл Питера Иббетсона²⁰, и уже предвкушал оглушительный успех....

— Мы вошли в комнату Карла Второго. — Казалось, Виллард взошел на сцену. Он повернулся к Беннетту. — Боюсь, это покажется вам абракадаброй. Комната Карла Второго — та, которую сейчас занимает наш общий друг Джон. Всё внутреннее убранство сохранилось с того времени. Особенность комнаты — потайная лестница, спускающаяся к черному ходу, через который мы сюда вошли. Дверь на лестницу, конечно же в настоящее время уже не скрытая, находится внизу, в конце коридора. Это было сделано для того, чтобы король мог незаметно курсировать по лужайке между домом и павильоном в обход парадной двери.

— Это общеизвестно, — нетерпеливо пробормотал Боган. — И что?..

— Морис, — продолжил Виллард, — показал нам потайную лестницу. Конечно, я видел ее раньше. Но Марсия все же затащила меня на узкую каменную площадку с толпой народа, диким сквозняком и единственной свечкой, которую держал Морис. Вниз уходил очень крутой, узкий и длинный лестничный пролет. Я до сих пор не могу забыть про этот бездонный колодец. Не знаю, и, наверное, никто не знает, был ли это случайный порыв воздуха или Мориса толкнули, но свеча погасла. Кто-то хихикнул в темноте. Это было именно хихиканье, а не смех, что было еще хуже. Через мгновение я почувствовал напротив себя какое-то непонятное движение и едва успел схватить Марсию, уже готовую лететь вниз головой.

— Ее, — с трудом выдавил из себя Боган, — ее хотели...

— Столкнуть? Да. Точнее будет сказать — сбросить.

Виллард поднялся. Он раскурил трубку, сделал глубокую затяжку и ткнул черенком в невидимую точку.

— Более того, она что-то *знала*. Но когда свеча загорелась вновь, она обернулась ко всем с одной из самых обворожительных улыбок и сказала, я не могу передать всю палитру чувств в ее словах, но ручаюсь за их точность: «Какое несчастье! Я чуть не убила себя...» Так бы и случилось, Джон. Всё же она упивалась этим, она наслаждалась насилием, допускающим, чтобы ее власть несла разрушение.

Боган в нервной задумчивости начал мерить шагами комнату. Сигарета дотлевала в уголке его рта. Обжигая пальцы, он бросил почти полностью сгоревший окурочек в камин.

— Вы не видели?.. — глухо спросил он. — Вы не знаете, кто?..

— Ничего определенного сказать не могу. После этого наша экскурсия закончилась, было где-то около четверти двенадцатого.

— А дальше?

Виллард колебался.

— Мне показалось, что она была перевозбуждена, но это не было волнением вследствие происшествия. Она пребывала в каком-то нетерпении, неудовлетворенности, не исключено, что она чего-то ждала. Или кого-то. — Интригующий бурлеск пробежал перед его глазами, и он мягко добавил. — Возможно, тебя...

— Возможно. Я не испытывал никакого желания возвращаться. Поймите меня правильно, — заговорил Боган. — Канифест вынес свое решение. Все наши планы рухнули. Я напился, не скрою, гонял по улицам, слава Богу, что вообще добрался живым до дома. — Его руки тряслись. — Ладно... Что было потом?

— Дайте вспомнить, — задумался Виллард. — Что-то было, было, связанное с ней. Увы, вылетело из головы. Ладно. Уже в полночь она решила отправиться спать, что немного рано для Марсии. Я не хотел, чтобы она шла туда. Морис предложил послать горничную, чтобы всё приготовить там, но Марсия отказалась. Мы пошли с ней. Погода испортилась.

Ветер нагнал туч, повалил снег, и небо погрузилось во тьму. Когда я вернулся в дом после того, как мы... — он подбирал слова, — проводили ее, Морис потащил Райнгера в библиотеку обсуждать кинофильмы. Боган-старший полностью забыл про пьесу. Райнгер косо посмотрел на меня и в какой-то странной, извращенной манере пожелал спокойной ночи, когда я сказал ему, что пошел спать. — Он опустил голову и вытряхнул пепел из трубки. — В действительности же я пошел назад к павильону.

— О!

— Я провел там, — на короткую реплику Виллард отреагировал очень спокойно, — ровно десять минут. Но она уделила их мне. Она казалась удивленной, когда я постучал в дверь, удивленной и раздраженной, как будто ожидала кого-то другого. Дважды за время нашего разговора — это было в спальне — она выходила в гостиную и смотрела там в окна. Она не знала куда себя деть, была явно расстроена и от этого еще сильнее раздражалась. Мы выпили по стаканчику и выкурили по сигарете. Я говорил ей о серьезной опасности, о двух покушениях на ее жизнь — всё бесполезно. Чем убедительнее были мои доводы, тем стремительней росло в ней легкое непонимание, словно речь шла о забавных вещах. Она сказала: «Вы просто не разбираетесь в конфетах, а что до остального, так я, конечно, не боюсь».

— Чего остального?

— Я не знаю. Она только воздела руки над головой (вам знаком этот жест?). «Жизнь такая сложная» — наверное, так это следует понимать. Кто знает... Жизнь была в ней ключом, и это приносило ей глубокое удовлетворение. Большого я от нее не добился. Через десять минут она проводила меня к выходу. За дверью уже основательно насыпало, а на ней было только одно серебряное платье. Это последнее, что я видел.

Снег Беннетт склонился к огню. Рано или поздно все равно придется возвращаться к вопросу снега.

— Вы не помните, — спросил он, — в котором часу начал идти снег, мистер Виллард?

— Ну... Если это так важно. Снег пошел, когда мы с Марсией отправились к павильону. Около десяти минут первого.

— *Но я не думаю, что вы помните, когда он прекратился?*

Актер повернулся так, словно его ударили плетью. Этот вопрос вывел его из себя, он пытался ответить так же хлестко, но увидел Беннетта, а затем бросил беглый взгляд на Богана.

— Сделаю всё, что в моих силах. Я провел весьма беспокойную ночь, причин, думаю, объяснять не надо. Кроме того лаяла собака, и я сбился со счета, сколько раз подходил к окну, хотя... Хотя из окна моей комнаты не видно павильон, я заметил, что снег идет крупными комьями, а это свойственно непродолжительному снегопаду. Так оно и случилось — снег шел примерно два часа до двух с небольшим пополудни. Я часто смотрел на часы, — он колебался, — но зачем я это делал, хоть убейте, сказать не могу.

Они услышали, как настойчивый стук сотрясает входную дверь. Эхо требовательного беспокойства докатилось до библиотеки. Очередной порыв ветра взвыл в трубах. Угловым зрением Беннетт увидел, что вошел Томпсон.

— Извините, сэр, — доложил дворецкий. — Только что прибыл доктор Винн с инспектором полиции, за которыми вы посылали. Я боюсь ошибиться, но с ними еще кто-то. Подозрительной наружности.

Таким образом, Марсия Тайт была убита незадолго до двух часов ночи, и снег уничтожил все следы, оставленные убийцей. На вопрос — почему это продолжает его беспокоить — Беннетт почти нашел ответ, но голос Томпсона вернул его к действительности.

— Третий чело... третий джентльмен просил передать свою карточку мистеру Беннетту... Полагаю, это вам... Благодарю вас, сэр.

Беннетт держал в руках кусочек картона, на котором было нацарапано от руки:

Друг сэра Генри Мерривейла. Хотел бы встретиться с вами конфиденциально.

Рядом строгий типографский шрифт указывал на автора записки:

**ХАМФРИ МАСТЕРС
СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР
ОТДЕЛ УГОЛОВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ
НЬЮ-СКОТЛАНД-ЯРД, Ю. 3.**

Глава 5. Призраки в галерее

— Передайте доктору Винну и инспектору, что мы отправляемся к павильону немедленно, — энергично заявил Боган, к нему вернулись былые силы, пыл и предупредительность. — Не желаете еще раз прогуляться, Виллард? — Он заметил, что Беннетт всё еще разглядывает карточку Мастерса. — Вы очень популярны, Джимми, — Добавил игривым голосом. — Вы приехали сюда чуть свет — в котором часу? — а уже в четверть девятого люди начали спрашивать вас. Я могу узнать, кто этот человек?

Беннетт решил не изворачиваться и быть откровенным. Он передал карточку Богану.

— Я не знаю этого человека, и как он оказался здесь в восемь часов утра. Мой дядя...

— Знаем мы вашего дядю...— голос Богана был спокойным, но подергивающееся веко выдавало сильнейшее внутреннее напряжение.

— Извините. С моей стороны это была некрасивая выходка, признаю, но я рассказал ему про отравленные конфеты. Тет-а-тет. Дальнейшие события показали, что это было не лишено смысла, разве не так?

— О Господи, о чем речь! — Боган поторопился ухватиться за свежую мысль. — Теперь-то мы на правильном пути. Человек не сидит сложа руки. Если он уже здесь, это говорит в его пользу. Он просит переговоров наедине? Нет проблем! Томпсон, пригласите сюда старшего инспектора, а мы с Виллардом и доктором прогуляемся до павильона. Пока отложим беседу с Мастерсом. В этом доме каждый имеет право немного посекретничать. — И он подмигнул Беннетту.

Когда Боган и Виллард вышли из комнаты, Беннетт вздохнул с облегчением. Тяжкий груз свалился с плеч, нервы были на пределе. Марсия Тайт оставила после себя нелицеприятные вопросы. И теперь воздух в библиотеке с уходом этих людей стал чище. Появление старшего инспектора было сопоставимо с приездом жизнерадостного родственника. У Мастерса было приветливое мягкое лицо с наметившимся двойным подбородком, недюжинный ум светился в озорных глазах, темное пальто топорщилось на полноватой фигуре. Шляпу-котелок он прижимал к груди, как будто встречал торжественный вынос государственного флага. Редящие волосы мышиного цвета были тщательно зачесаны на макушку, прикрывая прогрессирующую плешь. Он вошел в библиотеку с достоинством и сразу привлек к себе внимание.

— Сэр! — приветствовал он Беннетта крепким рукопожатием и широкой улыбкой. Низкий голос действовал успокаивающе на горячие головы и расшатанные нервы. — Прошу прощения за столь ранний визит. Но я обещал вашему дяде присмотреть за вами.

— За мной?

— Ну-ну, — замахал он руками. — Образно говоря, я несколько приукрасил... Уж такая манера. Вот. Кстати, не далее как вчера вечером он звонил мне. Но меня не было на работе. Увы, был в этих краях. Так вышло, что жена местного инспектора полиции моя

кузина. Только между нами. — Он понизил голос и осмотрелся в поиске лишних ушей. — Я исполнял обязанности Санта-Клауса на Рождественском фестивале Методистской детско-юношеской лиги. А теперь взял на себя смелость сопровождать инспектора Поттера из местной полиции, куда поступил звонок мистера Богана. Я хотел бы поговорить с вами, если вы не возражаете.

Беннетт удивился расторопности и предусмотрительности Томпсона. Не успел в доме появиться полицейский, как он уже катил столик с кофейником, горячим молоком и чашками. В желудке заурчало.

— Присаживайтесь, — пригласил Беннетт старшего инспектора. — К вашим услугам. Кофе?

— А? — Мастерс начал осваиваться в незнакомой обстановке.

— Э-э...сигару?

— Ах... — казалось, Мастерс борется с искушением.

Старший инспектор деловито присел на диван и взял чашку. Он сразу дал понять, что чувствует себя как дома, да и от него самого основательно веяло домовитостью и простодушием, и эта уверенность передалась Беннетту. Если в библиотеке и оставались еще миазмы зла, здравый смысл и общий язык должны были развеять их без остатка.

— Перейдем к делу, — продолжал Мастерс задушевым тоном. — Я вас долго не задержу, меня ждут у павильона. Но сначала я хотел бы, так сказать, установить рамки. Как говорится, навести мосты. Согласны? Не скрою, случившееся вызовет определенную шумиху. — Он старался придать вес своим словам. — Скорее всего, дело передадут в Ярд. Одна из моих задач — наладить отношения с человеком, которому, по совету сэра Генри, можно доверять. Это взаимовыгодное сотрудничество. Я — чрезвычайно мнительный человек, мистер Беннетт. — Голова Мастерса на секунду блеснула проплешиной. Беннетт почувствовал на себе оценивающий взгляд. Такие глаза, подумал он, не упустят своего.

— Вы работали с сэром Генри и прежде, не так ли?

— Неоднократно имел честь, — пробормотал Мастерс, уставившись в чашку. — Вот почему я здесь. Но должен сказать, он работает своей головой, я своей. — Где-то Беннетту уже подмигивали подобным образом. — Поймите сэра Генри, мистер Беннетт. Он токует как немощный глухарь, пока не забудет свою твердолобую убежденность, что вообще-то должен квохтать, как шотландская куропатка. Тогда он садится за стол и начинает работать с упорством ребенка, собирающего кубики. И даже тогда, когда вы узнаете, что дело завершено, он все равно будет ворчать. Я в большом долгу перед ним, это факт. Трудные случаи преследуют меня, но выбирать не приходится. Я всё время опасаюсь таких вещей, как, например, убийство Дартворта в том каменном доме ²¹...

Невозможно было представить, о чем он думает. Столкнувшись с блуждающим зрачком исследователя, Беннетт снова почувствовал, как оживают старые сомнения.

— Будем надеяться, что наш случай другого разряда, — ответил он и тут же спохватился. — Черт возьми, это зависит от времени, когда женщина умерла!

Мастерс подался вперед.

— Совершенно верно. Поттер сообщил мне по телефону некоторые факты. Он сказал, что вы приехали из Лондона, — он бросил взгляд на несвежий воротник и мятый галстук Беннетта, — и обнаружили тело вместе с Джоном Боганом.

— Да, это верно. Ну, более или менее. До меня он провел там не больше трех минут.

— Более или менее... Расскажите мне всё с самого начала. Своими словами, ничего не пропуская, — предложил Мастерс, раскуривая сигару. Пока Беннетт рассказывал, на лице инспектора не дрогнул ни один мускул. Только ближе к концу, он позволил себе расслабиться. — Так-так-так. — Рубил он словами воздух. — На этом пока остановимся. Будем говорить откровенно: только одна цепочка следов, Джона Богана, ведущая к, и ни одной, ведущей от.

— Да.

— Это были свежие следы?

— Даю руку на отсечение, конь не валялся — это были самые свежие следы в самом пушистом снегу. Их оставили незадолго до меня.

Мастерс изучал сказанное на наличие неточностей и преувеличений, свойственных впечатлительным эмоциональным натурам, к коим уже успел причислить Беннетта.

— Следы свежие, а тело, говорите, уже было остывшим? Хм... Да. Получается, следы невозможно было оставить задолго до того, как вы их увидели, так, молодой человек? Ах! Нет, я никого не подозреваю. Конечно, это не Боган, — его улыбка выглядела неподдельной. — Но кто-нибудь видел, как он входил в павильон, кроме того, что он сам говорит об этом?

— Да, конюх, кажется. Я забыл его имя.

— А? Ну да... — Мастерс поставил чашку и церемонно поднялся. — Мне необходимы полные сведения о всех проживающих в этом доме. И обо всем, что произошло. Марсия Тайт умерла! — Проговорил он каждое слово. — Только представьте себе! Какой лакомый кусочек, а?! Сенсация... у меня под носом, первая с... ну, с тех пор... Прошу прощения, если я пристрастен. Мы с миссис Мастерс большие поклонники кинематографа, мистер Беннетт. Да, уж поверьте. — Казалось, он не понимал, радоваться или огорчаться тому, что столкнулся с делом Марсии Тайт. — Сэр Генри уведомил меня, что вы хорошо знаете этих людей, вместе путешествовали и так далее... или я ошибаюсь?

— Я путешествовал с ними, но не уверен, знаю ли, что они из себя представляют?

Мастерс высказался в духе того, что, мол, приятно было познакомиться, сердечно поблагодарил Беннетта и, извиняясь, поспешил присоединиться к инспектору Поттеру, который, похоже, уже начал задавать вопросы. Когда он ушел, Беннетт признал версию о причастности Богана абсурдной. Разволновавшись, он не заметил как дернул шнур колокольчика у камина. Томпсон вырос перед ним будто из-под земли. Наконец-то он поднимется вверх и примет долгожданную ванну.

После более чем хитроумных коридоров и одной чудесной темноватой лестницы, он сидел на кровати в просторной, но выстуженной комнате, выходящей на широкую галерею второго этажа. Обычное хмурое первое утро на новом месте. Хуже того, проходя по галерее, он мог поклясться, что слышал чей-то плач. Томпсон, вероятно, знал, откуда он доносился, но притворился глухим. «Завтрак будет подан через полчаса» — вот и всё, что должен знать гость, проснувшийся в чужом доме. Опухшая щека (разве Боган не говорил что-то про зубную боль?) причиняла дворецкому невыносимые страдания, а известие об убийстве окончательно разорвало его самообладание в клочья. Как только уха Беннетта достигли безутешные рыдания, пробивающиеся сквозь толстые стены, Томпсон заговорил громко, пытаясь заглушить их голосом умалишенного гида и указывая костлявым пальцем в сторону двери в конце галереи: «Комната короля Карла, сэр. Комната короля, ныне занимаемая мистером Джоном!» Галерея шла по всей длине дома, а комната, отведенная Беннетту, была прямо напротив покоев короля.

Сидя на кровати под тяжелым балдахином на шатающихся столбиках, Беннетт разглядывал кувшин и тазик с горячей водой. Черт бы побрал эти английские тазики вместо обещанной горячей ванны, чадающие камины и сквозняки из оконных щелей. Американский неженка, да? Да, почему бы нет? Зато ему не откажешь в умении ловко распаковывать чемоданы. Он достал бритву, нашел умывальник, правда, крохотное зеркало было установлено под таким невообразимым углом, что, вытягивая шею, он мог разглядеть, как зловещие тени Кони-Айленда²² косо усмеются ему сквозь волнистое стекло. Это было похлеще, чем проснуться с похмелья. Где его старое доброе чувство юмора? Голод, бессонная ночь, последние ужасы и комната на другой стороне, где Марсию пытались сбросить с каменных ступенек.

И тут он услышал крик. Опять! Что бы там ни было, отражаясь от стен, крик пронесся вдоль галереи из какого-то дальнего угла. Бритва выпала из рук. На мгновение душа Беннетта ушла в пятки.

Трудно было определить, что за этим последовало: шум борьбы, возня? А потом наступила тишина.

Надо было что-то делать, дать выход бессилию, страху или всему сразу. Схватив халат, он попытался быстро завернуться в него. Ну почему, когда нужно тотчас облачиться в приготовленное платье, руки тычутся в него как в сложенный зонтик! Халат расправился лишь после резкого рывка, когда один конец пояса прижали ногой. Кое-как справившись с халатом, Беннетт выглянул за дверь.

Он не увидел ничего такого, по крайней мере, из того, что мог увидеть человек из плоти и крови. Он находился в конце галереи у большого решетчатого окна, в пятнадцати футах от лестницы. На крыше каретного сарая мирно лежал снег. Серый свет из окна падал в ноги на потертую красную дорожку. Вдоль стен, обшитых дубовыми панелями, неподвижно выстроились стулья на гнутых ножках. Низкие массивные двери в золоченых обрамлениях сохраняли спокойствие. Беннетт присмотрелся к двери напротив. Не было никаких причин полагать, что крик донесся именно оттуда. Не исключено, что здесь была замешана изощренная архитектура, замысловато перемещающая любые колебания воздуха. За дверью находилась спальня Джона Богана. Но самого Богана там не было. Беннетт пересек галерею и постучал в дверь. Тяжелая створка заскрипела под его рукой.

Сдвинутые шторы в глубоких оконных нишах создавали полумрак, но даже в полумраке было видно, какое это громадное помещение. Серебряные вазы начищены до блеска. Сам он мельком отразился в зеркале. Кровать с балдахином напоминала высокий траурный лафет и была заправлена, а вот одежду Боган раскидал по всей комнате: на спинки стульев, на выдвинутые ящики письменного стола. Глаза инстинктивно искали дверь потайного хода. Комната занимала угловую часть дома, которая выходила на подъездную дорожку и лужайку. Лестница, в таком случае, должна быть в стене по левую руку от него, вероятно, между теми двумя окнами, там, где...

Шум повторился. Где-то позади него, за одной из тех дверей, хранящих секреты «Белого Монастыря». Он вышел из комнаты и двинулся вглубь галереи. Внезапно у него на пути открылась дверь и чуть не снесла ему голову. И хотя открылась она медленно, девушка, которая вышла из нее, дышала судорожно и хваталась за горло, не видя ничего вокруг себя. Из комнаты, за ее спиной, прорывались какие-то бормотания и метания, как будто там бредил тяжело больной. Наклонив голову, она скользнула вперед, прижалась к стене и выпрямилась. Руки ее опустились, и только после того, как она повернулась немного к свету, он рассмотрел покрытую синякам шею. Еще он увидел лицо. Это было лицо Марсии Тайт.

Глава 6. Кто ходит, не оставляя следов

Беннетт пытался объяснить это загадочное явление. Он отошел в сторону, чтобы дать возможность пробивающимся из окна лучам полностью осветить возникшее перед ним лицо. Как ни странно, в первые минуты шока, он не думал о призраках и галлюцинациях, или даже о том, что лицо Марсии Тайт неотвязно преследует его повсюду. Нет, сначала он признал свое поражение. Там, где-то далеко, лежал безжизненный манекен, пустая безликая оболочка, зеркальное отражение. Настоящая, живая и невредимая, Марсия стояла сейчас перед ним. Пошлый фарс закончился. Его разыграли. И он впервые за все время улыбнулся. Однако придя в себя, он с горечью осознал, что это была очередная мимолетная иллюзия, которая повергла его в соблазнительный самообман. Игра воображения, не более того. Его мозг перестал реагировать на бесконечные неприятные сюрпризы.

И когда он увидел, что перед ним была не Марсия Тайт, то испытал невероятное разочарование. В следующий момент он задавался вопросом переселения душ, например, вот этой бледности под перекрестием теней от решетчатого окна. Девушка была ниже ростом и сдержаннее в объемах; темные волосы зачесаны назад, уши открыты; неказистый серый джемпер, простая черная юбка. Во всем остальном, что он успел заметить: контурах лица, выразительных жестах, темных глазах с полуопущенными веками — сходство с оригиналом было потрясающим.

Сравнения с другими причиняют женщинам боль — эта простейшая истина едва не вылетела у Беннетта из головы. В чувство его привел голос, который никак не мог принадлежать Марсии Тайт.

— Джо... — слова давались с неимоверным трудом. Всматриваясь в полумрак, она сглотнула комок, и ее прорвало. — Джон, ты еще не ви... Ой, что я говорю? Луиза... С ней всё в порядке, это обычный... обморок. Я успокоила ее. Она не узнавала меня, билась в истерике, после того, как ночью... Она пыталась... — Ей снова стало трудно говорить, рука потянулась назад к горлу, сквозь подступающую тошноту на лице возникла слабая улыбка. — Я хочу попросить тебя послать за доктором Винном...

Пауза.

— Да вы... не мой дядя. Кто вы?

— Тише, — призвал Беннетт, почему-то чувствуя за собой вину. — Всё в порядке. Честное слово, всё в порядке! Я друг вашего дяди. Меня зовут Беннетт. Послушайте, да у вас... — Движением пальца он указал на синяки. — Позвольте мне...

— Нет! Со мной всё хорошо, это Луиза... Ой, Беннетт! Я знаю, кто вы. Луиза говорила о вас. Вы сопровождали ее отца в Нью-Йорке... Что вы делаете? — Она метнулась к двери. — Говорю вам, туда нельзя. Вы с ума сошли... она в одной рубашке.

— Ну и что? — Беннетта удивила собственная наглость. — Любой в припадке бешенства пытается защититься подобным образом. Она так делала? — И он красноречиво изобразил удушье.

В это невозможно было поверить. Простодушная, с россыпью конопушек, всегда в черном теле и в тени своего величавого родителя, добросовестная труженица, умело разгребаящая горы корреспонденции, совершеннолетняя девушка, не заслуживающая больше одного коктейля за вечер.

— Берсерк²³ что ли?.. — с наигранной обидчивостью проговорила Кэтрин Боган. Мальчишеское упорство неистового Беннетта ее рассмешило. — Луиза... Ничего не подделаешь, она увидела ночной кошмар. После всего, что она пережила... Прошу вас... Не будьте дураком... У меня нет сил...

— Я знаю, что нет, — всем своим видом он говорил, что стоять у него на пути опасно. — Пропустите меня! Да пропустите же меня, слышите!

Он подхватил ее на руки, изумленную и напуганную, задыхающуюся от сумасшедшей дерзости молодого незнакомца, понес к себе и пнул дверь ногой. Он прошел со своей ношей к окну, отчасти потому что оно было рядом, отчасти из-за того, что нуждался в дневном свете, опустил на подушки и, не глядя на нее, начал рыться в чемодане в поисках бутылки бренди, которую приберегал на случай торжественных проводов. Когда он вернулся, она уже сидела, привалившись к углу оконной ниши — усталость не оставила на лице ни гнева, ни облегчения.

— Не надо, — покачала она головой, увидев бутылку. — Я в порядке, спасибо, нет, я не буду...

— Это не повредит, хлебните. Почему нет?

Он связал ее упрямство с крайним нервным истощением — говорить без обиняков и в ущерб себе.

— Потому что... Дядя Морис сказал бы, что я пьяница. Ах, умненький-благоразумненький дядюшка Морис, вот... — Она проглотила свой сарказм как горькое лекарство. Беннет намочил полотенце в воде, выжал и начал поудобнее пристраивать его вокруг синюшно-багровых пятен на ее шее.

— Вот так-то лучше. Как, нормально?

— Конечно, вы очень любезны...

— Других вариантов нет. Расскажите-ка мне, пока я ставлю вам примочки, как вы подружились с почтенной Луизой Карью? — он невольно поежился, услышав от себя эту высокопарную приставку к имени скромной девочки, которая, наверное, так и просидит

всю жизнь на низком стульчике у ног благочестивого папаши. Он еще раз оглядел повязку. — Как же так, ваша подруга, опять же достопочтенная Луиза Карью, кричит, вопит, кусается и пытается вас задушить?.. Не крутитесь!

— Вы делаете из меня пугало огородное. Возьмите другое полотенце, — она уже не могла сидеть на месте, капризничала, на щеках появился энергичный румянец. Беннетт изучал этот странный, гибкий экспонат, скупое освещенный серым солнцем. Точная копия? Если бы он не пришел к этому через сонм непреодолимых обстоятельств, дурных предзнаменований и мелких светопреставлений, интересовали бы его сейчас такие тонкие материи?

Нет, здесь тихо, неумолимо, сквозь нервы прорастала собственная красота. Лицо было бледным и чистым, лишенным даже самых минимальных косметических ухищрений. Дальние концы тонких бровей смотрели немного вверх, в темно-карих глазах светились такие качества, как ум и жажда знаний. В отличие от Марсии, взгляд был прямым и глубоким, со всеми эмоциональными интонациями, но тяжелые веки, маленькие полнокровные губы и точеная шея были в точности как у нее.

Что еще? Еще одна жертва веры в хмурую притягательность этого дома? Отдушина для помпезных причуд братьев Боганов, как тихая Луиза для лорда Канифеста? Куча вопросов в стиле Джона Богана, когда он разводил руками по поводу Малышки Кейт... Он вспомнил, что говорил Виллард.

— Вы должны простить меня, — откуда-то издалека донесся взволнованный голос, — если я чем-то расстроила вас или наговорила глупостей, со мной часто так бывает. Но я очень люблю Луизу. Ей не везет. Это из-за отца. Вы ведь знаете, кто он?

— Мне известно его мнение.

— Да, именно об этом я хотела сказать, — кивнула она. — Понимаете, вы не безразличны Луизе. Когда она среди друзей, это совсем другой человек. Надеюсь, что мы тоже к ним относимся. — Она на мгновение посмотрела в окно. — Могу я спросить вас кое о чем? Стелла сказала... Стелла, горничная, утром принесла чай и сказала, что всё, о чем они судачили внизу, подтвердилось. Про Марсию. Это правда?

Она говорила, затаив дыхание, и он кивнул без ответа.

— Стелла сказала, что ей причинили боль, убили в павильоне, ее было не узнать, и Джон обнаружил ее там. Это тоже правда?

— Боюсь, что так.

Она снова повернулась к окну. Напряженные плечи. Непроницаемый взгляд. Немного помолчав, она спокойно задала следующий вопрос.

— Вы были влюблены в нее?

— Влюблен? Нет. Я терпеть ее не мог. Впрочем, ответ неверный. Но, боже мой, как я ее ревновал!

Ревность — на этом слове разговор иссяк. Говорить было не о чем. Он почувствовал себя не в своей тарелке. Чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, он начал искать сигареты — ему передалось беспокойство этой девушки, которую никто не замечал. Она снова заговорила:

— Уже известно, кто это сделал?

— Нет. Они, кажется, думают, что кто-то в доме.

— Верно, кто-то в доме. Это был тот же самый человек, который ночью бродил по галерее.

Он присел на подоконник; не желающий подрывать уверенность, не желающий отказываться от явно бесполезных призывов о помощи — зачем? Ощущения эти были сложны и до конца не понятны. Отдаваться им было легче, чем найти возможное объяснение. Но она, должно быть, нашла, раз неожиданно затараторила:

— Спасибо. Спасибо вам-не знаю-сколько-раз! — Не сходящая улыбка. —

Большинство сказала бы: «Я сам могу о себе позаботиться». Я могу. Но это напугало меня почти так же, как напугало...

— ... Да, — продолжала она. — Кто-то ночью был в галерее, неуверенные шаги, поиски чего-то; я не знаю чего. Бедняжка чуть не лишилась рассудка. Вероятно, мы вызовем специалиста. Кто бы это ни был, он схватил в темноте ее за руки, а затем оттолкнул ее.

— Она вам не говорила, кто бы это предположительно мог быть?

— Она была в крови...

— Когда всё это происходило?

Кэтрин безучастно покачала головой.

— Я не помню точно время, но, думаю, около четырех. Позднее я взглянула на часы у себя в спальне, вы видели, как я из нее недавно выходила. Что-то разбудило меня; я не была уверена, что именно. Затем я услышала, что кто-то копошится у моей двери и царапает ручку. Как... Как собака. Я подумала о собаке, потому что где-то рядом лаял Буран.

— Но это было у моей двери, — рассказывала она дальше. — Потом я услышала звук, похожий на падение, и кто-то побежал. Я не смела шелохнуться, пока там не раздался голос Джервиса Вилларда. Он тоже услышал шум, вышел в галерею и включил свет, чтобы узнать в чем дело. Когда я выглянула за дверь, он приводил Луизу в чувство.

— Какого черта ей понадобилось бродить в темноте в четыре часа утра? — раздраженно спросил Беннетт.

— Не могу сказать, поскольку не уверена в последовательности ее действий. Думаю, она шла ко мне, она никак не могла уснуть, и уже тогда не находила себе места. Дальше могу только предполагать — она вышла из своей спальни, не смогла найти выключатель, заблудилась и запаниковала, так как не могла найти дорогу обратно или ко мне. Знаю только, что она всё повторяла: «Свет, свет». — Кэтрин Боган смотрела прямо перед собой, руки сжали колени. — У вас когда-нибудь было такое чувство, что вы блуждаете в лабиринте и страшно напуганы безысходностью, что вам никогда не удастся выбраться или попасть в нужное место? У меня бывало. Иногда... во сне.

Он вдруг наклонился вперед, взял ее за плечи и сказал:

— Я очень люблю истории о призраках и потусторонних силах. Это оттого, что я никогда не сталкивался ни с чем подобным в реальной жизни. Но вы не должны бояться адских теней и прочей чепухи, слышите? У вас слишком богатое воображение.

— Я говорю, что есть...

— Всё, что вам нужно — это уйти прочь из этого клоповника с его холодной горячей водой в кувшине, косоглазыми зеркалами и молю побитыми призраками. Уезжайте прямо в Лондон или Париж, лучше в Париж, и оторвитесь на какой-нибудь гулянке, чтобы под бой часов загадать заветное желание. Вы должны валяться в одежде от лучших портных на алом бархате самых дорогих гостиниц. Вы должны слышать мелодию оркестров и пережить головокружительное любовное приключение, надираясь в каждом баре вокруг площади Виши. Вы должны увидеть китайские фонари на лесных озерах и танцевать в «Шато де Мадрид» в платье «почтовая марка», вы должны видеть электрические пароварки и восторгаться цветом бордо, а вас замуровали в сумасшедшую каморку, лучшую в мире за двести лет! Вы должны видеть цветение каштанов на Елисейских полях, впитывать запах лукового супа, ползущий ранним утром с рынков Левого берега²⁴. Вам нужно...

Старый подоконник служил ему трибуной. Покачиваясь за ней, как прожженный дипломат, он сопровождал свою зажигательную речь пламенной жестикуляцией. За окном открывались ясные дали. Но воздушный шар, оторвавший его от земли, лопнул, и он опять остался в дураках. Он снова упал в средневековую мрачную комнатенку с узкими бойницами вместо нормальных окон и волшебным снегом, на котором не остается следов. Скрашивало этот заносчивый приступ пустословия только пылающее лицо Кэтрин Боган. Она не отрываясь смотрела на него.

— Ах вы... вы — презренный янки! — воскликнула Кэтрин, не веря своим ушам. Злиться она не могла, пришлось заливаться беспричинным смехом. Остановиться было

невозможно.

— Э-э... Да, он самый.

— Вы вполне себе самый отъявленный мошенник, которого я когда-либо встречала в жизни.

— А вы — презренная лайми²⁵, уж если на то пошло.

— Вы не должны говорить так, по крайней мере, здесь, кто-нибудь может услышать и не так понять, угу?

Она снова стала не на шутку серьезной и собранной.

— Не принимайте близко к сердцу. Будьте снисходительны. И мне надо быть благоразумной. Вот Марсия, я имею в виду... Я больше ни о чем не могу думать. Марсия могла всё. Она одна такая, замечательная, неповторимая. — Кэтрин снова стиснула руки. — А может, — я вот о чем подумала, — а может, она ушла умиротворенной. Она лежит там мертвая, но она умерла на пике, когда у нее было всё, чего она желала. Когда у нее было всё, о чем даже не смеют мечтать. Она умерла одинокой, гордой и теперь останется вечно молодой. Кто бы не отдал за это жизнь? Бросить смертью вызов... И если кто-то разможил ей голову литой рукояткой хлыста, значит это того стоило.

Несмотря на мощный порыв, она внезапно замолчала. В наступившей тишине можно было слышать, как звонко обрывались мысли и звенели невысказанные слова. Их напор был оглушителен, как хлопок двери в пустой комнате.

— Хлыстом? — переспросил Беннетт и в упор посмотрел на нее. Он только сейчас понял, что никогда не произносил этого слова, и вот оно стало той дверью, хлопнувшей в пустой комнате.

Она поднялась с подоконника.

— Разве не им? У меня сложилось такое впечатление со слов Стеллы, — она быстро перешла на повышенный тон. Сейчас кроткая Кэтрин Боган выглядела опасной преследовательницей. — Впрочем, не важно... Я должна вернуться к Луизе. А вам огромное спасибо за всё. Не забудьте спуститься к завтраку.

Она исчезла со стремительностью фантома, прежде чем он смог сдвинуться с места и заговорить. Он уставился на дверь, потирая небритую челюсть. Непредвиденный поворот вызвал приступ бессильной ярости и, оставшись один, он пнул пустой чемодан. Чемодан полетел через всю комнату, и Беннетт помчался вслед, готовый нанести еще один удар. Но на его пути выросла кровать, он сел на нее и зажег сигарету, остервенело пуская дым.

Всё только больше запутывалось. Судорога пробежала по руке. Комната сотрясалась от хохота Марсии Тайт. Если ее сыплющий искрами портрет, нарисованный Виллардом, верен, то, живая, она никогда бы не смеялась так, как смеялась бы после смерти. Хлыст! Не было никакого хлыста в преступлении, кроме того, что висел на запястье Джона Богана. Но это было невозможно.

Полиция, наверное, уже покинула павильон. Пора идти. Мысленно отдаляясь от Кэтрин Боган, он полоскал бритву в холодной воде. Странно, но морально опустошенный, он почувствовал себя лучше, оделся и спустился вниз.

Беннетт намеревался отправиться в столовую, но его внимание привлекли громкие голоса в библиотеке. Дверь была открыта. Люстра, свисающая с потолка, бросала тусклый свет на небольшую группу, рассеявшуюся перед камином. За столом в окружении двух настольных ламп с желтыми абажурами, спиной к двери, сидел высокий мужчина в форме офицера полиции и постукивал карандашом по виску. За ним стоял переминающийся Томпсон, чуть далее старший инспектор Мастерс рассматривал книжные полки. Говорящий, бурно жестикулируя, обращался к полицейскому, неподвижно сидящему в старинном кресле, и это только подчеркивало нереальность открывшейся перед Беннеттом сцены. Со стороны казалось, что маленький человек в поношенном пальто и котелке, сдвинутым на затылок, как регулировщик на перекрестке, раздавал резкие указания, но, скорее всего, он делал какое-то безапелляционное заявление. Пара черных ленточек удерживала очки, снующие по лоснящемуся носу. Он то и дело возвращал их в исходное положение, к переносице, но они

съезжали снова.

— Не думаю, Поттер, что вы уполномочены указывать здесь, чем мне заниматься. Квалифицирую ваши действия как воспрепятствование осуществлению профессиональных обязанностей — вот чем я сейчас занимаюсь вместо того, чтобы... И если мне посчастливится провести надлежащее расследование вместе с вами, Поттер, обещаю вам, что я сделаю из вас ловкого и сообразительного полицейского, — метал он поверх очков гневные молнии. — Я сообщил вам точные медицинские факты. Если желаете, можете справиться у полицейского врача. Опросите всех кровопийц-шарлатанов с Харли-стрит, тогда вы узнаете... — Острое зрение этого человека жило своей жизнью, глаза вращались как прожектора, выискивая в темных углах всех несогласных с его мнением. Беннетта заметили.

Установилась напряженная тишина. Мастерс подошел к столу.

— А, мистер Беннетт! — сказал он. — Входите-входите, не стесняйтесь. Я собирался послать за вами. Позвольте представить — доктор Винн, инспектор Поттер. За последние полчаса мы узнали много необычных вещей...

Доктор Винн фыркнул. Мастерс утратил прежнее доброе расположение духа — по лицу скользнула мрачная тень глубокой задумчивости.

— ... которые просто нужно правильно истолковать. Сэр, я уже ознакомил этих джентльменов с вашими показаниями. Но, думаю, будет не лишним, повторить их, так сказать, из первых уст. Сухая формальность, инспектору...

Инспектор Поттер оторвал глаза от своей записной книжки. Он был воистину коровьим сыном — лысый великан с пучком жидкой поросли под носом, красноватое лицо с воловьими глазами, витающими в облаках; такой мог идти напролом, если что-то вбил себе в голову.

— Имя-и-адрес, — процедил инспектор так, что три слова слились в одно. — Если иностранец, — уже членораздельно, — прошу приложить соответствующие документы. Не под присягой, но советую для вашей же собственной безопасности быть предельно откровенным. Итак, я вас внимательно слушаю!

— Что за тон, Поттер? — начальственно вмешался Мастерс. — Если хотите, чтобы я помогал вам... Что это значит, а?

— То, — невозмутимо ответил Поттер, — что я работаю, сэр.

— Ну, тогда... — продолжил было Мастерс и махнул рукой. — Я немного покомандую, не возражаете? А теперь, мистер Беннетт, подчеркиваю, наступает важный момент. Я хочу, чтобы вы уяснили себе это. Томпсон!

Томпсон вышел вперед. В его глазах с красноватой каймой усталости проскользнула резкая черточка неповиновения, но голос был послушен — в библиотеке сейчас была сама почтенность, подумал Беннетт.

— Вы сказали инспектору Поттеру, — чопорно обратился Мастерс, — что снег перестал идти, без малого, сразу после двух часов ночи. Вы можете поручиться за свои слова?

— Да, сэр, боюсь, что могу.

— «Боюсь»? Что вы подразумеваете под этим «боюсь»?

— Да ведь, сэр, я просто боюсь лишних осложнений для полиции, — простодушно ответил Томпсон. — Клянусь, я всю ночь не сомкнул глаз.

Мастерс повернулся.

— А доктор Винн говорит нам...

— А я говорю вам с большой долей уверенности, — доктор решительно вступил в разговор и похлопал Мастерса по плечу, — что с учетом всех факторов, включая температуру, время смерти этой женщины пришлось на промежуток между тремя и тремя с половиной часами ночи. Занавес! Вы говорите, что снегопад закончился приблизительно около двух? Ну, это ваше дело. Я же хочу сказать, если снег перестал идти в два часа,

значит эта женщина была жива как минимум еще час. — Он понимал, *что* кроется за этими словами и мрачно оглядел собравшихся. — Я не завидую вам, ребята.

Поттер первым пришел в себя.

— Но, сэр, это невозможно! — воскликнул он. — Немыслимо! Послушайте, есть две группы следов, ведущих к павильону. — Как бы сомневаясь в доходчивости своих слов, он показал два пальца. — Мистер Боган предупредил нас, что следы были оставлены им и этим джентльменом. — Он указал на Беннетта. — Замечательно. Те же люди оставили еще две группы следов — когда возвращались назад. Всего четыре группы следов. Насколько мы можем судить, каждая группа — это относительно одинаковые по глубине и свежие по времени отпечатки. Больше мы ничего не нашли. В свое время, я имею в виду, в годы молодости, я некоторым образом участвовал в облавах на браконьеров. Так вот я хочу сказать вам — такие следы могли появиться только сегодняшним утром, они появились примерно в то время, о котором говорят два человека. — Он ударил кулаком по столу, показывая всем своим видом, что мнение старого следопыта обжалованию не подлежит. — Ровно сто футов белого, нетронутого, как подвенечное платье, снега вокруг — ни деревца, ни кустика. И под ним столько же футов тонкого льда. Невозможно, немыслимо, и можете отлучить меня от церкви, если это не так.

Поттер шумно втянул воздух. Но таков был Мастерс, когда ситуация выходила из-под его контроля. Он срывал зло. Разговор не клеился, амбиции сталкивались лбами. Полицейская семья — сложный организм, даже незначительное проявление слабости или агрессии могло привести к нежелательным трениям. Печально, но по отношению к Поттеру он внезапно забыл о своих лучших качествах доброго семьянина.

— Прикусите язык, Чарли Поттер! — взорвался Мастерс. — Будете держать рот на замке, пока вам не скажут, или я сообщу главному констеблю графства о ваших самобытных методах расследования убийства. Пусть свидетель говорит! Наше мнение, что он говорит правду, не имеет никакого значения. О Боже, с кем приходится работать Скотланд-Ярду! Я не понимаю...

Инспектор Поттер самым зловещим образом прикрыл один глаз.

— Уф! А Санта-Клаус может вести расследование, хотел бы я знать? — спросил он, не теряя самообладания. — Вы, кажется, были Санта-Клаусом или я чего-то упустил? Всё верно. Играем в Санта-Клауса. Здесь. Сейчас. Я привел общеизвестные факты. Я вам больше скажу — у нас есть свидетель, очень надежный, Билл Локер, которого я знаю всю жизнь, победитель Дерби последних трех лет. И это невероятная удача. Билл Локер видел, как мистер Боган вошел в павильон. И никто не прятался там, что было нами доказано. А сейчас, — он швырнул карандаш на стол, как перчатку, — когда вы не Санта-Клаус и не можете творить чудеса, я попросил бы вас относиться с полным уважением...

— Тпру, братцы! — засуетился маленький доктор. — Думаю, пора немного поостыть. Да уж, ничто не придаст такой пикантности уголовному делу как выставленная напоказ стычка полицейских в самом начале расследования.

Почистив перышки, Мастерс не без труда вернул себе невозмутимый вид.

— Ладно, забудем, — пошел он на попятную. — Сдаюсь! В настоящий момент вы здесь главный, и вы совершенно правы, вы действуете в рамках своих полномочий. — Он сложил оружие. — Осмелюсь предположить только, пока доктор не ушел, что вы уже навели справки об орудии убийства?

— Орудии? — доктор Винн нахмурился. — Хм, не знаю... Это по вашей части. Всё, что могу сказать: использовался обычный тупой предмет. Достаточно тяжелый. Положение ран указывает, что первый удар пришелся спереди, а потом нанесли пять-шесть сильных ударов, когда жертва лежала на боку или лицом вверх. Травмы глубокие. Безусловно, полицейский врач скажет вам более точно *post mortem*²⁶.

— Не думаю, что это дело женских рук, сэр, — заметил Поттер, поразившись, почему такая мысль не пришла ему сразу.

— Согласен, учитывая силу ударов и вес орудия.

— А кочерга, брошенная в камин?

— Я бы сказал, что-то более утолщенное, имеющее угловатую поверхность, в той или иной степени — но опять же, вам решать.

Наблюдая за прошениями о ниспослании благодати, Беннетт увидел, что лицо старшего инспектора приобрело выражение ясного, терпеливого страдания, как у учителя в интернате для слабоумных. Мастерс шумно прочистил горло, когда инспектора Поттера посетила новая идея:

— Не мог ли это быть разбитый графин из толстого стекла?

— Бог ты мой, старина, это могло быть что угодно. Пройдитесь по отпечаткам пальцев, пятнам крови и так далее, — Винн надвинул шляпу, придав ей залихватский угол, и взял в руку черный саквояж. Он покосился на инспектора. — Хм, не думаю, что это был графин. На лице нет ни капли портвейна, на одежде ни пятнышка, так или иначе вокруг тела вообще ничего нет, даже осколков. Господь свидетель, мой друг, я пытался хоть чем-то помочь. Мне жаль, но вы откровенно ходите по кругу и никак не можете выбраться. Я понимаю, что вам не хочется признавать этот удар, но налицо невозможная ситуация.

— Bravo! — из теней на другой стороне комнаты раздался новый голос, да с такой внезапностью, что все подпрыгнули на своих местах. — Неужто никто не может объяснить, как было совершено убийство?

Глава 7. Шаг к виселице

Инспектор Поттер, призвав силы небесные, вскочил на ноги и чуть не опрокинул массивный письменный стол. Даже Мастерс опешил. Все сгрудились на пятачке света, брошенного от двух, затененных абажурами, настольных ламп, люстры на потолке и пылающего камина. Свет настольных ламп в виде высоких тиар уходил под самый верх крестообразной крыши. Однако в большей части библиотеки было по-прежнему сумрачно, и казалось, это книги, застоявшиеся, как сухие деревья, бросили здесь свои мертвые тени.

Беннетт посмотрел в сторону гигантского окна с резными стеклами, напротив которого стояло большое гобеленовое кресло, обращенное высокой спинкой к камину. Над креслом сначала показалась голова, затем отделилась вся фигура, темная на фоне серого неба. В другом конце комнаты услышали звон стекла и почувствовали запах сигарного дыма. Шаркая по каменному полу и пошатываясь, к ним приближался некто, напоминающий тучного гоблина с сигарой в зубах. Спустя мгновение можно было разглядеть взъерошенные черные волосы, деревянное лицо с застывшей улыбкой и покрасневшие глаза.

Удивила Беннетта не столько сама персона, завернутая в шелковый халат невообразимой расцветки, сколько то, что Карл Райнгер был сильно пьян.

Твердые губы зашевелились.

— Прошу извинить меня, господа. На самом деле, я в вашем распоряжении. Откровенно говоря, я подслушивал. Когда вы вошли, я сидел с Бетси, — он погладил горлышко бутылки, высунувшейся из кармана халата. — Бетси — вторая за сегодняшний сеанс моего общения с природой. Моя душа непрерывно рвется к новым блаженствам, в то время как окружающий ее пейзаж удручающе скуп и сдерживает эти благородные порывы. Красивая страна. Ха-ха-ха!

Толстяк вступил в круг света. Устрашающий облик с улыбкой лунатика сменился представлением живейшего участия — он крутил головой по сторонам, жевал сигару и хлопал ресницами. Только неподвижные свиные глазки по-прежнему зорко следили за происходящим.

— Мое имя Райнгер, если кто-то еще не знает. Мистер Мастерс, позвольте кресло, да, то, что сзади вас. Благодарю. Ах! Что же... Доброе утро, джентльмены.

— Доброе утро, сэр, — буркнул Мастерс после небольшого замешательства. Убрав одну руку за спину, он сделал ладонью короткую отмашку и выразительно посмотрел на Поттера. — Если я вас верно понял, вы хотите сделать заявление?

Райнгер задумался. Ощетинившийся череп по-детски раскачивался вперед-назад, остекленевшие глаза завороченно смотрели на огонь.

— Да, думаю, что хотел бы сделать... В некотором роде, это так. О-хо-хо... В общем, я могу объяснить невозможную ситуацию, которая всех переполошила.

Мастерс ждал.

— Конечно, сэр, мы готовы выслушать любые предположения. Всенепременно. Но при одном условии, если не возражаете. Вы уверены, что в состоянии сообщить нечто совершенно важное?

— В состоянии?

— Ну, а как же вам еще сказать, что вы слегка перебрали?

Райнгер медленно развернулся, скрутив рыхлыми телесами свое и без того невероятное одеяние в какой-то совершенно дикий узел. На лице появилось хитрое выражение выглядывающего из-за угла бандита. Затем его озарила почти людоедская улыбка.

— Бог оценит ваше целомудрие, инспектор, — почти нежно произнес он. — «Слегка перебрали». — Он зашелся в удушливом смехе, пока на глаза не выступили слезы. — Ну хорошо, давайте убаюкивать друг друга. Конечно, я немного заложил за воротник. Самую малость. Да я пьянее всех чертей вместе взятых, инспектор, и мы оба прекрасно об этом знаем. В лучшие времена, прежде чем сбылась идиотская мечта стать уважаемым и завязать, я ни дня не просыхал. Но я жил и крутился, и в свое время ему — он постучал костяшками пальцев по лбу — это было необходимо. Я пил, потому что слишком многое видел насквозь, а они называли это нездоровой тягой. Хе-хе!

— Хотите доказательств, инспектор? — напористо продолжал он, черпая силы из волшебной сигары, которой целился в Мастерса. — Хотите угадаю, о чем вы думаете? Вы думаете: «Может, это признание. Может быть, я заставляю этого ничтожного скользкого бабуина плясать под свою дудку, дай Бог, размякнет и ляпнет что-то, чего не должен говорить?» Как же вы простодушны. Да, я могу сболтнуть лишнего. Но я ее не убивал. Невероятно, но у меня есть алиби.

И он неприятно расхохотался. Мастерс понимающе тряхнул головой.

— Почему бы нет, если вы так ставите вопрос, сэр. Вполне возможно, что я о чем-то таком думал.

— А что касается вас, — сигару внезапно перенаправили на Беннетта, — вы думаете: «Опять этот сукин сын». Разве не так, нет? — Это длилось секунду, но сила пристального взгляда и каменного оскала была ужасающей. Потом всё смешалось, заплясало перед глазами и растворилось. — Почему вы так думаете? Почему все так думают? Что это? Всю жизнь я бьюсь над этим. Я — Карл Райнгер. Я начинал строительным рабочим на железной дороге. Вы видели мои руки, даже сейчас?.. Я мог зарабатывать, как звезды, с которыми когда-либо работал. Потому что, когда я заканчиваю картину, кто бы ни снимался, после этого он становится звездой. Всё это я. Это то, что я умею делать. Тогда — почему?.. — Он потер лоб и заговорил упавшим голосом. — Ну и пошли все к черту — вот и всё, что я могу сказать. — Казалось, он удивился этим словам. — Паршивые крысы, все до одного. Никому не верю. Да... А теперь, инспектор... Где вы там? Ау! Где вам показать, что вы проглядели? Куда положить свое доказательство?

— Сэр?

— Доказательство того, — лицо Райнгера просияло, — что Джон Боган убил Марсию Тайт.

— Милостивый Боже! — ахнул доктор Винн и замер, увидев как Мастерс воспрял духом.

— Большое спасибо, доктор, — старший инспектор своеобразно поблагодарил Винна за то, что тот напомнил о себе. — Вы были наиболее полезны. Не вижу смысла задерживать вас, э-э, всего хорошего... Томпсон, вы все еще здесь? Я думал, что сказал вам... Моя оплошность. Подождите пока.

— Этот человек пьян, — отрезал маленький доктор. — Понимает ли он, о чем говорит? Ха, Джон Боган! Гость называется... Ладно, ладно, уже собираюсь. Уже иду. Джон завтракает. Думаю, надо сказать ему, чтобы пришел сюда.

Мастерс, дородный и великодушный, никак не мог избавиться от назойливого доктора. На виске уже пульсировала жилка, а надоедливый камушек всё еще не желал вытряхиваться из ботинка. Беннетт предложил немедленно отправиться к Луизе Карью, описав в общих чертах, что произошло наверху. «О! А?» и «Оставайтесь здесь» — всё, что успел сказать Беннетту старший инспектор, выпроваживая Томпсона с Винном. Когда визгливый голосок доктора удалился по коридору, Мастерс вернулся к Райнгеру, который, увидев, что все разбрелись кто куда, впился губами в початую бутылку джина. Пока он пил, его сардонический глаз, не мигая, таращился на старшего инспектора.

— Вы намерены обвинить Джона Богана в убийстве, — обратился к нему Мастерс, одновременно мягким жестом останавливая Поттера. — Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что это весьма серьезный шаг, даже, когда вы твердо уверены...

— Естественно, я пришел не с пустыми руками, дружище. Хе-хе. У вас были показания Богана и актера Вилларда, — лицо кинорежиссера снова стало деревянным, черты обострились. — Слушайте, только не корчите из себя святошу, отказывающегося от процентов. Я слышал ваше обсуждение и знаю, что они говорили. Они дали свои версии. А теперь я дам вам свою. Вы еще не поняли, почему в снегу была только одна цепочка следов — к павильону?

— Будьте внимательны, сэр. Помните, это были свежие следы.

— Безусловно, свежие... — Он глубоко вздохнул. — Сначала! Боган был в Лондоне у его светлости. Вечер с великим лордом Канифестом. Он говорил вам об этом?

— А? — Мастерс скосился в сторону Беннетта. Беннетт помнил, что Мастерс разговаривал с Г. М. и должен уже многое знать. — У мистера Богана была деловая встреча — это всё, что он нам сообщил. Вы говорите о газетном магнате? Именно с ним.

— Теперь вам надо знать, почему Боган с ним встречался, если еще не знаете, — Райнгер снова изменился в лице. — Канифест собирался спонсировать пьесу с Марсией. Но вчера ночью он отказался. Боган и Марсия опасались, что он может это сделать. И поэтому Боган всё это время торчал в Лондоне и крутился вокруг Канифеста.

— Пусть так, — быстро отозвался Мастерс. — Но почему он... э-э... лорд Канифест отказал?

— Потому что кто-то нашептал ему разное. Канифест надумал жениться. Он предложил руку и сердце, — свои слова Райнгер подкрепил соответствующим жестом, — нашей прекрасной нимфе. Его светлость слишком упрям и может рисковать чем угодно, только не в вопросах брака. И вот ему что-то сказали. Там было о Марсии, и Боган боялся плохих новостей.

Мастерс прокашлялся.

— И в самом деле. Имеется в виду, ему что-то сказали о личности мисс Тайт?

— Что? О, Бог возлюбил нас, инспектор, — лицо Райнгера перекосило от дикого отчаяния, — и вашу трижды святую простоту. Нет! Можете ли вы себе представить Канифеста у замочной скважины или собирающего сплетни? Ее семья была достаточно добропорядочной для того поведения, которое кажется простой шалостью. Ха-ха, нет! То, что сказали ему, возможно, было совсем о другом. Боюсь, Марсия могла быть весьма благочестива.

— Весьма благочестива?

— Делом в том, что у нее уже есть муж, — сказал Райнгер и загоготал.

— Есть муж? Кто? — старший инспектор не сразу пришел в себя.

Райнгер манерно пожал плечами, явно наслаждаясь произведенным эффектом. Этот маленький пузатый Мефистофель в аляповатом халате, закрыв один глаз и вращая другим, смотрел сквозь клубы табачного дыма и улыбался.

— Почем мне знать? По части этого у меня имеется кой-какая теория, очень привлекательная. Могу подарить. Интересно, кто бы это мог быть, а?

Мастерс сейчас был рад любым предположениям. Райнгер пошел в обход.

— Мой добрый друг Джервис Виллард рассказал вам, что прошлой ночью Марсия была расстроена и металась из угла в угол. Теперь вы понимаете, почему? Она ждала Богана. Она ждала решения. Вижу, даже вы понимаете, что если сейчас Канифест не поддержит пьесу, то ее вообще никогда ставить не будут.

— Так-так, — замылся Мастерс. — Я представляю, какой популярной актрисой была мисс Тайт. Безусловно, продюсеры выстроились в очередь...

— Вот тут вы ошибаетесь, — прервал его Райнгер, качая головой. — Только не после того, что она сказала о них на страницах газет. О всех вместе и каждом по отдельности, да еще в лицо. — Механическая улыбка сделалась еще ужаснее. — Что бы она ни говорила, можно было цитировать как афоризм.

— Да, что-то такое писали в новостях, — пробормотал Мастерс. — Скажите, прошлой ночью Боган должен был вернуться прямо к ней?

— Естественно, к молодой темпераментной бабе, к кому же еще. Представляете, о чем думал Боган, когда должен был войти и сказать ей, что всё было зря. Они могли найти другого покровителя, но... Марсия была не слишком популярна, не слишком популярна здесь. И, конечно же, холодно принята в этом доме. Вчера вечером меня порядком повеселила мисс Кэтрин Боган, когда пыталась столкнуть Марсию с каменный лестницы.

— Какого чёрта?

Беннетт почувствовал, как сердце бешено колотится в пустой груди. Он сделал шаг вперед, чтобы Райнгер посмотрел ему в глаза.

— В чем дело? А, ваш оруженосец! Не обращайтесь внимания на то, что она сделала. Позвольте, юный друг полицейских, я продолжу. Виллард умолчал об этом маленьком недоразумении, не так ли? Забудьте. Джон Боган сделал первый шаг к виселице. Он говорил вам, что приехал из Лондона около трех ночи? Это ложь. Он вернулся в половине второго, когда снег валил во всю.

— Где он сейчас? Хорошо, возьмите на заметку, Поттер. Откуда вы это знаете? Вы видели его?

— Увы.

Мастерс, казалось, надышался гнилых испарений.

— Теперь послушайте меня. Я терпеливо слушал других и слышал нечто большее, чем голословные обвинения. Признаюсь, это мне порядком надоело. Я попросил бы вас прекратить этот разговор и отправиться наверх, вы нуждаетесь в отдыхе.

Рука Райнгера конвульсивно дернулась.

— Дайте же мне договорить, черт бы вас побрал, — его голос был готов сорваться на крик. — Я всё объясню, я играю в открытую. Разве вас не устроят одна-две минуты? Всего две минуты. Ради Бога, я должен сказать... — Пожалуй, впервые его охватило неподдельное отчаяние, разбив непробиваемую броню. На лице осталось только холодное презрение. — Сейчас я всё объясню. В полночь, когда мы проводили Марсию в павильон (Виллард сказал правду), мистер Боган, мистер Морис Боган и ваш покорный слуга прошли сюда, в библиотеку. Мистер Морис — мой гостеприимный хозяин. Мы говорили о книгах и других малоинтересных для вас вещах. Мы провели здесь около двух часов. Естественно, мы не видели и не слышали, как появился Боган — подъездная дорожка на другом конце дома. Зато мы слышали собаку.

— Собаку?

— Большая сторожевая собака, немецкая овчарка, так, кажется, вы их называете. Ее не отпускают на ночь, она может наброситься на кого угодно. Они держат ее на такой пружинной катушке, которая, разматываясь, позволяет бегать на двадцать-тридцать футов во дворе конюшни, но не больше. Она лает на всех подряд — сказал мне мистер Морис. Вы

меня слушаете? Мы сидели здесь, когда вдруг услышали лай, время шло, но пес всё не унимался. Я спросил: «Кто-то из гостей или нас грабят?» Он ответил: «Нет, наверное, Джон вернулся. Сейчас половина второго». Мы заговорили о детективных историях (он читает их запоем). Если собака не лает, значит, рядом хозяин или кто-то свой, и якобы это дает, он сказал, подсказку. Бред какой-то. В жизни собаки лают на каждого, пока ты не подойдешь достаточно близко, чтобы заговорить.

Райнгера разбил кашель. Лоб покрылся испариной — сказывалось изрядное количество выпитого. Голова тряслась, язык заплетался, хотя до этого он говорил без запинки.

— Была уже половина второго. Старший Боган протянул мне часы и сказал: «Взгляните, уже половина второго». Всегда услужливый, он стал суетиться и нервничать еще больше по поводу непрекращающегося лая. Потом он вызвал дворецкого и сказал, чтобы тот позвонил на конюшню и попросил запереть овчарку, иначе он сойдет с ума.

Поттер вслух сверился с записями.

— Это частично подтверждается, сэр, показаниями дворецкого, который, по его словам, воспользовался телефоном в час-тридцать, чтобы передать вниз просьбу хозяина.

Мастерс развел руками.

— И это всё, мистер Райнгер? Вы считаете этого достаточно, чтобы обвинить человека в убийстве?

— Нет. Я как раз собираюсь рассказать, что сделал Джон Боган. Он приехал в половине второго, оставил машину на подъездной дорожке. На нем был вечерний костюм и лакированные туфли на тонкой подошве...

— Как вы узнали?

— Мой мозг... Я, видите ли, иногда пользуюсь его услугами, — Райнгер склонился вперед. — Я узнал это от горничной. Утром она затопила камин в его спальне. Шмотки были разбросаны по всей комнате. Также она мне сказала, что к кровати не прикасались. Горничная знает свою руку — постель не разбирали.

— Отметьте это, Поттер, — сказал Мастерс после короткой паузы.

— Он сразу же пошел вниз, к павильону, как они и договаривались с Марсией. (Дурак соврал вам, будто не знал, что Марсия была там, хотя, как он признался позже, она сказала ему, что будет ждать там. Он знал, что Марсия не передумает. Вы потом поймете, почему он лгал). Собака лаяла дольше обычного. Почему? Из-за времени, которое понадобилось ему, чтобы спуститься к павильону. Если бы он вошел в дом, она тут же заткнулась бы.

У Поттера вырвалось невнятное восклицание.

— Вы полагаете..? — спросил было Мастерс.

— О-хо-хо, он был ее любовником, — опередил его Райнгер. — Я знал. — Он внезапно наклонился и плюнул в камин.

— Смотрите, он принес плохие вести. Марсия не могла спокойно воспринимать удары судьбы и крушила всё, что попадалось под руку. Но вы плохо знаете Богана, если думаете, что он выложил всё как есть. Он слишком труслив. Он долго тянул и сперва сказал ей, что всё в порядке. Он просто пудрил мозги, задабривая ее, болван считал, что сначала он должен получить Марсию в хорошем расположении духа, а потом, получив свое, он признается. *Bay!* Он и признался потом, что она впервые сказала ему о своих настоящих чувствах.

Райнгер заговорил решительнее.

— Он разнес ей голову через час или полтора после того, как вошел в павильон. Затем дурачина обнаружил, что снег давно кончился. Следы его ног, ведущие к «Зеркалу», замело. Вокруг белым-бело. Нужно уйти, не оставив следов, иначе его вздернут. Спокойно. Что он делает? Что сделал бы любой олух?

Райнгер прекрасно понимал, что держит аудиторию. Он даже — в частности Беннетт поверил в это на какую-то долю секунды — постарался протрезветь для такого торжественного момента. Его выдали лишь дрожащие пальцы и шатающаяся голова.

— Ну, пошевелите своими мозгами! — сейчас в Райнгере говорил сам дьявол, призывая слушателей совершить нечто из ряда вон выходящее. — Каков был единственный шанс на спасение?

У Мастера был такой жеманно-растерянный вид, будто его заставили расстаться с самым дорогим секретом на свете.

— Если бы я был на его месте (нет-нет, только в качестве предположения), то пошел бы самым простым путем.

— Ну и каким же?

— В странные игры мы играем! Каким? Ну, я вышел бы из павильона и пошел такой походкой, чтобы потом никто не догадался, кому принадлежат мои следы. Я бы плутал, петляя из стороны в сторону, подпрыгивал, загребал снег ногами, тем самым внося путаницу. Я бы шел так до самого шоссе или куда угодно, даже к дому.хлопотно, долго? О, я признаю, это заняло бы какое-то время, да еще в темноте, но, думаю, что управился бы до рассвета.

Райнгер сдул пепел.

— Любой олух прежде всего подумал бы о собаке, — сказал он.

Мастерс насупился.

— Собака, мой полицейский друг, которая так чертовски и так долго лаяла, хотя Боган быстро дошел до павильона, что старику пришлось ее запереть. Есть над чем подумать, а? Мистер Джон помнил про собаку, она чуть не выдала его до этого. Он думал, что ему хватит пятнадцати-двадцати минут на возню со следами. Откуда он мог знать, что собаку заперли? Что происходит в доме, когда собака лает до четырех часов утра? Все просыпаются, все смотрят в окна. И все увидели бы Джона Богана.

Беннетт, как во сне, уселся на диван. Мысли крутились вихрем, он понимал, что этот человек во многом прав.

— Так что же он всё-таки сделал? — спросил обескураженный Беннетт. — Он не мог оставаться в павильоне без следов снаружи; он не мог уйти и оставить следы, чтобы запутать их — на это у него не было времени. Он сказал, что когда переоделся для прогулки верхом и поговорил с дворецким, заканчивался седьмой час утра. Могу поклясться на Библии, когда я добрался до павильона, там была только одна цепочка следов — ведущая к нему.

— Совершенно верно. Не надо так волноваться, сэр, — напомнил Мастерс о себе. — По словам дворецкого, его действительно подняли на ноги без четверти семь.

Райнгер наслаждался триумфом. Он переводил взгляд с одного на другого.

— Конечно, конечно, конечно. Это было его алиби. Он хорошо помнил о запланированной прогулке. Но разве вам не показалось забавным, что он *должен был* сказать, что встал рано утром, нацепил одежду для верховой езды и пошел будить дворецкого, прежде чем удостовериться, что прогулка состоится, а? Он попытался быть умным. Он думал, что он умный. Сапоги для верховой езды весьма полезны. Они больше, намного больше узких лакированных туфель для танцев.

Мастерс присвистнул. Он скорчил выразительную гримасу, но Райнгер продолжал:

— Он ждал до утра, чтобы в потемках случайно не столкнуться с кем-нибудь лицом к лицу. Мне нравится представлять его, обливающегося потом, рядом с мертвой женщиной. Затем он вышел из павильона и пошел задом наперед. Когда он переоделся и состряпал свое алиби, всё, что ему нужно было сделать потом, это вернуться в павильон, попадая в собственные следы, и «обнаружить» тело. Он бы не смог этого сделать, если бы размеры обуви были одинаковыми. В слишком тонком слое снега он оставил бы почти неразличимые отпечатки, в слишком глубоком — ноги увязли бы в канавках, которые трудно было бы назвать следами. Но свежий отпечаток большей подошвы во всех случаях

полностью накрывает отпечаток меньшей. Когда вы идёте по собственным следам, отпечатки подошв и каблуков перемешиваются внутри следа, но всегда это будет сделано одним и тем же способом, отражающим особенности вашей ходьбы. Неудивительно, что следы выглядели свежими. Неудивительно, что конюх его видел только издали — и только у двери. Он буквально замел свои ранние следы собственными же следами, только более поздними. Он создал себе самое безупречное алиби, которое когда-либо было в истории преступлений. Вам не показалось, молодой человек, — Райнгер, сохраняя на последнем издыхании связную речь, обратился к Беннетту, — что когда вы свалились туда как снег на голову, он выглядел немного испуганным?

Мгновением позже, оглянувшись, Райнгер увидел, что полностью завладел вниманием присутствующих. Затем он неуклюже поднялся на ноги, лицо скукожилось как печеное яблоко, в глазах замельтешила карусель, появилась легкая одышка. Он достал бутылку из кармана.

— Я рассказал вам, как всё произошло. Теперь распните его.

Глаза Райнгера начали слипаться, он нелепо потянулся навстречу бутылке, пытаясь опрокинуть в себя несколько капель, и вдруг начал падать. И упал бы, если бы Мастерс не подхватил его.

Глава 8. Завтрак с Доктором Сухарем

— Дайте руку, Поттер, — резко сказал Мастерс с окаменевшим лицом. — Положите его на диван. Лучше позвать Томпсона. Подождите немного. Так, держите ноги...

Они подхватили обмякшее тело — бесформенный, храпящий мешок, пускающий слюни, с кучей мусора в голове. Когда они пристроили его на диван, халат задрался назад. Они увидели, что на нем был все еще вечерний костюм: брюки, жесткий воротничок, мятая рубашка. На маленьких, как у женщины, ступнях торчали домашние кожаные туфли красного цвета. Мастерс осторожно вынул из его пальцев окурки сигары и бросил в камин. Он поднял с пола упавшую бутылку и огляделся.

— Станный человек, — сказал он, — очень странный. Удивительно! Подождите немного, мистер Беннетт. Куда вы собрались?

— На завтрак, — ответил тот с печатью крайней усталости. — Все эти вещи меня доконают.

— Ну-ну, держитесь, мой друг. Не спешите, я пойду с вами. Нам нужно кое о чем поговорить. Есть минутка?

Беннетт с любопытством посмотрел на него. Некоторое время ушло на то, чтобы понять, почему старший инспектор Скотланд-Ярда беспокоится на его счет и ищет расположения. Вскоре он узнал ответ.

— Возникает вопрос, — продолжал Мастерс, потирая нижнюю челюсть. — Как вы думаете, Поттер, этот человек говорит правду? Ведь гладко всё рассказал...

Инспектор пожевал губами, достал записную книжку и вдохновенно выругался.

— Звучит убедительно, сэр, — процедил Поттер, — в определенном смысле. И всё же... — Он чуть не проткнул карандашом книжку. — Так вот... По-моему, ясна только половина дела: вопрос финансовой помощи и всё такое. А вот как всё было дальше? Ну, как это могло быть проделано. Вот здесь загвоздка.

Добродушные, серо-голубые глаза Мастерса повернулись в сторону Беннетта.

— Я и Поттер, всегда готовы выслушать любые предложения. Есть мысли?

Беннетт огрызнулся и сказал, что всё это полная чушь.

— Почему?

— Ну...

— Потому что Джон Боган — ваш друг? Чушь, чушь, чушь... Ладно, это несущественно. Конечно, это делает вам честь. Но мы должны признать, такая версия объясняет всё, — выпучил глаза Мастерс.

— Я знаю. Но вы действительно полагаете, что Джон мог повернуть этот смехотворный трюк со следами? Если бы на первый взгляд он не был таким убийственно правдоподобным, если бы за этим не последовали некоторые странные совпадения, то вы бы не уделили ему и минуты внимания. Я не верю, что Боган мог это сделать. Кроме того, этот человек, — Беннетт сделал паузу, чтобы все услышали пьяное бормотание, — вряд ли мог сказать что-нибудь другое. Вы слышали, какие дикие заявления он делал?

— Да, конечно. Но какие именно заявления вы имеете в виду, например?

— А? Ну да. Какие заявления, вы спрашиваете? Ну, в частности, о племяннице Богана, пытавшейся убить Марсию Тайт, столкнув ее с лестницы.

Внезапно он понял, что попал в очень простую ловушку.

— Так, — вкрадчиво остановил его Мастерс. — Пожалуйста, расскажите всё, что вы знаете об этом случае. Я выслушал Вилларда и Богана, но никто из них не упомянул о попытке покушения на мисс Тайт. Довольно странно. Вы говорите, ее пытались столкнуть вниз?

— Послушайте, давайте сначала посмотрим, что они там подадут на завтрак. В голове совершенно пусто, я ничего не могу сказать определенного. Вы должны расспросить их снова. Не думаю, что вы хотели бы иметь информацию из вторых рук. Кроме того, я вроде не похож на осведомителя...

— Стукача, вы хотели сказать? Вот значит как... — Мастерс осматривал лежащую на спине дряблую тушу, с поднимающейся, как меха, грудью, из которой вырывался оглушительный храп, и чуть не лопался от смеха. — Насчет вторых рук, так сказать «испорченного телефона», могу заверить, что буду всегда рад любой информации. Разного рода. И из любого источника, понимаете? Поттер, э-э, эта племянница, молодая, симпатичная, верно? Мистер Райнгер... — Сильный всхрип. — Мистер Райнгер заявил, что мисс Тайт замужем. Проверьте это. Мне интересно, почему Райнгер такой грязный, на этот раз я говорю в буквальном смысле — посмотрите на него.

Он раздвинул края халата. Вся рубашка спереди была испачкана порошкообразным веществом черного цвета, словно сквозь нее просеивали угольную пыль. Наиболее грязными были плечи. Рукава пребывали в том же плачевном состоянии. Перевернув тело так, как будто перед ним лежал манекен, Мастерс увидел на спине такие же черные полосы.

— Руки чистые, вымыты совсем недавно, аж сияют. Посмотрите на них. Хм. Интересно, что он там говорил насчет своего алиби? Думаю, надо отнести его наверх и пока оставить в покое. Что ж, Поттер, значит, говорите, делали когда-то облавы и знаете всё о следах на снегу? Что скажете, мог Боган применить маленькую хитрость?

Поттер впал в глубокую задумчивость.

— Эх!.. — наконец воскликнул он в сердцах и уставился в потолок. — Вот что я вам скажу: не лежит у меня душа к этому делу. Вы сказали, что являетесь вышестоящим должностным лицом, так? Так вот... Я намерен официально запросить Ярд и доложить, что мы нуждаемся в помощи. Черта с два я собираюсь кувыряться с этим один. Вот так.

— Другими словами, как я понял, вы против версии Райнгера.

— Да не знаю я, вот что меня убивает. Пойду гляну еще раз на эти следы, что-то в них есть, — сказал Поттер, захлопнул записную книжку и встал.

Мастерс на ходу дал ему несколько указаний. Никто не расслышал, о чем они шушукались в дверях, но Поттер удовлетворенно кивнул и ушел с загадочной улыбкой на лице. Затем Мастерс подозвал Беннетта, и они отправились в столовую.

Большой обеденный зал, именуемый столовой, располагался в задней части дома. Вид из окон охватывал часть лужайки, хвойную аллею и павильон. Веточки остролиста украшали люстру и обрамляли потемневший от времени портрет над каминной полкой. Странные вкусы: огромный вычурный камин, рядом, в посудном шкафу, легкомысленные

оловянные тарелки, начищенные до блеска — всё это неуместное веселье повергало в страшное смятение среди мрачной мебели и стен. За круглым столом, откинувшись на спинку стула, с бледным, измученным лицом, сидел Джон Боган, блуждая унылыми глазами по паутинам на балках потолка. В уголке рта свисала давно потухшая сигарета. Напротив него, налегая на яйца и бекон, сидел чопорный, привередливого склада, человечек, который быстро вскочил на ноги, как только гости вошли внутрь.

— Я прошу прощения, — засуетился он, выбежав им навстречу. — Вы... — Он вперился в них мутными глазами, по пути вытирая салфеткой рот. Это был обладатель костлявого лица с выпирающим крючковатым носом, над которым возвышался величественный череп с зачесанными назад седыми волосами. Тонкий рот и блекло-серые глаза с черными зрачками, размером с маковое зернышко, неустанно шевелились в морщинах, — неопределенность, смешанная с быстро меняющимся настроением, что могло быть проявлением живейшего любопытства или, наоборот, нарушенного покоя. Он был одет самым тщательным образом, носил детально подобранный, словно по схеме, черный костюм. Вокруг него распространялся стойкий запах старых книг и мореного дуба. — Вы... Как можно быть таким простофилей, я всё время забываю... Вы — мой гость, а вы — инспектор полиции.

После вялого рукопожатия, он пригласил их к столу.

— Я не представился? Морис Боган. Это мой брат Джон. Вы с ним уже виделись, не так ли? Вот... Боже, какой ужас! Так получилось, обо всём узнал только полчаса назад. Что ж, лучший способ набраться сил и помочь правосудию, говорю я Джону, это поесть. Вы присоединитесь к нам? Отлично. Томпсон! Еще приборов и закуски.

Когда этот, почти невидимый, дух исчез в буфетной, Морис Боган сел. Беннетт заметил, что он слегка прихрамывал, трость с массивным золотым набалдашником прислонилась к стулу. Как мог этот слащавый гном быть автором скабрезного фарса? Мастерс изучал братьев, особенно Джона, по-прежнему угрюмого, неподвижного, засунувшего руки в карманы брюк.

— Моя обязанность предупредить вас, что вы пригласили меня на свой страх и риск, — объявил Мастерс не своим голосом, которым по обыкновению мог развеять любое напряжение в воздухе. — Официально я не связан с этим делом, хотя и сотрудничаю с инспектором Поттером. Будем говорить, что я приятно провожу здесь время. Так что, прошу всех, как говорится, к общему котлу. Именно так... Мне? Да, копченую рыбу, будьте добры.

Джон Боган опустил голову.

— Инспектор, давайте без ложных манер. Какие новости? Кроме меня и Вилларда, кто-нибудь еще исповедовался?

— Боюсь, что нет. Собственно говоря, я успел выслушать только одного человека. Некто Райнгер, знаете такого? — ответил Мастерс с набитым ртом.

— Твой уважаемый друг, Морис, — сказал Боган, повернув голову. — Он высоко чтит твое ученое имя и, может быть, упомянет его в своих титрах.

Морис аккуратно положил нож с вилкой, посмотрел через стол и тихо сказал:

— Почему нет? — В его голосе было столько прагматизма, что Беннетт даже повернулся, чтобы посмотреть на такое удивительное самообладание. Затем Морис неопределенно улыбнулся и вернулся к еде.

— Боюсь, мистер Райнгер, — Мастерс вел себя как дипломат. Его широкая улыбка показалась за нагруженной вилкой, — восхитительный собеседник и настоящий профессионал, но очень слабый человек. С утра не в самой лучшей форме. Увы, это так. Бросает смелые обвинения, но не в состоянии их подкрепить. Да, не может подкрепить.

— Обвинения? — резко спросил Джон Боган.

— Хм. В убийстве, — Мастерс пошел напрямик. — Дело в том, что он обвинил вас. Нагородил разной чепухи. О! Настоящие сливки!

Джон напрягся.

— Обвинил меня, так значит? Чего там наплела эта свинья?

— Ну-ну, сэр, не переходите границы. Всё легко проверяется, не так ли? Но я хотел бы поговорить с вами, — Мастерс повернулся, обращаясь к Морису, — о мистере Райнгере. По его словам вы провели вместе большую часть предыдущей ночи, и поскольку он набрался, так сказать, до положения риз, мне любопытно, как и многим другим, в связи с этим, как вам кажется, не страдает ли этот человек, хм, галлюцинациями?

Морис отодвинул тарелку, тщательно сложил салфетку и скрестил руки на груди. Он выглядел растерянным и недовольным — свет, льющийся из окон, выхватил чрезмерно громоздкий для тщедушного тельца лоб, тени под потухшими глазами и нереально крошечные зрачки.

— А? Ах, да, — очнулся он, — э-э, где я был? Дайте вспомнить. Вы хотите, чтобы я удовлетворил вас признанием, что не совершал этого убийства?

— Сэр?

— Я был... я понял, конечно, что нужно отвечать по существу вашего вопроса, а не дословно. — Он вдруг начал юлить, как будто не видел ничего странного, как будто всё шло своим чередом. — Значит, мистер Райнгер нетрезв. Я не одобряю злоупотребление спиртными напитками, потому что в мире появилась тенденция использовать алкоголь в качестве лекарственного средства против скуки. Это не означает, что я не одобряю лекарства против скуки, но я считаю, что лекарство против скуки должно быть чисто интеллектуальным. Кстати, далеко ходить не надо, не желаете составить мне компанию? Ах, вижу-вижу, что нет. А ведь я говорю об изучении прошлого.

Мастерс кивнул своей большой головой, изобразив глубокую заинтересованность.

— А! Лекции по истории, сэр? — сказал он с умным видом. — Я люблю историю. В широком смысле. Очень поучительно. Иногда почитываю.

— Ну, конечно, это не совсем то, о чем вы говорите, сэр. — Слабая складка разрезала лоб Мориса. — Но позвольте я объясню. Допустим, прочитав главу из Маколея или Фруда²⁷, вы неожиданно для себя обнаруживаете, что это было менее скучным, чем вы ожидали. Вы не были склонны продолжать чтение, но, по крайней мере, вы почувствовали, как внутри вас начинает пробуждаться стойкий интерес к предмету. На самом деле, я имел в виду нечто более фундаментальное, чем соизволил выразиться. Я упомянул процесс, который в наши дни довольно некорректно называют «жить прошлым». Скажу откровенно — я живу в прошлом. Я считаю, такая возможность избежать действительности — единственно верный способ существования.

Его ровный, приятный голос редко повышался или менял тембр. Уперев локоть в стол, прозрачными пальцами он прикрылся от дневного света, всё еще оставаясь слегка раздраженным. Беннетт, не взирая на зверский голод, почти ничего не ел и смотрел в потолок. Он начал чувствовать невероятную притягательность этой загадочной личности, невидимые прочные нити в твердой руке, управляющей домом. Беннетту не нравился человек, который колот его маленькими острыми зрачками как школьника, не выучившего урок, и исподволь получал от этого удовольствие, словно учитель, имеющий вредную привычку вызывать к доске за пять минут до звонка.

— Да, сэр. — Казалось, Мастерса ничто не может выбить из колеи. — Хм, способ действительно неплохой. Я так понимаю, что смерть молодой леди в настоящем времени вас, кажется, не очень беспокоит.

— Нет, — ответил Морис и улыбнулся. — На смену ей придут другие, такие же. Так было во все времена. Но мы, кажется, говорили о...

— Мистере Райнгере.

— Ах, да. Конечно. Я и забыл, проклятая манера. Итак, мистер Райнгер нетрезв. Да, я... я могу представить себе, как такие досадные происшествия входят в привычку. Я нашел его большим затейником со странными претензиями на ученость. По различным причинам, в том числе личного свойства, я, э-э, могу сказать, что мы вместе отлично проводим время. Джон, голубчик, сделай милость, не стучи пальцами по столу... Спасибо.

— Мастерс, — грубо сказал Джон Боган, — я когда-нибудь узнаю, о чем болтала эта свинья? Говорите же, я имею право знать! — Он поднялся из-за стола.

К своему огорчению Морис вынужден был вмешаться:

— Пойми, Джон. Сейчас поймешь. Я не сомневаюсь, что, ах, — он нахмурился, — инспектор пытается удержать тебя в рамках разумного. В таком случае, — в его нежном голосе прозвучало легкое раздражение, — ты не должен надеяться, что он расскажет. Войди в его положение, мой мальчик. У него есть свои обязанности.

Неприязнь Беннетта к Морису нарастала с каждым словом последнего. Это, возможно, объяснялось острым чувством несправедливости, особенно, когда кажется, что правда на твоей стороне, как старая добрая нянька. Беннетт еще яростнее сочувствовал Кэтрин. Он заметил также, что Мастерс, похоже, попал в неловкое положение. С трудом сохраняя спокойствие на лице, старший инспектор сложил свою салфетку и задал неожиданный вопрос:

— Вы никогда не устаете изображать Бога, сэр?

Вопрос был поставлен ребром. Сначала на лице Мориса промелькнул слабый протест, затем воцарилось холодное эпикурейское удовлетворение.

— Никогда, — ответил Морис. — А вы не такой простак, мистер Мастерс... Теперь, когда вы сходили с пикового туза, вернее, я должен сказать, вынули козырь из рукава, не лучше ли допросить меня методами самого Скотланд-Ярда? А я сделаю всё от меня зависящее, чтобы удовлетворить ваши затруднения. — Он выглядел озабоченным. — Пожалуй, я смогу даже опередить вас в понимании сути всей проблемы. Я очень серьезно отношусь к этому. У меня есть значительный интерес к предмету криминологии. Я приложу все силы, чтобы помочь вам.

Лицо Мастерса сделалось лучезарным.

— Что ж, отрадно слышать. Хорошо, сэр. Возможно, это стоящая идея. Вы знакомы с ситуацией, в которой мы находимся?

— Э, да. Джон меня посвятил.

— Полдюйма нетронутого снега вокруг павильона. И ничего, никаких отметин, никаких знаков, кроме невинных следов вашего брата, конечно.

— Конечно. Я бы совсем не хотел, чтобы ты разгуливал подобным образом, Джон. Не бойся, я позабочусь о тебе, — сказал Морис с ледяной усмешкой.

— Не сомневаюсь. Хорошо, тогда вы можете объяснить, как произошло убийство? — Мастерс снова нахмурился.

Морис коснулся переносицы, как будто хотел поправить воображаемые очки.

— Почему... Почему бы нет, инспектор. — Казалось, он пошел ва-банк. — Да, думаю, что могу.

— Геенна огненная! — взорвался Мастерс, выпустив пар. Он вскочил из-за стола, как будто только что выловил самую причудливую рыбину. От такой активности Морис чуть не поперхнулся. Мастерс смутился, сглотнул и сел обратно. Сейчас из рукава высыпалась вся колода. — Прекрасно, сэр. Здесь, кажется, у всех есть объяснения, кроме полиции. Весьма аккуратные и соблазнительные. Откровенно говоря, мне жаль старого беспомощного Чарли Поттера, пробирающегося на ощупь в этой толпе лихо шагающих выдумщиков. Сразу предупреждаю, я не собираюсь слушать всякую белиберду про ходули и шесты, о вылетающих из дома и свисающих с деревьев! В радиусе ста футов лежит самый девственный, самый безупречный снег, ни ямки, ни кочки — ничего! И никого — кто бы мог там спрятаться. Гиблое место. Мистер Боган, для чего вы держите такой дом?

— Моя прихоть. Я уже сказал вам, что живу в прошлом. Я сам часто провожу там ночи. — Впервые можно было увидеть Мориса Богана в убыстренном кадре: пальцы, прикрывающие глаза, раздвинулись и тут же сомкнулись снова. — Вам недоступны мои страхи. В равной степени такое же острое, необычайное удовольствие от разговора с вами я могу получить, беседуя с глухим. Мистер Мастерс, я сделал замечательную вещь. Я

создал своих собственных призраков. — Он пытался пошутить и даже выдавил из себя короткий смешок, после чего ненадолго затих. — Могу ли я предложить вам добавки, сэр? Томпсон, еще копченой рыбы для инспектора!

— Вы были очень привязаны к мисс Тайт? — неожиданно спросил Мастерс.

Морис сделал вид, что вслушивается в слова старшего инспектора.

— Ваш вопрос следует расценивать как — был ли я влюблен в мисс Тайт? Должен ответить — нет. По крайней мере, не думаю. Она привлекала меня как свое рода мимолетное перевоплощение.

— Вы же написали для нее пьесу...

— Так вы наслышаны о моих скромных усилиях? Увы. Я написал ее для себя, из соображений тщеславия. Мне порядком надоел образ Доктора Сухаря. — Он сложил перед собой руки, соединив ладони, будто собрался нырнуть в пучину сомнений. Казалось, его поставили перед тяжким выбором. — В молодости я страдал от иллюзий. В их основе лежало убеждение, что основной смысл исторического исследования состоит в его экономическом и политическом значениях. Теперь, когда я немного повзрослел, мне стало ясно, что единственный дар, которым никогда не обладал ни один историк, — это любое знание, очищенное от человеческих страстей. Боюсь, я превратился в старого сатира. Вам сообщат о моем несвоевременном экстазе по отношению к мисс Тайт, впрочем, думаю, вас уже проинформировали. Вижу это по вашему лицу. Но это верно лишь отчасти. В мисс Тайт я увидел очарование всех умерших куртизанок, с которыми мечтал вступить в любовную связь.

Мастерс провел рукой по лбу.

— Прошу вас выражаться яснее! Вы уговорили мисс Тайт провести ночь вне дома, то есть в павильоне?

— Да.

— Вы отреставрировали и восстановили обстановку в нем с целью ощутить связь веков и уловить дух времени, когда король тайно навещал там даму сердца? — продолжал в задумчивости Мастерс.

— Разумеется, разумеется, разумеется, — торопливо перебил его Морис, одновременно думая о чем-то своем. — Я должен был предвидеть. Возможно, вы подумали про подземный ход, чтобы объяснить отсутствие следов на снегу? Могу заверить, ничего подобного там нет.

Мастерс не выдержал и набросился на него.

— Мы оторвем панели, не оставим камня на камне, сэр. Мы знаем, что вам это не понравится...

— Вы не посмеете этого сделать, — побагровел Морис.

— Или вскроем полы. Жаль, если там настоящий мрамор, небольшое испытание, сэр, но для того, чтобы удостовериться...

Морис вскочил со стула, его хрупкое запястье задело трость, и, перевернувшись тяжелым золотым набалдашником книзу, она с грохотом упала на каменный пол. Металлический звон эхом отозвался в голосе Мастера.

— Сэр, довольно увиливать и изворачиваться! Поговорим по-мужски и ответим на вопросы, вы меня слышите? — он ударил кулаком по краю стола. — Для меня будет нетрудно получить ордер, чтобы разнести на кусочки вашу любимую маленькую лачугу. И да поможет мне Господь разозлиться посильнее, прежде чем я буду медленно делать это. Так вы собираетесь помогать мне или нет?

— Да-да, конечно, я, кажется, уже обещал это сделать.

Наступил длительный антракт, все расслабились. Беннетт подумал о Поттере. Джон Боган отошел от окна. Когда Джон был чем-то напуган, его лицо приобретало любопытное сходство с лицом Мориса. Обычно это не бросалось в глаза, но только не сейчас, когда

Мастерс вовлек мужчин в азартную схватку, как фехтовальщик, скрывающий изобретательность под внешней неуклюжестью.

— Ваш... Ваш подчиненный, — сказал Джон и указал на окно позади него. — Там, внизу, он изучает... Что он делает?

— Измеряет ваши следы, сэр. Однако, я вижу, все уже успокоилось. Не угодно ли присесть, джентльмены; вы оба?.. Вот так-то лучше.

Но лучше не стало. Джон побледнел.

— Прошлой ночью было совершено покушение на мисс Тайт, за это время ей разбили голову, а прежде кто-то пытался сбросить с крутой лестницы вниз. Кто это был? — продолжал Мастерс, обращаясь к Морису.

— Я не знаю.

— Это была ваша племянница — мисс Боган?

Успокоившись, Морис сел. Он снова улыбался.

— Не думаю, мой друг. Должен сказать, если кто и мог быть заинтересован в этом прискорбном происшествии, так это достопочтенная Луиза Карью, дочь моего старого друга лорда Канифеста. Однако, если вы посмотрите вокруг, сразу за собой вы увидите мою племянницу. Разрешаю вам навести справки.

Глава 9. Случайные алиби

Беннетт задвинул стул и обернулся. Она вошла тихо и остановилась у стола. Он снова взялся за стул, пытаясь выдвинуть его обратно, прежде чем твердолобый Томпсон успел что-либо сообразить, но она покачала головой.

— Меня кто-то обвиняет в попытке убить Марсию? И это замечание о Луизе... — горящие глаза разглядывали Мориса, как будто видели его впервые. — Прежде чем говорить, подумали бы, как это грязно...

Она надела, пожалуй, лучшее платье из своего гардероба. Серое и мрачное, оно казалось, превзошло все мрачное и серое в этом доме. И в этом деле. Смятения ее как не бывало, только пальцы еще по инерции теребили носовой платок. Сейчас, в ярком пламени камина, у Беннетта появилась возможность рассмотреть ее полностью. Она оказалась более зрелой, чем ему показалось раньше. В отблесках огня на гладком лице светилась решимость.

Вокруг шеи был намотан газовый шарфик, призванный скрыть синяки.

— О чем ты говоришь, Кейт? Конечно, ты знаешь, что я... что не в моих правилах обсуждать с кем-либо свое мнение.

Она вся дрожала, кусая нижнюю губу, глаза выкатились и заблестели от кипящей ярости. Она подалась вперед, но измученное тело не пускало, и Морис, как будто зная об этом, сию же минуту продолжил:

— Э-э, боюсь, чрезвычайно глупо вышло с моей стороны. А с твоей я заметил еще одну маленькую дерзость. Наверное, ты собиралась сказать: «Идите к черту!» — не так ли?

Чертовски приятно ощущать свою правоту, когда от одного твоего слова затруднительная ситуация разрешается, как легкое недоразумение. В нежном взгляде Мориса вместе с поощрением читалась озабоченность. На ее глазах выступили слезы.

— Не делайте из меня дурочку! — сказала она, затаив дыхание. — Я не позволю дурачить себя снова и снова, и... Джон! Джон, что происходит?

Все повернули головы в ее сторону.

— Всё в порядке, Кейт, — глухо отозвался Джон Боган. — Я неважно себя чувствую, только и всего. Подхватил чего-то. — Голова его едва держалась на плечах. Он выглядел по-настоящему больным, пот выступил на лбу. Твидовое пальто, казалось, набросили на скелет.

— Подойди ко мне, Кейт. Я еще не видел тебя. — Он протянул ей руку, пытаясь улыбнуться.
— Как поживаешь, старушка? Ты выглядишь что надо. Смотри-ка, изменилась. У меня есть для тебя подарок, только я еще не добрался до своих чемоданов.

— Но что случилось?

Она подбежала к нему. Он поймал ее подбородок и повернул к свету. Дышалось ему тяжело, но он улыбался, казалось, все его мысли были заняты только ей. Беннетт испытывал странное чувство, что он встречался всё время с разными масками одного и того же Джона Богана.

— Ничего не случилось, глупышка! Не позволяй им запугать себя, слышишь? Благодаря им я попал в довольно неприятный переплет, им, видите ли, неважно, что я пытаюсь доказать, они считают, что я выкручиваюсь, попадаясь то на одном, то на другом. В любом случае они должны меня повесить.

Мастерс шагнул вперед, но Джон поднял руку.

— Довольно, инспектор! Признаний не будет. Полагаю, нет смысла что-то сейчас говорить. Возможно, вернемся к этому позже. Я уйду к себе, прилягу малость. Не советую меня задерживать, сами сказали, что официальных полномочий у вас на сегодняшний день нет.

Все оторопели от такой дерзости. Казалось, Джон только сейчас, в полной тишине, понял, кто все эти люди. Он быстро дошел до двери, но его шаг замедлился, он внезапно обернулся, смерил всю группу пристальным взглядом и ободряюще кивнул:

— Ну, выше голову!

Дверь захлопнулась.

Молчание стало невыносимым. На лице Мориса висела дурацкая улыбка, и Беннетт с трудом подавил порыв недипломатично стереть старика в порошок. Тревожные звоночки раздавались не в первый раз. Но в любом случае он этого не сделал бы. Руки его дрожали. Он кое-как зажег сигарету и посмотрел на Кэтрин.

— Что с ним стряслось? — по ее лицу покатались слезы. — Там что-то...

Беннетт подошел к ней, взял за плечи и заставил сесть. Ему показалось, что она сжала его руку. Мастерс круто развернулся и посмотрел так, словно утратил какую-то важную связь и зашел в тупик. Схожее чувство испытывал и Беннетт.

— Есть ряд вопросов, которые я должен задать мистеру Богану о событиях прошлой ночи и сегодняшнего утра. Но ему, думаю, необходимо привести мысли в порядок. Так, теперь. Начнем с того, что вы — мисс Боган? Извиняюсь, но так положено.

Она наливала кофе и украдкой, время от времени поднимая голову, бросала взгляды на Мориса. По тому, как дребезжали чашки в ее руках, было件нятно, что она сильно нервничает и думает о чем-то своем.

— Начнем с того, что я не верю своим ушам — хоть кто-то в этом доме позволил себе заговорить со мной. — Она отплатила Мастерсу той же монетой, дав понять, что за словом в карман не полезет. — Это уму непостижимо обвинить Луизу... Вообще это глупо и бессмысленно, кто бы там ни был. — После паузы, во время которой Морис очаровал всех своим ледяным хихиканьем, она вдруг стушевалась, словно до этого наговорила лишнего. Вспыхнув, она посмотрела на Беннетта.

— Может, сварить вам кофе?

Взгляд Мастерса говорил: «Молодец, девочка!», но вслух он произнес:

— Я обязан сказать вам, мисс Боган, что точно такое же обвинение было выдвинуто против вас. Разве вы не слышали, как я говорил об этом?

— Что? О, это уже слишком. Ну, потому что я не знаю... С какой стати мне это делать? И кто только посмел такое сказать? Не...

Морис что-то проблеял в знак протеста. Как будто чем-то озадаченный, он снова прикоснулся к переносице, потом отпрянул и, будто в утешение, мягко дотронулся до руки

Кэтрин.

— Конечно же, никто, моя дорогая. Такая мысль не приходила в твою голову? Пожалуйста, будь осмотрительной. Ты не могла бы передать мне кофе и, сделай милость, не греми так чашками. Спасибо... — сказал он, излучая доброжелательность. — Я прошу понять меня правильно, я настаиваю, мистер Мастерс. Насколько я знаю, никто вообще не мог этого сделать. Постойте! О чем я говорил? Ах, да... Так как находившиеся там вряд ли могли проделать то, что вы предлагаете, мне подумалось, — поскольку возражения неистовой мисс Канифест против возможного брака ее отца с мисс Тайт были весьма резкими и не совсем беспочвенными, — у юной леди имелся более весомый повод для нелюбви, чем у других. Но, может быть, я ошибаюсь?

— Предположим, то, что мы сейчас услышали, соответствует действительности, — быстро проговорил Мастерс. — Мисс Боган, не поможете ли вы нам разобраться?

— Не во всё. Сначала покажите мне того, кто сказал, что будто бы это я говорила: «Я сбросила ее».

— Это был мистер Райнгер. Что? Вас это немного удивляет, мисс Боган?

Рука с чашкой застыла на столе. Тупая злость сменилась истерическим смехом.

— Немного — тьфу! А вот ответьте — он действительно так сказал? О, я говорила — он будет... Он был тем, кто обещал сделать из меня кинозвезду. Теперь я понимаю...

— Простите...

— Иногда наша Малютка Кейт озвучивает нравственные принципы.

Она бросила полугневный-полуизумленный взгляд на Мориса.

— «Озвучивает нравственные принципы», — рассердилась она. — Будьте... Будьте вы прокляты! Эх... Что вы, что все. Чёрт! Я не могу больше выносить ваших намеков, которые... Я не знаю, что... Послушайте, я расскажу вам, потому что это часть истории, о которой, может быть, вы не слышали. Вчера за ужином родилась идея прогуляться по дому при лунном свете. Марсия и все остальные должны были идти гуськом за дядей Морисом, держащим в руке свечу. Включать свет было категорически запрещено. Пока все сидели за столом, Райнгер не сводил с меня глаз. Он молчал. Сначала он смотрел на Марсию, потом на меня. Казалось, он ничего слышит, едва ли он перебросился с кем-нибудь парой слов. Но как только Марсия объявила о вздорной затее прогуляться по дому в лунном сиянии, он тут же подхватил ее слова и сказал, что это блестящая идея. Что-то вроде этого. Он сидел здесь. — Она тайком разглядывала Беннетта, а когда их взгляды нечаянно встретились, мгновенно смутилась и отвернула голову. — Или там. Я не помню. Но так или иначе — о чем же я говорила? — Да. Марсия не позволила бы мужчинам отсидеться в библиотеке после того, как все покинули столовую. В коридоре Райнгер задержался и взял меня за руку. — Она рассмеялась и поднесла платок к глазам. — Вы не поверите, но за одну минуту подонок и негодяй стал забавным и веселым человеком. Он прошептал: «Как насчет этого, детка?» — Уже через минуту я поняла, что так принято говорить у них в кинофильмах. Я спросила: «Насчет чего?» Он вздохнул: «Насчет оторваться... В Штатах объяснять такое не надо». Я ответила: «Здесь тоже не надо, но вы должны найти другой подход, если хотите получить *это* в Англии».

Морис произнес: «Господи!» и склонился вперед, а у Беннетта неожиданно вырвалось: «Ничего себе!»

— Я думаю, это в высшей степени замечательное заявление равно как замечателен язык, которым оно было сделано, — сухо сказал Морис. — Судя по всему, мне придется принять меры для того, чтобы ты могла следить за своей речью в присутствии меня или кого-либо из наших гостей.

— Ой, да не разоряйтесь вы! — завелась она, сверкая глазами. — Я всегда говорила как мне нравится.

— И всё же, — помедлив, сказал Морис и сладко улыбнулся, — думаю, тебе лучше подняться наверх.

— Мистер Боган, я сейчас всё объясню, — голосом Мастерса говорил холодный

рассудок. — У меня совершенно нет никакого желания вмешиваться, э-э, в ваши внутренние дела, которые, признаться, уже порядком мне надоели. Но это не внутреннее дело! Это дело об убийстве, и когда оно касается свидетельских показаний... Так, сидите на месте, мисс Боган! Прошу вас, продолжайте, на чем мы остановились?

Морис поднялся на ноги.

— В таком случае, вы не станете возражать, если моя племянница разрешит мне удалиться в свои покои?

— Я хотел бы поговорить с вами именно сейчас, — вежливо сказал Мастерс. — Но если ваша племянница не видит оснований, никто вас не задерживает. Всего хорошего.

Морис сделал молчаливый знак Томпсону, чтобы тот подал ему трость. На лбу выступили капельки пота — явный признак едва сдерживаемой ярости. С бледного лица не сходила улыбка, пустые глаза были мертвы как у восковой фигуры.

— Признаюсь, я никогда не подозревал, что у полиции, этого порой послушного инструмента в руках господствующих классов, вошло в обычай поощрять подрастающее поколение разговаривать языком, ха-ха, шлюх. Разумеется, я не могу допустить, чтобы это осталось незамеченным со стороны кого-либо из вас. Пока я жив, установленное здесь правило беспрекословного подчинения будет исполняться в полной мере. Для моего же собственного блага. И я должен быть последним глупцом, если собираюсь пойти на малейшие уступки. А я не собираюсь! — Он улыбнулся уголками рта. — Ты будешь глубоко сожалеть о своей неспособности приносить спокойствие в этот дом, Кейт.

Он поклонился и с чувством выполненного долга, удалился, опираясь на трость.

Беннетт с восхищением пожал ее руку.

— Да бросьте вы! — привлек к себе внимание Мастерс, поглаживая свой солидный подбородок. — Пожалуйста, помните, я — полицейский чин и послан сюда с определенной миссией. — Он с трудом сохранял серьезный вид, его распирало от смеха. Он посмотрел через плечо и прошептал: «Вот это да! Вы не оставили от старика мокрого места, мисс! Трам-тарарам, по-другому не скажешь!»

— Отличная работа, старший инспектор, — расслабившись, пошутил Беннетт. — Узнаю старый добрый Скотланд-Ярд. Если вы майское дерево²⁸, мы оба спляшем вокруг вас.

Мастерс заметил, что он не майское дерево. Такая мысль несколько смутила его, и он призвал Кэтрин продолжить рассказ.

— Нет, ну в самом деле... — напористо начала она с того места, где ее остановили, немного нервно, с пылающими щеками, что, как ей казалось, говорило в ее пользу. — Я имею в виду Райнгера и его «как насчет *этого*». Под *этим* он подразумевал, что даст мне роль. Угу, сплю и вижу! Как будто больше не о чем мечтать и другого в мире ничего не существует. На этом наш разговор закончился. — Она поудобнее устроилась на стуле. — Там было немного темно, но остальные шли впереди, близко от нас, и единственное, что я могла сделать, оставаясь не замеченной, сильно наступить ему на ногу. Это было всё внимание, которое он уделил мне, потому что я торопилась взять за руку Джервиса Вилларда. Ко мне он больше не подходил, разговаривал с Луизой. Но я никак не ожидала, что он окажется настолько лживым, чтобы сказать, что я...

Она рассказала об инциденте на лестнице, описание которого совпадало с тем, что Беннетт услышал от Вилларда.

— Я не думаю, что кто-то действительно имел такие намерения. Да и Марсия сказала... что это она сама. А кому как не ей знать об этом?

— Хм. Может быть. Итак, шестеро стоят на верхней площадке: мисс Тайт, мисс Карью, трое мужчин и вы, так? Как вы стояли, в каком порядке? Кто, к примеру, был у нее за спиной?

— Я стояла. Насчет остальных не знаю, там было мало места, все стояли вплотную друг к другу. Еще примите во внимание темноту и единственную свечу...

— Ах, да, свеча. Как получилась, что она вдруг потухла?

— Сквозняк. Действительно, там сильный сквозняк, когда открываешь дверь в спальню, начинает дуть из нижней двери.

— Так. А потом?

— Потом? Ничего. Странно, но после этого все куда-то быстро разошлись, без обсуждений, и наступила тишина. Было немногим больше одиннадцати часов. Марсия, наоборот, была неестественно весела — редко можно было видеть ее такой... удовлетворенной. Дядя велел Луизе и мне ложиться спать. Остальные спустились по лестнице и потом отправились к павильону. Я знаю это, потому что окна моей спальни были открыты и я слышала голоса.

— И никому, и никому из вас не пришло в голову заподозрить неладное? — Мастерс стучал кулаком по ладони.

— Нет. Не было никаких причин, да и Марсия сказала... И этого хватило... Я не знаю, как еще вам сказать, чтобы вы поняли. Ей невозможно было не поверить — безумно красивая, привлекательная настолько, что волосы дыбом и мурашки по коже, оливковая кожа, сияющие глаза, как она одета и всё, всё, всё остальное. На ней было платье, мой дядя убил бы меня за такое, но я говорю что есть. Марсия относилась ко мне по-матерински. — Она опустила длинные ресницы. — Думаю, она слышала, что говорил мне этот Райнгер.

— И?

— Она обернулась и у нее упала серебряная парча. Милое дело! Он тут же подскочил и поднял ее. Она как-то странно посмотрела на него и что-то сказала.

— Разве мисс Тайт, хм, была против?

— Против? О, я понимаю... По-моему, она сделала так специально, потому что для нее это было в порядке вещей, — сказала она откровенно. — Он спросил ее там: «Ты серьезно?»

— Ущипните меня... — пробормотал уныло Мастерс. Он нахмурился. — На лестнице уже ничего не найдешь. Никто ничего не может вспомнить. Неужели вообще ничего? Пожалуйста, подумайте. Всех прошу!

Она провела тыльной стороной ладони по лбу.

— Н-нет. Ничего не вспоминается. Правда, я еще спускалась вниз отпереть дверь на потайную лестницу, чтобы дядя Джон, вернувшись домой, нашел ее открытой. Но это было уже после того, что случилось наверху. Видите ли, дядя всегда пользуется только этой дверью и черным ходом, так удобнее, не надо проходить через весь дом.

Она взяла чашку и снова заставила себя сделать глоток обжигающего кофе.

— Всё пошло наперекосяк. Мне нужно было встретиться с Джоном прошлым вечером, в любом случае я бы ждала всю ночь, учитывая сколько времени он провел в Америке. В итоге ничего не вышло. Когда Буран залаял в половине второго, я решила, что это, наверное, Джон вернулся домой. Но что-то было не так. Я побежала к нему в комнату и спустилась по лестнице к выходу. Но никто так и не вошел...

Хотя у Мастерса было непроницаемое лицо, руки чуть не отломили край стола. Тучи прошли мимо окон и бросили в столовую свои тени. Стало заметно темно. Треск огня напомнил о себе.

— Что ж, ну... Так. Вы, конечно... — внезапно заговорил Мастерс и откашлялся, — вы уверены, что не видели его? Будьте внимательны, мисс. Это может быть крайне важным.

— Конечно уверена. Я спустилась вниз и выглянула на подъездную дорожку... Почему, почему вы так смотрите на меня?

— Ах! Нет-нет, ничего, мисс, ничего. Только... Кто же сказал нам, что он вернулся в час тридцать? Может, он не поехал к каретному сараю, может, сделал так, чтобы вы... посильнее соскучились?

— Нет, конечно, нет! Я должна была непременно увидеть его. Кроме того, утром его машина стояла у каретного сарая. Я подумала, как странно, в комнате свет горит, а никого

нет... Это ведь ему не повредит, да? Может, я наговорила лишнего? Скажите мне!

— Наоборот, мисс. Об этом можете не беспокоиться. Но вы не знаете точно, когда он вернулся, верно?

— Нет. Я спала. Кроме того... — Она колебалась.

— Смелее!

— Ну, когда я возвращалась в свою спальню, после того, как поняла, что он не приехал, я шла по галерее и увидела, как этот человек, Райнгер, поднимается вверх...

— Вот как? — спросил Мастерс, закусив нижнюю губу. — Очень странный персонаж, повторяюсь. Не буду скрывать от вас, мисс, что он нам рассказал про это. Он рассказал, что после того, как они вышли проводить мисс Тайт, а это было чуть за полночь, он и мистер Морис вернулись в библиотеку. Беседовали о книгах как минимум два часа. В половине второго они услышали лай собаки, оба были уверены, что приехал Джон. «Два часа» означают, что они закончили в библиотеке где-то после двух. Замечательно. Теперь скажите нам, мисс, вы побывали в дядиной комнате в час тридцать, а потом возвращались назад, — как долго после этого?..

— Не долго. Несколько минут... Но это правда!

— Спустя несколько минут вы увидели, как мистер Райнгер поднимается вверх. Куда он пошел?

— В свою комнату. Я видела, как он в нее вошел. Я быстро юркнула к себе, видите ли, ну, я была почти раздета и подумала, что он мог бы...

— Так, продолжайте...

— Ничего такого не было. Он крикнул мне: «Вы можете забыть наш разговор!» — таким беспечным тоном, вернее, тоном великодушного победителя; потом ехидно добавил: «Я нашел лучшую партию!», и с силой захлопнул дверь. — Она отбросила тяжелые пряди каштановых волос за уши и нахмурилась, руки были сжаты в кулаки; не удивительно, что такая волевая девушка дала Райнгеру от ворот поворот. — Но это не имеет отношения к делу. Что вы думаете о Джоне?

Мастерс глубоко вздохнул.

— Вас не должно удивлять, мисс, что среди прочих заявлений мистера Райнгера было обвинение в убийстве. Стоп, стоп! Спокойно, мисс! Тому множество прекрасных свидетельств. Одно из них базируется на факторе снегопада. Мистер Райнгер свидетельствует, что Джон Боган вернулся в «Белый Монастырь» за полчаса до окончания снегопада. Проблема в том, что мы не знаем, во сколько точно вернулся Боган.

Оловянные крышки-поварешки загремели в посудном шкафу. Кто-то кашлянул.

— Извините, сэр, что перебиваю, — раздался голос Томпсона. — Могу ли я сказать? — На него было страшно смотреть, казалось, отважный солдат поднялся в полный рост, чтобы пойти в смертельную атаку; его враждебность по отношению к Мастерсу заметно пошла на убыль.

— Я знаю, что не должен здесь находиться, — заговорил он, — но я кое-что слышал. Я долгое время был на ногах, и мистер Морис отпустил меня. Я могу ответить на ваш вопрос довольно точно. Мистер Джон приехал домой глубокой ночью. Мы с женой не спали и...

— И что?

— Так вот, он возвратился немногим позже трех часов ночи. Ровно в то время, какое он вам и назвал. Буран лаял из-за чего-то другого.

Глава 10. И тогда позвонил мертвец

— Я думал, что меня спросят об этом, — продолжал Томпсон. Он потер отек на щеке. — Могу поклясться. Наша комнатка, моя и жены, на другой стороне дома, но она

располагается выше остальных комнат — на чердаке. Я слышал, как машина приехала примерно через пять или десять минут после трех. Я собрался спуститься вниз, помочь отнести чемоданы и получить еще какие-нибудь распоряжения, сэр. Но жена сказала мне... Ну, что я еще хуже простужусь, если выгляну на холод. — Он снова дотронулся до больного места. — Если бы я понадобился мистеру Джону, он бы позвонил в колокольчик, подумал я... Так вот, когда мистер Морис разрешил мне идти спать, я прошел в спальню мистера Джона, включил свет, оставил виски и бутерброды. Но в половине второго мистер Морис поднял меня из постели и дал указание позвонить на конюшню, чтобы заперли Бурана.

— Почему же он сам не позвонил туда?

— Нет, сэр, — заморгал Томпсон. — Мистер Морис не станет этого делать. Это моя обязанность.

— Но если вы утверждаете, что никто другой не входил в дом в половине второго, вы ведь не отказываетесь от своих слов, так? Ну, и что тогда? Тогда из-за чего лаяла собака?

— Это не мое дело, сэр, — Томпсона захлестнула грубоватая экспрессия, — но, в конце концов, когда дело доходит до обвинения мистера Джона, тут совсем другой разговор! Буран лаял потому, что кто-то вышел из дома и направился к павильону. Вот и жена моя может сказать вам то же самое. Она видела это своими глазами.

Беннет заметил — всякий раз, когда Мастерс попадал в наиболее безвыходное положение, он резко разворачивался и призывал к спокойствию всех остальных: «Так-так» или «Ну-ну», хотя никто с ним не спорил и ничего не говорил. Старший инспектор медленно поднялся со стула, с высоты своего роста окинул мрачным взглядом Кэтрин и ополчился на маленького дворецкого.

— Почему же вы не сказали об этом раньше?

— Я сожалею, сэр. Я не хотел и не хочу никому создавать проблем, не думаю, что и в будущем создам что-либо подобное. Более того, теперь я знаю, что это, возможно, был не...

Несмотря на фасад невозмутимой благопристойности внутри Томпсона всё бушевало. Покрасневшими от бессонницы глазами на Мастерса смотрел неслегка человек. Абсолютный слух, и тот бы не почувствовал неуловимую подмену в его словах, сделанную без перехода и колебания. Он явно порывался сказать другое: «Вы не хотели бы услышать мою историю, сэр?», но вместо этого промямлил: «Я знаю, что это, возможно, был не...»

— Ну. Возможно, был не — кто?

— Мистер Джон, — выдохнул Томпсон.

— Вы уверены? — сдержался Мастерс. — Это всё, что вы хотели сказать?

— Да, сэр. Сейчас я всё расскажу. Когда Буран начал лаять, мы с женой решили, что вернулся мистер Джон, в это время из библиотеки как раз позвонили. Я поспешил одеться, чтобы открыть входную дверь; это делаю я — по правилам нужно одеться и спуститься вниз в течение двух минут — или мистер Морис. — Казалось, на них смотрит смертельно усталый старик, но через мгновение к нему вернулось прежнее самообладание. — Моя жена, она кухарка, сэр, глянула в боковое окно, но у каретного сарая такая крыша, что ничего толком увидеть нельзя. Но кое-что ей удалось разглядеть. Конечно, было темно и шел снег, но в задней части дома горело несколько окон, и она увидела бегущего в сторону павильона человека. Это всё.

— Даже так? Понятно. Кто это был?

— Она не разобрала, сэр. Она и сейчас толком ничего сказать не может.

— Мужчина, женщина? — допытывался Мастерс. — Ладно. Так, теперь... Идите и скажите своей жене, чтобы пришла сюда.

— Я клянусь, так будет лучше для него, мисс Кейт! Они бы все равно об этом узнали! Я не хочу думать, как они: либо мистер Джон, либо... — Томпсон стиснул руки.

— Ясно, — отрезал Мастерс. — С этим всё. Идем дальше. — Как только за Томпсоном закрылась дверь, Мастерс повернулся к Кэтрин и тяжело вздохнул. — Держу

пари, мисс Боган, он хотел сказать: «либо мистер Джон, либо мисс Кейт», а? Как там говорят — делайте ваши ставки? Думаю, вскоре мы услышим от миссис Томпсон, что она видела женщину. Он сделал ловкий ход. Старый плут. Он произнес эту фразу именно в тот момент, когда точно знал, что вас там не было, полагая, что вы не настолько глупы, чтобы выдумывать подобные вещи, а? В то время, как этот, хм, «человек» пробирался к павильону, Райнгер, образно выражаясь, помахал вам в галерее ручкой.

Она откинулась на высокую спинку дубового стула — невыразительное серое платье, смявшийся шарфик. Грудь высоко вздымалась от частого дыхания, карие глаза под разлетающимися бровями горели так, что Беннетт только сейчас осознал всю мощь исходящего от нее первородного притяжения, как от одного из тех портретов в золоченых рамах, развешанных здесь, что придавало ей еще большего сходства с Марсией Тайт. Он понял, что влюбился. Но он был влюблен не в призрачного двойника, а в Кэтрин Боган.

— Откуда вы знаете, что я не выдумала всё это? — съехидничала она. — Если Райнгер сказал, что я пыталась убить Марсию прошлым вечером, то, рассуждая логически, не в его интересах подтверждать мои показания, не так ли? Мы не знаем, когда миссис Томпсон видела кого-то на дорожке, если она вообще кого-то могла увидеть. Буран лаял не переставая. Человек мог покинуть дом только после того, как я своеобразно пообщалась с Райнгером и лестница освободилась. О, я знаю, о чем вы думаете, но это абсурд! Откройте глаза — тот, на кого вы думаете, мухи не обидит.

— Нет ничего лучше хорошего адвоката, — мрачно пошутил Мастерс. — Простите, мисс, откуда у вас эти синяки на шее?

Она машинально подняла руки и через некоторое время ответила:

— У Луизы была истерика. Она испугалась.

— В этом всё дело. Пока из всего, что я услышал об этой маленькой истории, принимая во внимание беглый осмотр Винна и несколько намеков Вилларда, можно твердо быть уверенным только в одном — она лежала без сознания около вашей двери с пятнами крови на запястьях. Во сколько нашли ее?

— Я... Я не знаю, что вам сказать, — она колебалась, глядя исподлобья, и вдруг, удивляясь собственной смелости, кинулась вперед с открытым забралом. — Знай я время, когда убили Марсию, можно было бы в два счета состряпать какую-нибудь отговорку. Но я не знаю, поэтому буду говорить правду. Если честно — было где-то между половиной четвертого и четырьмя часами утра... Вы и в самом деле не верите мне?

Мастерс улыбнулся.

— Ну-ну, не в моих правилах обвинять в убийстве молодую девушку, которую я даже не видел. Будь повесомее доказательства, тогда «можно было бы в два счета», как вы правильно заметили. Смотрите, как странно получается. Сначала было очень чисто сработано против вашего дяди, дяди Джона. Мой поклон — такой чистой работы для Олд-Бейли²⁹ я еще не видел. Эта была единственная вещь, которая объясняла невозможность ситуации. Но невозможность в узком смысле — невозможность исчезновения убийцы естественным путем, не затрагивая другие стороны. А дальше, мы знаем, появляются два свидетеля — выскакивают двое из ларца и переворачивают всё с ног на голову. Это, конечно, не снимает с Джона ответственности за те часы, когда его здесь не было, зато свидетельствует о его виновности в той же степени, что и любого из вас. Ну, может, чуть-чуть больше. Разумеется, если он самым исчерпывающим образом докажет, что непричастен, найдя удовлетворительные объяснения своим следам, тогда... Хм, тогда... Тогда мы снова возвращаемся туда, откуда начали — в нулевое положение. И даже хуже того, в отрицательное — как убийца смог уйти вообще без следов? Лично я уже сыт по горло этими невозможностями, растущими одна за другой... Да?

Мастерс одним рывком обернулся на быстрые шаги. В столовую вошел запыхавшийся Поттер. Он сгорал от нетерпения доложить о чем-то важном, но тут же замер, увидев внимательно слушающих взволнованную речь Мастерса. Старший инспектор раздраженно махнул, и Поттер, толком не отдышавшись, начал говорить:

— Не думал, что это займет так много времени, но тут приехал полицейский врач, фургон из морга, потом еще два человека, дактилоскопист и фотограф, то да сё, о-хо-хо, —

посетовал он. — Я позвонил главному констеблю, а он телефонировал в Скотланд-Ярд. В ближайшее время вы сможете предпринимать любые шаги. Но в остальном ничего обнадеживающего. Безрезультатно! Те следы...

Мастерс тяжело выдохнул.

— С ними всё в порядке? — спросил он.

— Джентльмен не мог сделать так, как говорили, вот и всё! Простите меня, мисс! — Поттер снял головной убор и вытер лысину огромным платком. — Не мог. Этот парень, у которого карманы набиты всякими кисточками и порошками для снятия отпечатков, сказал, что если бы он попытался затоптать старые следы новыми, то прежде всего позаботился бы раздавить снег внутри следа, избавившись от «твердых выступов», которые бросались бы в глаза за милую душу. Он говорил и о других тонкостях, забыл о каких, но я понял, что он имел в виду. Следы были оставлены большими ботинками, десятого размера, все аккуратные и четкие, от начала до конца. Внутри чистые как стеклышко, кроме небольшого участка, где снег прилипает к подошве в месте подъема стопы. Так что, сказал дактилоскопист, со следами всё в порядке. В любом случае, — в отчаянье закончил инспектор, — никакой подтасовки не было. Мистер Боган отпадает. Теперь он может спать спокойно. Он... Боже, что это?..

Беннетт почувствовал, как ватными руками отталкивается от стула, под кожей прокатывается обжигающая волна страха, сердце почти вырывается наружу. Мастерс внезапно почернел и затмил собой скудный свет — глазные яблоки выкатились из орбит, пытаясь целиком вобрать в себя огромное помещение, куда ворвался сухой, не оставляющий сомнений в своей природе, звук. В ушах стоял звон — это задребезжало столовое стекло. Звук пронесся вдоль портретов, украшенных, как рождественский пудинг, веточками остролиста. Инстинкт подсказывал, что этот щелчок означает смерть. Только старое дерево «Белого Монастыря» смогло поглотить выстрел; он был приглушенным, как будто тяжелое дуло, до того как выстрелить, прижали к подушке...

Под сводчатым потолком голос Мастерса прозвучал неестественно громко:

— Теперь он может спать спокойно... — В его устах произнесенная повторно фраза приобрела зловещий оттенок. От себя он смог добавить только: — О, Боже мой!

Кэтрин Боган закричала. Беннетт попытался перехватить ее руку, когда она кинулась вслед за Мастерсом, но долговязый Поттер, тяжело вздохнув, внезапно вклинился между ними. Кэтрин уже обогнала Мастерса, который что-то кричал ей вдогонку, пока они бежали по темным коридорам, куда их погнало выстрел, прогремевший сверху. Широкая галерея с красной ковровой дорожкой вытянулась сумеречным тоннелем к туманному прямоугольнику окна в дальнем конце. У двери в комнату короля Карла стояла маленькая щуплая фигурка. Она дергала ручку с таким брезгливым исступлением, словно ее заставили во что бы то ни стало оживить мертвую змею. Наконец, дверь распахнулась, оттуда потянуло порохом. Фигурка заглянула внутрь.

— Дурак! — сказал Морис тонким, пронзительным голосом. Шаркнув, он отступил назад и отвернулся.

Кэтрин, бежавшая первой, остановилась. Воспользовавшись заминкой, Беннетт взял ее за руку и силой привлек к себе. Виллард, доктор Винн и Мастерс проскочили мимо них в освободившийся проход. Троица немного сбавила шаг перед дверью, а затем исчезла в спальне короля. Девушка не могла говорить, ее так колотило, что Беннетт буквально опустил руки, не зная как вести себя, и она, почувствовав, что хватка ослабла, судорожно отшатнулась от него.

— Выслушайте меня, — хрипло процедил он сквозь зубы, — выслушайте сейчас же! Посмотрите мне в глаза! Я бы не стал вам лгать. Клянусь, что не стал бы... Если я пойду туда и посмотрю, а потом вернусь и скажу вам правду, вы обещаете никуда не уходить? Вы будете ждать?

— Он сделал это, — казалось, из нее вышел весь воздух. — Он иногда говорил, что может так сделать. И он сделал.

— Вы останетесь здесь? Отвечайте же!

— Да! Хорошо! Да — если вы поторопитесь и, вернувшись, действительно скажете мне правду. Нет — если это останется только у вас в голове. Ступайте!

Вместе с инспектором Поттером он вошел в комнату. Перед этим, боковым зрением он увидел сгорбленного Мориса Богана, неподвижно сидящего на подоконнике у высокого окна галереи. Освещена была только половина его лица: всё те же серые глаза с черными точками зрачков, большой лоб, ни одного выбившегося волоска; и только весь он, с ног до головы, в одно мгновение высох, как пергаментный свиток. Его плечи угловато приподнялись, и хищные пальцы впились в золотое навершие трости.

В комнате Виллард с такой силой распахнул шторы, что держащие их сверху колечки чуть не соскочили с карниза. Из окна хлынул свет. Это помогло разглядеть на полу скорчившуюся пополам высокую фигуру в сапогах из коричневой кожи. Благодаря усилиям Мастера и доктора Винна бесчувственное тело выпрямили и перевернули на спину. Едко пахло порохом и паленой тканью. Рот Джона Богана был открыт. Послышался глухой металлический стук, как будто что-то уронили на ковер. Виллард раздвинул шторы на втором окне, на этот раз скрежет разлетающихся колечек заглушил громкий голос доктора Винна: — Еще жив... Есть шанс... Хорошо, что стрелял не в голову, на всех чудес не напасешься! Все думают, что сердце ниже, чем есть на самом деле, ха! Прекращайте возню, оставьте это мне... Назад, черт возьми!

— Вы полагаете?... — неловко отстранившись, пробормотал Виллард. — Вы уверены, что справитесь?

— Какого дьявола я должен быть уверенным? Заткнитесь! Есть на чем вынести его из дома, чтобы не трясло?... А? Фургон морга? Почему бы нет? Будет забавно, если он еще здесь.

— Поторопитесь, Поттер, — кинул Мастерс побледневшему инспектору, — организуйте перевозку и носилки. Передайте им, что это мой приказ... Ничего, труп подождет... Чего вы ждете, проваливайте!

В комнате было четыре окна: два в левой стене с дверью потайного хода, замаскированной дубовыми панелями, и два в задней, за которой простиралась лужайка. Окна отбрасывали свои решетчатые тени на большой письменный стол и стул, возле которого лежал Джон Боган. Сквозняк, вырвавшись в открытую дверь из оконных щелей под расшатавшимися защелками, с радостью смел бумаги, разложенные на столе. Один листок устремился в свободном полете вверх, отрываясь от остальных, затем упал на пол, свернулся и пополз за дверь. Беннетт, уставившись на жесткую выходную рубашку, брошенную на спинку стула, неосознанно наступил на ускользающий листок бумаги.

Только сейчас он вспомнил слова Джона Богана, последние слова, обращенные к Кэтрин, перед тем, как собирался уйти из столовой. Это предназначалось для всех. Это носилось в воздухе, но почему-то вспомнились именно эти слова: *«...им, видите ли, неважно, что я пытаюсь доказать, они считают, что я выкручиваюсь, попадаясь то на одном, то на другом. В любом случае они должны меня повесить»*. Почему «в любом случае»? Почему он вел себя так подозрительно, вел себя так, что малейший неосторожный шаг мог отправить его на виселицу, зачем эти демонстративные нападки на Марсию, когда он мог спокойно доказать свою невиновность в... Человек с пулей в груди внезапно застонал и начал медленно поворачиваться. Беннетт посмотрел вниз и увидел, что стоит на каком-то письме. Он резко убрал ногу, словно ошпарился, отошел в сторону, но, подумав, тут же вернулся назад. Он с трудом разобрал начальные строки, слова были написаны неровно, косились в одну сторону, буквы налезали друг на друга: *«Мне очень жаль, но я не могу дальше поганить дом. Пожалуйста, прости меня, но я должен сделать это. Теперь ты знаешь, что я убил Канифеста...»*

Шоку на первых порах принято отказывать, чтобы следом спокойно и трезво осмыслить свершившееся. Он подумал, что это мог быть промах, тогда последние слова Богана представляются совсем в другом свете, и свет этот слишком ярк и слишком недолог, чтобы Беннетт мог объяснить все туманные загадки одним махом. Он наклонился и нерешительно поднял листок почтовой бумаги.

...что я убил Канифеста. Я не хотел этого. Я не намерен провести остаток жизни в безумии, оправдываясь перед всем и каждым, и прежде всего перед собой, что я не хотел

делать то, что сделал. Увольте, я сыт этим по горло. Но я не ударил бы, зная о его сердце. Я только хотел проследовать за ним в дом, чтобы объяснить.

Образы Богана промелькнули в его голове: повадки, позы, смех, осторожная настойчивость, которую он выказывал Канифесту ранним вечером, позднее возвращение в «Белый Монастырь».

Но клянусь, что не убивал Марсию и не делал с ней ничего другого. Случилось ужасное несчастье. Думаю, ты это тоже заметила. Я не знаю, кто убил ее. Какое сейчас это имеет значение? Она ушла, и у меня тоже нет причин задерживаться. Да благословит тебя Господь и сохранит тебя, Кейт. Не вешай нос, старушка!»

Подпись: *Джон Эшли Боган* — четкая и разборчивая — была сделана твердой рукой.

В комнате стоял острый запах медикаментов. Мастерс направил луч фонаря в то место на полу, где доктор Винн ловко орудовал ножницами, марлей и шумно рылся в саквояже. Сквозняк выветрил пороховой дым. Беннетт первый раз в жизни держал в руках настоящую предсмертную записку. Не зная, что с ней делать, он подозвал Мастерса. Старший инспектор кивнул. Он сигнализировал Вилларду, который, бросив на Беннетта мимолетный взгляд, тут же вырос около инспектора. Мастерс передал ему фонарик.

— Воды! — не отворачиваясь от пациента, потребовал доктор Винн. — Только не очень холодной. Пошлите кого-нибудь, здесь ее нет. Где эти чертовы носилки? Я не могу в таких условиях извлечь пулю. Подержите его голову немного, можно одной рукой. Не шевелитесь...

Мастерс смотрел на манипуляции доктора бешеными глазами. Беннетт сунул ему записку в руки и побежал за водой. Идти было не далеко, прямо напротив, в его спальне, нашлось всё необходимое. Взяв в руки таз, он обронил коробок цветных спичек. На полу рассыпалась маленькая радуга. Кэтрин ждала его на том же месте, как они условились. Дрожь прошла, но сжатые руки всё еще выдавали нервное напряжение.

— Он не... Довольно... — в этих словах Беннетта было мало обещанной правды, но он старался. — Они думают, что он выкарабкается. Теплая вода... Где здесь ванная?

Ничего не сказав, она открыла дверь, находившуюся сразу за ней. Это и была ванная комната — убогая конура с клеенчатыми обоями, древней лоханью и газовой колонкой. Она включила газ, чиркнула спичкой, раздался хлопок — бум! — и под баком взметнулось желто-голубое пламя, от которого гладкая кожа на ее щеках заиграла матовым светом. Когда всё было готово, она налила в таз подогретой воды и посмотрела вокруг себя.

— Полотенца. Они понадобятся вам. Уж простите, что я такая дурочка. Я пойду с вами, только...

— Не стоит туда ходить, лучше останьтесь здесь. Его скоро заберут.

Они переглянулись. И тут, ни с того ни с сего, девушка сказала странную фразу:

— А знаете, я способна на убийство...

Когда он вернулся назад, Мастерс стоял неподвижно, зажав в руке сложенную пополам, изрядно помятую записку. Беннетт осторожно прошел мимо него с тазом и теперь неотлучно находился возле доктора Винна. «Они будут тянуть из него жилы до конца. Разве он рассчитывал на такое? Нет, лучше бы он умер. Лучше умереть, чем это нервная пытка, скрутившая тебя на полу с пробитой, задыхающейся грудью, кровавой пеной и тщетными потугами доктора Винна — ради чего вся эта бесполезная суeta, если через несколько дней ты прыгнешь со скамьи подсудимых в люк с отлаженным шнуром защелки за убийство английского лорда? Умерев сейчас, благословенный или проклятый, ты был бы чист задолго до того, как закон успеет намылить веревку и приготовить комья грязи для тебя и твоего имени». Беннетт зримо попытался представить события прошлого вечера. «*Я только хотел проследовать за ним в дом, чтобы объяснить...*» И это было после того, как Боган встретился с Канифестом в редакции газеты... Но перед глазами стояла одна вода — вода в тазу, постепенно приобретающая цвет крови.

Когда наконец ему разрешили поставить таз с водой на пол, он услышал голос Мастерса:

— Так вот в чем дело! — Старший инспектор был расстроен. — Вот и причина. Ну разве можно было такое предвидеть? Я не могу за всем уследить! Вот он пришел сюда, достал пистолет из того ящика — Мастерс показал пальцем на письменный стол — и сел. У него ушло много времени, чтобы написать эту записку. Взгляните, как чередуются длинные и короткие пробелы между предложениями. Он ли это писал, еще вопрос... — Мастерс потер лоб. — Ладно. Тогда что он хотел сказать вот этим?

На широкой ладони старшего инспектора блеснул небольшой треугольный кусочек серебристого цвета с зазубринами по краям, словно его от чего-то отломили. Показав находку, Мастерс тут же сжал кулак обратно:

— Он зажал это в одной руке, затем, воспользовавшись обеими, приставил пистолет к груди и выстрелил. Когда мы приподняли тело, это выпало из его руки.

— Могу я спросить, — словно тонкий, комариный писк прозвенел над ухом Мастерса, — есть ли какая-нибудь надежда?..

— Не знаю, сэр.

— Вызывает это сожаление или нет... — продолжил Морис Боган. — Бывает, что голос рассудка, безответный зов разума, раздавшийся в неблагоприятное время и в неподходящей обстановке, приводит в ярость. Так вот, вызывает это сожаление или нет, мне кажется, будет зависеть от содержания записки, с которым, как мне удалось заметить, вы уже ознакомились. Нельзя ли ознакомиться и мне тоже?

— Я бы очень попросил вас это сделать, — спокойно сказал Мастерс. — Будьте добры, взгляните на эту записку и скажите, это почерк вашего брата? И еще — что вы думаете по поводу случившегося?

— Я ненавижу безрассудство, — с расстановкой заговорил Морис. Он знал, что его внимательно слушают и придавал каждому слову особенный вес. — Боюсь, он всегда был безрассудным. Да, это определенно его почерк. Теперь, когда...

— Значит, он убил Канифеста... — погрузился в задумчивость Мастерс. — Тогда остается надеяться, что он не выживет. Если ему удастся это сделать, его повесят. — Морис протянул записку старшему инспектору с таким видом, будто только что воспользовался правом на последнее слово.

Внизу набирал силу какой-то переполох. Голоса, шаги — ровным счетом ничего нельзя было разобрать. Доктор Винн, встав на ноги, разразился очередным недовольным замечанием. Беннетт выскочил в галерею. Он огляделся в поисках Кэтрин, но той нигде не было. Он снова испытал прилив необъяснимого беспокойства и страха. Словно это не внизу, а у него в голове пронзительно зазвонил телефон. Первый этаж наполнился какими-то деловитыми пришельцами, с грубыми голосами и тяжелой обувью, но никто не подходил к телефону.

— Не понимаю, куда запропастился Томпсон, почему не берет трубку? Ему дано указание, и самое непосредственное — в этот дом проведена связь не для того, чтобы он где-то разгуливал в последнее время и вообще... Но, кажется, вы о чем-то спрашивали, инспектор?

— Я хотел бы узнать, если не возражаете, где вы и все остальные находились, когда услышали выстрел?

Морис спустился в холл, чтобы показать двум санитарам, куда нужно пройти. Затем он вернулся.

— Конечно... Ах, в голове никак не укладывается, — залепетал он, — что это очередное убийство. Действительно, никак. Поймите меня правильно, я впервые оказался лицом к лицу с несчастным случаем. Я ожидал чего-то подобного, надеялся поговорить с братом наедине и понять до мелочей, что творилось у него в голове.

В комнате поднялась суета.

— Полегче, ребята, с ним. — В центре внимания оказался уже доктор Винн. — Повнимательней, теперь поднимаем медленно...

Сквозь сознание Беннетта промелькнули слова, нацарапанные в записке: *«Да благословит тебя Господь и сохранит тебя, Кейт. Не вешай нос, старушка!»* За синей униформой показался носок коричневого сапога.

— Это, другое, убийство, — сказал Морис, провожая глазами тело, — вас, наверное, должно заинтересовать больше. Ведь убили лорда. — Он не скрывал, он в открытую намекал, что полиции не мешало бы заняться более важными делами, чем разбитая голова какой-то смазливой актриски. Он всячески пытался отвести угрозу от своего дома. — Да, Томпсон? Да? Что вы хотели?..

Томпсона как подменили. Дворецкие не бегают и не роняют марку, что бы ни случилось! Но все увидели другого человека, с испуганным сморщенным лицом, перебирающего руками и не спускающего глаз с неподвижной фигуры на носилках. Но затем, когда едкая ирония Мориса плавно перешла в привычное русло, которое требовало ответить на простой вопрос, Томпсон взял себя в руки и снова стал дворецким.

— Да, сэр. Только это... То есть, я только хотел сказать, что там, внизу один джентльмен спрашивает мистера Беннетта. Сэр Генри Мерривейл, сэр, и...

Беннетт и Мастерс молниеносно переглянулись, услышав это имя. По комнате пробежала незримая волна облегчения, больше напоминающая победный клич.

— И еще одно, сэр, — невозмутимо продолжал Томпсон.

— Говорите.

Дыхание Томпсона восстановилось. Ровным голосом, членораздельно, с чувством собственного достоинства, он произнес:

— Лорд Канифест хотел бы переговорить с вами по телефону.

Глава 11. Охотничий хлыст

В его состоянии любой уже давно бы перестал удивляться неожиданным поворотам и поверил бы во что угодно, чудеса имеют свойство со временем оборачиваться пустяками. Но для Беннетта это послужило последней каплей. Все лица мгновенно нацепили на себя непроницаемые маски. Г. М. здесь! В это трудно было поверить, но факт остается фактом. Теперь неважно, каким образом он оказался в этом доме — главное, в такую минуту вы чувствуете, конечно, еще впопыхах, не отдавая себе отчета, что гора сваливается с плеч и все вопросы разрешаются сами собой. С подобным ощущением Беннетт сталкивался не раз. Пусть чудеса продолжают; сейчас это не имело никакого значения. После долгой паузы Морис Боган попытался сдвинуться с места, однако Мастерс положил на его руку свою теплую, тяжелую ладонь.

— О, нет! Лучше оставаться там, где стоите. Я сам поговорю с лордом.

Застыв в недоумении, Морис тем не менее не мог оставить без внимания такую, мягко говоря, вольность в своем доме.

— А если лорд Канифест, инспектор, не выразит желания беседовать с вами? — пробормотал он.

— Я сказал, — ответил Мастерс, стараясь не перегибать палку, и вместе с тем давая понять, что перечить ему бесполезно, — что сам отвечу на звонок.

Он отстранил Мориса легким движением, от которого тот чуть не вылетел в галерею. Беннетт пришел в себя только тогда, когда обнаружил, что его, как арестованного, крепко держат за локоть, а сам он быстро движется по галерее, едва поспевая за Мастерсом.

— Хотел вам сказать... Пойдемте, Томпсон, глянем на сэра Генри. То, что я хотел вам сказать о Г. М., — он снова обратился к Беннетту, на ходу его фразы теряли стройность, — это было... Короче, вы послали ему телеграмму.

— Я отправил ему телеграмму? Не понимаю, о чем...

— Ну-ну, сейчас не до объяснений, но по-другому с ним нельзя. С сегодняшнего дня он официально на рождественских каникулах. Если бы я попытался просто связаться с ним, то услышал бы ответ рев мамонта, ничего, обычное дело. Он на дух не переносит какие-либо просьбы. Но старик сентиментален, во многих вещах он еще ребенок, хотя не оставил бы от вас мокрого места, если бы вы только заикнулись об этом. И еще одно — семья. Вы его племянник. Если бы вы попали в беду, он был бы уже здесь. А теперь — как это было с телеграммой. Вчера вечером он справлялся о вас по телефону. После утренних событий я уже знал, что это будет мое первое самостоятельное дело после назначения. Настоящее, большое дело. Я обязан продвигаться по службе, а это не мой путь. Итак, сначала я прибыл сюда прощупать почву, узнать, что вы за человек, — Мастерс тяжело дышал. Он пытался говорить небрежно, уверенно, с высоты своего положения, но делал это не очень умело. — Мне показалось, что вы именно тот, на кого можно положиться в вопросе... Ну, вы бы меня поддержали, если бы надо было поступиться истиной в интересах правосудия, хм?... Да, именно так... Правосудия. Поэтому, когда вы поднялись наверх после того, как я впервые увидел вас, э-э... — Мастерс подкрепил свои слова выразительной пантомимой.

Беннетт даже присвистнул.

— Я начинаю прозревать... Вы телеграфировали ему от моего имени, сообщив, что я в беде? В какие еще выдуманные неприятности вы меня ввергли, позвольте вас спросить? Милостивый Боже, остается надеяться, что я еще не обвиняюсь в убийстве! Или это не так?

— О, ах! Нет, я не мог так сказать... Он так или иначе всё бы узнал. Я не стал уточнять... э-э... какая беда. Тогда не было времени на размышления, да и думать о чем-то другом я не мог. Но потом, прошу прощения, — Мастерс закатил глаза, — я увидел, как вы смотрите на мисс Боган... Да-да. Таким образом, я получил некоторое объяснение, то есть, подтверждение...

Вне всяких сомнений, тогда, с самого начала, старший инспектор сумел расположить к себе незнакомца. Его готовность отбросить условности и говорить начистоту. Его тактичное обращение с Кэтрин и его...

— Подтверждение сказанного вами, что у вас есть стремление естественным образом заступиться за нее, поддержать в трудную минуту, видя, как она серьезно обеспокоена всем этим, и что вы от чистого сердца хотите помочь ей. Вот... Но хотите ли вы поддержать меня?

Тем временем они достигли широких перил, ограждающих лестницу. Томпсон уже стоял на площадке, где лестница сворачивала под прямым углом в нижний холл, и держал трубку. Снизу доносился устрашающий рык какого-то троглодита. Это был голос сэра Генри Мерривейла.

— Эй, чего вы не знаете? — рычал Г. М. — И почему не знаете? Отойдите там, дайте мне глянуть на него. Хм, да...

— Кто вы такой, хотел бы я знать, сэр?! — пропищал доктор Винн. — Какого черта вообще?... На что вы намекаете? Вы слушаем не врач?

— Фьюить! Мне нравится цвет этой крови... И пены нет, угу... Края... Дайте же посмотреть. Теперь... — Короткая пауза. — Ладно, сынок, теперь он твой. Пуля миновала все жизненно важные. Тебе это ничего не будет стоить. Ты мне внушаешь доверие и у тебя не будет с ним проблем. Ни капельки. Хорошо, что это был не «мягкий нос»³⁰. Прошла выше. Ха! Какой дом, а? Иди на улицу и скажи там, что чертовы носилки уже спускаются.

Потом была перепалка, с жуткими выражениями, витиеватыми ругательствами, которыми, в основном, сыпал Г. М. Запас их не иссякал. Мастерс схватил Беннетта за руку и вопросительно посмотрел на него.

— Ну так как? — вернулся он к своему вопросу.

— Конечно я на вашей стороне, — ответил Беннетт, — но вы должны спуститься вниз и дать всем хорошую дозу успокоительного. Я буду следовать за вами, если вы не будете темнить. Похоже, он вышел на тропу войны. Послушайте, Мастерс, а что, старик действительно такой... такой...

— Незаменимый в полицейской работе? — закончил вопрос Мастерс. — А вы понаблюдайте за ним!

С этими словами Мастерс спустился к телефону и взял трубку. Беннетт, перегнувшись через перила, пытался подслушать обрывки разговора с лордом Канифестом. Лорд, очевидно, был очень даже жив. Мастерс в дурной манере газетчиков разговаривал по телефону, понизив голос и прикрыв микрофон трубки рукой. Его собеседник на том конце провода, очевидно, поступил аналогичным образом — не самое умное решение, посчитал Беннетт. Слишком поздно он услышал шаги за спиной, резко выпрямился и оглянулся. Морис и Виллард подошли к лестнице.

— Казалось бы, — говорил Морис, — это мои гости, но поди ж ты — отвечают вместо меня на звонки. Большая честь видеть у себя сэра Генри Мерривейла. Это даже бóльшая честь, чем получить телефонный звонок от покойника... Точно ли я слышал, что есть последние новости в этом деле, инспектор? — Тонкие черты лица Мориса были бесстрастны, но голос дрожал.

— Хорошие новости, сэр, — ответил ему Мастерс. — Думаю, можно считать уже несомненным, что ваш брат поправится.

— Ну и слава Богу, — вставил реплику Виллард. — Почему он сделал это, Морис? Почему он должен...

На секунду лицо Мориса злобно скривилось, сверкнув холодным пламенем отвращения.

— У моего брата редкий вид совести... Я, ах, полагаю, что мне разрешат встретить гостей в собственном доме?... Благодарю. Я спущусь вниз.

Спускаясь по лестнице, он крутил плечами и тыкал тростью в перила.

— Что здесь произошло? — понизив голос, спросил Беннетт актера. — Что он сделал, я имею в виду Джона? Просто поднялся сюда, прошел в комнату и ...

— Насколько я понял, да, — Виллард потер глаза. — Я точно не знаю, как всё случилось. Последний раз я его видел, когда он сказал, что собирается на завтрак. Я поднялся наверх и встретил Кейт, которая попросила меня посидеть немного с мисс Карью, пока она ходит за кофе. Она пошла куда-то переодеваться, и больше я ее не видел, потом вы... Ну, вы все поднялись сюда... Давайте-ка отойдем в укромное местечко.

Осмотревшись вокруг, он увлек Беннетта за угол, где галерея поворачивала в боковой коридорчик к эркеру с большим окном. Виллард уже не выглядел легким на подъем, с уверенной поступью. Он заметно сдал. У него явно были проблемы со зрением, так как он постоянно щурился, а рука то и дело хваталась за очки, которых не было на лице.

— Признайтесь, это вы сообщили... на самый верх?

— Нет! Клянусь, я не... Я никак не связан...

— Там Мерривейл, ваш дядя, я так понимаю. Вы его хорошо знаете?

— Почему вы так решили? Я увидел его вчера первый раз в жизни.

— Как вы думаете, — спросил Виллард уже спокойнее, — может человек солгать и выйти сухим из воды? Я скажу вам, почему я об этом спрашиваю. Я сидел у постели Луизы Карью, она бредила... Что-то бормотала про убийство Марсии Тайт.

Беннетт резко повернулся. Сейчас в лице Вилларда было что-то завораживающее, действующее как взгляд оборотня, и ему почудилось, что совсем недавно он уже сталкивался с нечто похожим. От напряжения голова загудела как колокол, а потом разлетелась осколками холодных слов, какими констатируют непреложную истину: *«Мы как те жалкие полосатые твари прыгали перед ней через бумажные обручи и карабкались по жердочкам. Ей достаточно было выстрелить холостым патроном, чтобы все послушно расселись по своим тумбам»*. И он всё понял. Тогда, в сумраке библиотеки, на него смотрели золотисто-карие глаза Вилларда; здесь, у окна — горящие янтарным огнем глаза того, кто рыщет внутри клетки.

— Вы хотите сказать, — видение исчезло, но Беннетт с трудом узнал свой голос, — она признавалась?..

— Не знаю. Был ли это бред или она просто разговаривала во сне, я не разбираюсь.

Я заподозрил передозировку снотворного, что впоследствии, кажется, подтвердилось. При удобном случае я расскажу вам об этом. Я сидел у постели, углубившись... э-э... сосредоточившись на одном медицинском феномене, когда вошел доктор Винн. Он сказал, что вы что-то говорили про крики и горячку. Пока он осматривал ее, я подошел поближе к кровати, и моя нога наступила на какой-то предмет. Под кроватью валялся охотничий хлыст с тяжелой, залитой свинцом, серебряной рукояткой, по форме напоминающей собачью голову.

— Вздор! Это не ее спальня, это...

— Спальня Кейт? Да, я знаю, — в глазах Вилларда вспыхнул азарт. — Но у Луизы было какое-то дело к ней, когда она вышла в галерею и потеряла сознание. Я поднял ее на руки — я утаил этот факт от полиции, вернее, я не упомянул о том, что было дальше. Откровенно говоря... как бы поточнее выразиться... ах, так или иначе... — Он барахтался среди фраз, цепляясь за одни, другие отгоняя прочь, пока не махнул на всё рукой, решив положиться на удачу. — Откровенно говоря, я не ломовик, чтобы мной понукать, но Луиза, она... такая безобидная. Учтите это, дружище. Я не хотел об этом распространяться... Когда я поднял ее на руки, она была одета в ночную рубашку, халат и длинное пальто, из кармана которого торчал этот хлыст.

— И Кейт знала об этом? — нахмурившись, допытывался Беннетт. Он начал припоминать. И он вспомнил, по кусочкам: девушку, нечаянную оговорку, мгновенное опровержение и попытку отказаться от своего заявления, согласно которому Марсия Тайт была убита охотничьим хлыстом. — Она знала?

— Да. Утром, войдя в комнату, я первым делом подумал о пальто. Но в комнате его не было. Для Кейт в этом доме я своего рода друг-заговорщик. Ничего не подделаешь, хлыст лежал на самом виду, и чтобы избежать ненужных расспросов, пришлось пихнуть его под кровать, куда-нибудь подальше, лишь бы не попался на глаза Винну. Но тут Луиза неожиданно вскрикнула, понесла околесицу, а в конце и вовсе призналась, что это она подтолкнула Марсию на лестнице. Да, безнадежный случай. Винн ничего не сказал, только дал ей какое-то рвотное. Когда ее попустило, он сказал, что хочет переговорить со мной наедине. Выглядел он при этом довольно странно. Мы вышли в галерею. Кстати, когда мы туда вышли, — Виллард нахмурился и щелкнул пальцами, раздосадованный провалом в памяти, — кто-то весьма громко разговаривал на нижней площадке по телефону. Теперь припоминаю, кажется, там были такие слова: «...в павильоне, точно в павильоне, говорю тебе!» Вспомнил, потому что намеревался подойти и прошептать этому крикуну в ухо, чтобы он заткнулся. Но Винн сказал: «Это же Райнгер! Не понимаю, он был с инспектором в библиотеке, но сейчас у него, похоже, новый срыв. Конченный человек».

— Когда это было? — спросил Беннетт. — Мы же оставили его дрыхнуть на диване, а сами пошли в столовую. Гореть мне в аду — он был в мертвецки пьян!

— Я не знаю, может быть, через четверть часа после того, как Винн пришел осмотреть Луизу. Во всяком случае, это было, когда Винн сказал, что хочет сообщить мне что-то важное. Принято считать, что для всех в этом доме я вроде опекуна и исповедника. Голос у телефона замолчал. Винн отвел меня сюда, где мы сейчас стоим. Он только начал говорить, собирался с мыслями, не было ничего такого, никакой злободневной медицинской латыни (или мне так показалось?), как вдруг раздался выстрел...

— Боже мой, дружище, это было ужасно! — продолжал Виллард. — Полагаю, в тот момент нам обоим стало не по себе — на ум сразу пришла Луиза. Мы переглянулись и мигом бросились назад. Опасения были напрасны, мы нашли ее, как ни чем не бывало сидящей на кровати. Она постепенно приходила в себя, еще был небольшой озноб, но и он уже ослабевал. Лихорадочное состояние ушло. Сначала она спросила, что это был за звук, следующим был вопрос: что она делает в этой комнате. Потом мы услышали топот ног — люди бежали вверх по лестнице. Остальное вы знаете.

Виллард подошел к окну и присел на подоконник. Он выглядел потрясенным — история закончилась, но не было ощущения финала. Актер бессознательно принял театральную позу — опёрся кулаком в бедро и опустил голову. Беннетт услышал свое дыхание.

— Если полиция заподозрила ее... Стойте!

Он поднял голову. Кэтрин Боган шла по коридору.

— Я видела их. Догадаться положить раненого в труповозку... Я слышала, о чем они говорили, по крайней мере, из того, что долетело до моего окна наверху, я поняла, что рана несерьезная и он поправится. Это правда?

Беннетт взял ее за руку и заметил, что страх постепенно исчезает из ее глаз, когда он говорит твердо и спокойно. С непривычки она передернула плечами, будто только что шагнула с холода в тепло.

— Удивительное дело, — сказала она задумчиво, — но это меня скорее обрадовало. В определенном смысле я даже рада, что он поступил так.

— Рада? — не понял Виллард.

— Потому что больше он так не сделает. Разве вы не поняли? — спросила она. — Когда он придет в себя, он кое-что начнет осознавать. Он сделал так из-за нее... ради нее, но потом у него откроются глаза и он поймет, что жертва была напрасной. Трудно объяснить такие вещи, но просто этот поступок, — она ударила себя ребром ладони по груди, поморщившись не от действия, а от мысли, — как ушат холодной воды, вот увидите, должен отрезвить его раз и навсегда!

Виллард разглядывал за окном строгий снежный пейзаж. Он проговорил небрежно, вполголоса, с нарастающей вибрацией: «Или *очистить грудь от пагубного груза, давящего на сердце*»³¹. Неведомая сила оторвала его от окна, рука резко опустилась на подоконник. Он повернулся, загадочно улыбаясь.

— Радикальное лечение, а, Кейт? Как Луиза? Ей лучше?

— Она спустилась вниз. Вот о чем я хотела спросить вас обоих... — Короткая пауза. — Не лучше ли сказать ей, что у полиции на уме?

— Да, рано или поздно это придется сделать. Она говорила тебе что-нибудь?

— Нет.

— Но тебе не кажется, что это, возможно...

Она посмотрела на Беннетта.

— Пойдемте вниз и поговорим с мистером Мастерсом. Я... я хочу, чтобы вы тоже были там. Вы были там, когда Томпсон рассказывал о женщине, вышедшей из дома. Миссис Томпсон, вероятно, ругает его сейчас. Я, дурочка, не подумала об этом сразу. Я могу доказать, что это была не Луиза. Так вы идете со мной?

Не дождавшись ответа, она круто развернулась. Он замер от страха и не мог сдвинуться с места до тех пор, пока она не скрылась из виду. Всё же он догнал ее на лестнице. В плохо освещенной галерее до сих пор не развеялась завеса порохового дыма — она ползла по истертому ковру, вдоль обшитых дубом стен, придавая им, и без того ветхим, еще более тоскливый вид. Вцепившись в перила, Беннетт загородил дорогу и тихо спросил Кейт:

— Это были не вы, верно?

Он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Руки тряслись. Сердце стучало где-то в локтевом сгибе. Он рассматривал синяки на ее шее, только частично прикрытые шарфиком. Она почти прокричала в ответ:

— О, вы полагаете, что это была?... Какая разница, кто это был?! Какое это имеет значение? Никакого вообще, за исключением того, что мы должны преподать урок первоклассного вранья.

— Лгать полиции?

— В случае необходимости — лгать, Дже...

Он едва не кричал на нее, но с трудом сдержался. Это была проверка. Она попыталась прошмыгнуть вниз, оторвав его руку от перил. Но он только крепче схватился за поручень, не без удивления почувствовав, как что-то мягкое шлепнулось о его щеку. Ему

дали пощечину! От неожиданности оба отскочили друг от друга, словно их ужалили. Как только в ее маленьких жестких губах появилось возмущенное круглое отверстие, его сердце стало выдавать такие дикие кульбиты, что пришлось заглушить их развязной болтовней: — Какая, черт, разница, что это были вы? Я давно пытаюсь втолковать в вашу красивую головку, что мы должны придумать убедительную историю и придерживаться ее.

— Я не имею в виду, что убила ее, хотя могла бы! — она вся дрожала. — Я так завидовала ей, так мечтала, чтобы хоть кто-то ее убил! Приятно слышать, не так ли? Это почти так же отвратительно, как если бы я сделала это своими руками. Разрешите пойти мне в клоуны. Никакой разницы, что...

— Значит так, кое-что вы должны услышать первой. Там, внизу, сейчас с Мастерсом один человек, мой дядя, который обладает ужасной способностью видеть сквозь каменные стены. Мастерс заполучил его сюда, выехав на мне. Он использовал мое имя, сказав, что это было сделано по причине будто бы моего интереса к вам...

— Что вы несете?

— «Заинтересованный» — слово, которое их устраивает. Хорошо, пусть будет это слово. Возьмите и скажите им, что я интересуюсь вами. Говорите что угодно, что вам нравится. «Заинтересованному» не время разводить милые беседы, потому что здесь произошло убийство, дом разъедают склоки и отравляют подозрения, и когда кто-то, кого вы знаете всю жизнь, решает наложить на себя руки, и, хотя прошел уже не один час, все щели до сих пор забиты пороховыми газами — никто, слышите, ни один человек не отважился бы говорить сейчас о каком-то личном «интересе»! Но так будет не всегда, и дай Бог, когда-нибудь вы узнаете, почему я считаю вас самым очаровательным созданием из всех, кого мне посчастливилось встретить в этом мире. Таким образом, если вы еще питаете ложные иллюзии в отношении своего положения, не зависимо от того, вы это были или нет, имеет это какое-то значение сию минуту или будет иметь в дальнейшем, самая большая глупость, которую можно только представить — это говорить о таких вещах вслух.

— Я знаю, — сказала она после долгой паузы. — Я рада, что вы это сказали, что вы это сделали. — В ее глазах стояли слезы. — Вы, вы...

— Да уж... — отозвался он. — Так, успокойтесь. Спускаемся вниз.

Глава 12. Г. М. разбирает дело

Часы в коридоре пробили половину двенадцатого, когда они подошли к библиотеке.

— ... подробные отчеты, — монотонно бубнил Поттер, — результаты осмотра тела нашим врачом, ордер на проведение вскрытия, его нужно подписать, а вот гипсовые слепки, два набора отпечатков ног, мистера Джона Богана и его друга, это те дорожки, которые были оставлены до нашего прибытия, вот трассологическая схема со всеми измерениями. Думаю, мы поступили правильно, в любую минуту снег может пойти снова. Вот отчет дактилоскопической экспертизы. Снимки обрабатывают, их отправят после обеда. Тело всё еще там, его только перенесли на кровать.

Поттер методично раскладывал бумаги на столе под желтыми абажурами. За окном потемнело, сухие усики виноградной лозы стучали в стекло, поднялся ветер. В дымоходе завывало, и один раз сильный порыв ветра разметал высокие языки пламени в камине, сломав их как сухие тернии, и выбил сноп искр из тлеющих головешек. Мастерс склонился над записной книжкой. Тусклый свет набросил на красное от напряжения лицо еще одну сеть морщин. Морис Боган напустил на себя чрезвычайную важность и жмурился от удовольствия, как сытый кот, поглядывая в огонь. Напротив камина застыли освещенные силуэты двух голландских кукол. Одна была Томпсоном, вторая — седой коренастой женщиной в черном. Беннетт не нашел Г. М. Но в дальнем от него углу камина ворочалась огромная тень, у которой, как показалось ему, можно было различить сверкающие очки и пару белых носков.

— Спасибо, Поттер. Вот, возвращаю назад, — сказал Мастерс, протягивая ему записную книжку. — Я ознакомил сэра Генри со всеми показаниями, которыми мы

располагаем к этому часу. А теперь... Какие-нибудь распоряжения, сэр?

— А?

Мастерс немного отстранился, чтобы дать возможность проникнуть свету в дальний угол камина. Теперь Беннетт мог рассмотреть это место получше. Он увидел скривившееся лицо Г. М., как будто тому под нос только что сунули тухлое яйцо, по бокам крупной лысой головы торчали два всклокоченных пучка волос.

— Какие-нибудь инструкции, сэр?

— Будьте вы прокляты, я не спал всю ночь, — огрызнулся сэр Генри. Он сунул в рот пустую трубку, запыхтел и ворчливо продолжил. — Я концентрировался. Концентрация, слышали о таком слове? Так вот, не торопите меня, Мастерс. Не гоните гусей, ладно?! Вы слишком многого и сразу хотите от меня, дайте сначала отдышаться и переварить факты. Кроме того, я бы не отказался прогуляться до павильона, пока снова не повалил этот чертов снег. Чувствую, там дел невпроворот. И мне это очень не нравится, Мастерс. От этого дурно пахнет, очень дурно. О чем вы говорили? А, отчеты. Нет, пусть подождут, надо кое-что прояснить. Прервитесь ненадолго, сынок, — обратился он к Поттеру, — дайте мне поговорить с четой Томпсонов.

Несмотря на вспыльчивость и свирепый вид, в Г. М. присутствовало что-то такое, что помогало таким людям как Томпсоны держаться непринужденно.

— Привет, ребята! — обратился к ним Г. М., вынимая трубку изо рта. — Я знаю, что вы говорили старшему инспектору и собираюсь использовать вас как лакмусовую бумажку для остальных в этом доме. Вы не против? Если кто-нибудь из них говорит неправду, сразу скажите старику. Теперь, вот что. — Он скосил глаза на Томпсона. — Вы ведь были на том междусобойчике при свечах вчера вечером?

— Нет, сэр. Мы с женой готовили павильон для мисс Тайт. Перестелили кровать, проверили тягу — в дымоходах видны звезды, вода из кранов течет и так далее. Моя жена занималась гардеробом мисс Тайт...

— Такой изысканный гардероб! — воскликнула миссис Томпсон, заламывая руки. — Ни одной из наших вертихвосток не велено прикасаться к таким вещам. Только мне.

— Угу. В какое время вы ушли оттуда?

— Немногим за полночь, сэр, когда мистер Морис вместе с двумя другими джентльменами вышли проводить мисс Тайт до павильона.

— Вы уверены, что не оставляли там никаких спичек, а?

В тени за дверью, где они стояли с Кэтрин, Беннетт мог видеть только спину Томпсона. Но ему показалось, что человек испытывает огромное напряжение. Томпсон взглянул на Мориса, который сидел с невозмутимым видом и отрешенной улыбкой полноправного хозяина.

— Прошу прощения, сэр, недоглядели.

— И после того, как вы вернулись сюда, в дом, что вы сделали?

— Это было, когда я леглась спать, мистер Т. — вмешалась миссис Томпсон, взволнованным шепотом пытаюсь помочь мужу вспомнить.

— Это, как говорит моя жена, было, когда она легла в постель. Я чистил столовое серебро, так заведено мистером Морисом, в ожидании провожавших мисс Тайт. Только что истекла четверть первого, когда они вернулись, после чего я запер дом.

— И никто не выходил потом?

— Ну, сэр, мистер Виллард, вышел после того, как мистер Морис и другой человек прошли в библиотеку. Но мистер Виллард отлучился всего на десять или пятнадцать минут. Он попросил меня не ложиться и дожидаться его. Он сказал, что воспользуется черным ходом, который находится недалеко от моей кладовки, и вернется им же. Вернувшись, он постучал мне в окно. Вот и все его действия.

Г. М. что-то пробурчал себе под нос и скосился на него, как будто туда села муха.

— Угу. Кажется забавным, что никто не удосужился задать этот вопрос. И я, растяпа, а это важно! Смотрите сюда. Между половиной десятого и полночью, все, кто мог, бродили вперед-назад, вверх-вниз, во все стороны от дома к павильону, и Буран, этот пёс, ни разу ни гавкнул. Ни одна душа не выскочила из дома в половине второго, а собака подняла такой ужасный лай, что ее срочно пришлось посадить под замок. Как такое могло произойти, а?

Мастерс тихо выругался. Он посмотрел в свои записи, на Г. М., и снова вернулся к записной книжке.

— Почему же, сэр, — возразил Томпсон, — это легко объяснимо. Я знаю, потому что сам звонил Локеру на конюшню. Сожалею, сэр, чуть не забыл сказать вам. Мисс Тайт попросила меня проследить, чтобы утром для нее и мистера Джона приготовили лошадей. Я держал это в голове до тех пор, пока мистер Виллард не вернулся в павильон, и я задумался, почему (прошу прощения) не слышно Бурана. Стало быть, подумал я, он должен быть внутри с Локером. Локер души в нем не чаёт и часто держит в доме до последнего. И это заставило меня вспомнить, что я не позвонил Локеру насчет лошадей. Я сделал это около двадцати минут двенадцатого, и он сказал мне, что забрал Бурана из будки.

Томпсон был старым служакой и сейчас оказался на распутье. Он встал вполоборота, чтобы получше разглядеть хозяина и украдкой посмотрел на него.

— Боюсь, вами упущены из виду многие вещи, — Морис еще сохранял налет дружелюбия на своем лице. Затем он буквально показал свои зубы, бросив взгляд на Г. М., который выглядел неуклюже, когда начинал волноваться.

— Теперь давайте по порядку, сынок, — ласково отозвался Г. М. — Возьмите любой отрезок времени, какой пожелаете, но только в котором вы железно уверены. Вы хотите сказать, что собаку все последние вечера не выпускали вплоть до половины первого?

— Да, сэр.

— Разрази меня гром! — пробормотал Г. М., пихнул трубку обратно в зубы и затаился, почти светясь от удовольствия. — Хо-хо! Пока это лучшая новость в нашем кошмарном деле. Где-то на задворках моего ума засела некая не оформившаяся еще идея: можете убедиться, ничего серьезного или каких-либо признаков активной мысли. Но я подумал — более того, допустил возможность немедленного опровержения моей идеи кем-нибудь из вас. Никто не сделал этого. Мои аплодисменты.

Мастерс ударил кулаком по столу.

— Я признаю, что мы это прошляпили, сэр! — сказал он. — Но в чем тут важность? Я не понимаю, почему это настолько важно? Потому что мы это проглядели? Ведь главное то, что собака была заперта после половины второго.

— Угу. Нам еще предстоит всё проверить. Ладно, а пока давайте побыстрее закончим с вами, дружище Томпсон. Так когда, вы говорите, отправились в постель?

— После того, как закончил с серебром, сэр. Около часа ночи. Мистер Морис разрешил мне идти. Я, как уже говорил инспектору, оставил бутерброды для мистера Джона и поднялся к себе, пока в половине второго не залаял Буран и не позвонил мистер Морис. — Он сглотнул и снова уставился на Богана-старшего.

— Полагаю, Томпсон мыслит общими категориями, — заметил Морис. — И это было, когда ваша благоверная супруга увидела, что дом покинула таинственная фигура, либо моя племянница Кэтрин, либо достопочтенная Луиза Карью?

Томпсон быстро коснулся руки жены. Но это вызвало обратный эффект — она взбунтовалась. Ее понесло как угорелого цыпленка, она отбивалась словами, вылетающими из ее рта мелкими острыми камешками.

— Сэр, и вы, сэр, и вы, — закричала она со слезами на глазах, — ну сколько можно повторять, меня уже пригвоздили и подвесили на крюк этим заявлением! Сэр, еще раз — я не знаю, кто это был. Это было всего лишь предположение, сэр, а за предположения не казнят. Что касается высказывания, что это могла быть мисс Кейт, я скорее умру и... В общем, это всё, что я хотела сказать.

— Я с вами полностью согласен, мэм, полностью. — Внезапно речь Г. М. приняла

характер жизнерадостного, беззаботного словоблудия, коим некогда прославился Уэллер-старший³². Он вздохнул. — Хм, да. Полагаю, вы нам рассказали всё? Хорошо, думаю, на этом закончим. Вы свободны...

Когда они ушли, тихие как мыши, Г. М. рухнул в кресло и некоторое время приводил остатки волос в полный беспорядок.

— Итак, сэр... — Мастерс ждал распоряжений.

— У вас, — Г. М. ткнул пальцем в сторону Мориса с лукавым выражением лица, — полагаю, тоже есть что сказать нам сейчас, а?

— Я полностью в вашем распоряжении, сэр Генри. Уверен, что у вас не возникнет причин пожаловаться на мою откровенность.

— Угу, — моргнул Г. М. — Боюсь, откровенность — сомнительная добродетель, работает только тогда, когда вы говорите о себе, в остальных случаях — сплошная тягомотина. К тому же это неосуществимо. Есть только один тип личности, который действительно может рассказать всю правду о себе, но, к сожалению, такие подлежат освидетельствованию и помещению в психиатрическую лечебницу. И когда человек говорит о намерении быть откровенным в отношении третьих лиц, это означает, что он собирается пустить пыль в глаза... Что ж, давайте проверим. После того, как вы, Виллард и Райнгер вернулись из павильона прошлой ночью, вы и Райнгер прошли сюда. Как долго вы оставались здесь?

— До тех пор, пока я не приказал Томпсону позвонить на конюшню, чтобы заперли собаку.

— Ясно. Пол-второго. А по какой причине вы решили разойтись?

Морис бросил на него пронизывающий взгляд, как у дуэлянта, но Г. М. и бровью не повел.

— Это было желание мистера Райнгера. К тому же я думал, что вернулся Джон, мой брат, о чем я известил собеседника. Признаюсь, мне было любопытно посмотреть, каковым будет эффект, если они столкнутся в дверях. Думаю, Джон не знал, что мистер Райнгер здесь, надеюсь, вас уже поставили в известность об их отношениях. Должен ли я сказать, что они были проблемными?

— Ну, расскажите что-нибудь об этом. Например, о том, как было бы весело и здорово, если бы в присутствии вас Джон залепил Райнгеру в ухо. Нынче это называется *психологическим анализом*. Райнгер предвидел эту ситуацию и, видимо, искал предлог, чтобы уйти. Почему же в таком случае вы отпустили его, а?

Морис медленно потер ладони друг о друга. Его непоколебимый лоб прорезали глубокие морщины.

— Было бы крайне неразумно так поступить по отношению к своему гостю, к тому же подобное поведение весьма недальновидно. Поэтому самым верным в сложившейся ситуации было принять неуклюжие извинения мистера Райнгера и со спокойным сердцем отпустить его.

— А вы сами не пошли спать?

Морис ослепительно улынулся.

— Боюсь, вы спешите с выводами. Я *пошел* спать. Но моя комната на первом этаже.

— Теперь вот еще что меня поражает. Это что, такая семейная традиция, а? В пол-второго ночи приезжает ваш брат после длительной отлучки, из Америки, а вы даже не вышли встретить его: «Эй! Привет! Добро пожаловать домой!»

Морис казался озадаченным.

— Не вижу в этом ничего поразительного, мой дорогой сэр. Я, как известно, глава дома. Если мой брат не посчитал нужным поставить меня в известность о точном времени своего возвращения, значит это только подтверждает тот факт, что он вправе распоряжаться собственным временем по своему усмотрению, и я могу это только приветствовать. Не могу

же я целый день стоять на крыльце и ломать голову по этому поводу. Он взрослый, самостоятельный человек. Сэр Генри, я живу под девизом: «Мои двери открыты для всех». За это меня уважают... Но вы спрашивали, где я был? Ах, да! Несомненно он знал, где меня искать. Следовательно...

— Это всё, что я хотел услышать, — оборвал его Г. М., закрыв глаза.

— Прошу прощения?

— Да ладно вам, извиняться он еще будет! — проворчал Г. М.

— Я уйду с величайшим удовольствием, — сухим тоном поспешил высказаться Морис, — если получу от вас абсолютные гарантии, что «Зеркало Королевы» останется неприкосновенным. Я был очень терпелив, сэр. Я пережил много такого, что доставило мне физические страдания и нарушило мое душевное спокойствие. Но если ваш подчиненный в оскорбительной форме допустил возможность осквернения моего имущества, исторического памятника, тем, что не оставит от него камня на камне, дабы найти несуществующий подземный ход, тогда... Тогда...

— Тогда вы испортите воздух, — спокойно сказал Г. М. — Всё нормально! Можете показать ему фигу. Я обещаю, обыска там не будет.

Морис покинул библиотеку таким стремительным шагом, что не заметил двух фигур, притаившихся за дверью. Он что-то бубнил себе под нос, на лбу блестели капельки пота — впервые его заставили так позорно бежать.

— Простите, сэр, но, черт возьми, что вы хотели сказать этим обещанием? Что поиска подземного хода не будет вообще? — Беннетту показалось, что голосом Мастерса говорят его собственные подозрения.

— Потому что его там нет! — отрезал Г. М. и ворчливо продолжил. — Это тема закрыта, понятно? Не дай Бог, привередливая старая дева сыграет в ящик, если вы поднимите руку на ее пряничный домик. Если бы там что-то было, он сказал бы вам об этом сразу, не дожидаясь пока вы будете простукивать одну панель за другой. Вот еще!

— Я бы не был столь уверенным, сэр, — ответил Мастерс. — А что если подземный ход ведет в его комнату?

— Угу, я тоже думал об этом. Если бы так было, мы бы давно нашли его там, где-нибудь в углу. Я не сомневаюсь, идея подземного хода — это фик-ци-я. — Г. М. почесал в затылке. Впервые что-то похожее на усмешку появилось на его непроницаемом лице. Он обошел стол и внимательно посмотрел на Мастерса. — Ситуация «запертой комнаты» не на шутку взбудоражила вас, не так ли? Напугало единственной и конкретной чертовщиной. Так и кажется, будто убийцы получают от этого особенное удовольствие — только того и ждут, чтобы подойти и шепнуть на ушко старшему инспектору Хамфри Мастерсу в обход всех правил крикета. Увы, на сей раз всё гораздо серьезнее. Если бы у вас была обычная «запертая комната», еще куда ни шло, вы могли бы подступиться к ней с легким сердцем. Всем известны некоторые уловки по запираению дверей с внешней стороны. Задвижки могут перемещаться простым приспособлением из булавок и нитки. Стержни ключей можно повернуть, зажав их плоскогубцами. Штыри дверных петель могут быть вынуты и заменены так, что вам вообще не понадобится трогать замок. Но когда ваша запертая комната трансформируется в простой, безумно простой вариант — полдюйма нетронутого снега на сто футов... хорошо, не имеет значения... вокруг — это, я вам скажу, Мастерс, хуже, гораздо хуже.

— Хуже?

— Я размышлял, куда мне вписать неудачную попытку убийства лорда Канифеста Джоном Боганом, в чем последний не преуспел, когда подумал, что он имел...

Даже в темном укрытии Беннетт мог различить, что девушка рядом с ним дрожит всем телом, как осенний лист. Она уставилась на него непонимающим взглядом, но, приложив палец к губам, он решительно призвал ее к молчанию. Они подслушивали, и сейчас он боялся даже шелохнуться, не то чтобы переброситься парой слов. Он уже жалел, что они скрывают свое присутствие здесь, и приготовился сказать об этом вслух, когда что-то в воспаленном мозгу Кейт заставило ее открыть рот раньше его. Он сжал ей руку.

— Мы разберем это в течение ближайшего времени, — сонно продолжал Г.М., — и посмотрим на конкретную невозможную ситуацию. Для начала нужно определить мотив убийцы. Я не говорю о мотиве убийства, я имею в виду мотив для создания невозможной ситуации. Это очень важно, сынок, потому что здесь заложен прямой путь к разгадке мотива для убийства. Почему он так сделал? Нет дураков возиться с таким нагромождением несуразных фокусов-покусов только ради того, чтобы поводить полицию за нос. О, и без нашей «необходимости» в воздухе носится столько мотивов для убийства Тайт, что этого с лихвой хватило бы объяснить всю неразбериху, скажем, спятившим маньяком. Но тогда каковы возможные варианты?

Первый: инсценировка самоубийства. Выглядит достаточно убедительно. Я захожу в ваш дом, стреляю вам в голову и вкладываю пистолет в вашу руку. Скажем, это был бы такой же дом, как этот — с небольшими стеклянными ячейками в окнах. Угу. Я запираюсь изнутри. У меня с собой сумка с заранее приготовленным кусочком стекла подходящего размера, инструментами и замазкой. Я разбиваю стекло в удобном для себя месте, вылезая из окна, опускаю его за собой, теперь достаточно просунуть руку в прореху и повернуть защелку. Дальше я беру свое стеклышко, ставлю его на место старого и замазываю щели по краям, не забывая покрыть свежий шов пылью или копотью так, чтобы он с виду не отличался от остальных. Итак, комната полностью заперта, и все будут думать, что вы застрелились.

Мастерс бросал рассеянные взгляды.

— Что меня поражает, сэр, — мрачно сказал он, — вы знаете обо всех уловках...

— Думаю, что обо всех, — недовольно проворчал Г.М. и уставился в огонь. — Я видел так много, что мне неприятно думать об этом на Рождество. Я хотел бы сейчас сидеть дома, пить горячий пунш и наряжать рождественскую ёлку. Но давайте разберем выпад и укол на нашей площадке. Если это новый подход в искусстве убийства, я должен знать об этом всё. Во-первых, фальшивое самоубийство в нашем случае отменяется. Нельзя инсценировать самоубийство, проламывая голову...

Во-вторых, есть вероятность того, что кто-то пытается представить убийство как результат нападения сверхъестественных сил. Такое редко бывает, в лучшем случае это гигантский объем работы, который подразумевает долгое и детальное выстраивание всех стадий в общую стройную картину с учетом непредвиденных обстоятельств. Не исключено, что это прослеживается и в нашем убийстве тоже, потому что мы еще не сталкивались с таким упорным стремлением создать впечатление, что людей в павильоне преследует кроважидный призрак.

И, наконец, вмешательство случая. Встречаются убийцы, вокруг которых невозможные ситуации возникают ненарочно, вопреки тому, что они замыслили. Представим, что вы и инспектор Поттер расположились в смежных спальнях, а единственная дверь, соединяющая обе комнаты, заперта изнутри. Я хочу убить вас и бросить подозрение на него. Я прячусь у вас с моим набором юного стекольщика, дожидаясь ночи, наношу удар и выхожу, заменив стекло. Единственное, о чем я забыл или упустил из виду, это то, что дверь была заперта с вашей стороны. И вот волей случая мы имеем невозможную ситуацию. Бах!

— Воля случая — это последняя наша зацепка. Но сожгите меня на костре, — внезапно обернувшись, Г. М. сверкнул бесовскими огоньками в маленьких глазках, — вы не хуже меня должны видеть, как эта последняя и окончательная зацепка может быть применима к нашей ситуации. Случайность, да? А разве можно случайно не оставить следов на снегу?

Мастерс нахмурился.

— Ну, сэр, я назвал бы последний пример дающим единственно правильное и разумное объяснение. Я вижу это так. Х, убийца, входит в павильон, в то время как идет снег...

— Угу. Все еще думаете на дочь Канифеста?

Внимание старшего инспектора сконцентрировалось на мрачном человеке, который считал его идеи такими же незыблемыми, как соломенная крыша под ураганом.

— Потерпите капельку, сэр. Сейчас, — не сдавался он. — Мы выбрали ситуацию форс-мажора, так сказать, непредвиденного события. Итак, Х входит туда до того, как прекратился снег. Затем он убивает мисс Тайт, но ее находит...

— Девочка? Да, Мастерс, уже чертовски теплее.

— Ну, почему бы и нет. Если мисс Боган говорит правду о появлении Райнгера в галерее в час тридцать, после того, как он покинул библиотеку, то она отпадает. Но я имею в виду другую девушку, с хлыстом. Мисс Карью идет прямоком туда, убивает эту женщину, а потом обнаруживает, что снегопад кончился, и она оказалась в ловушке! Вот вам ваша «воля случая», сэр. Она не намеревалась подстроить невозможную ситуацию, но вмешалась слепая судьба.

Г. М. потер лоб.

— Угу. Ну и как же она вернулась в дом, не оставив следов? Также случайно, вылетев в трубу на помеле?

— Вы не очень внимательно ознакомились с нашими отчетами, — возразил Мастерс. — Эта юная леди, я читал вам свидетельские показания, около четырех часов утра лежала в обмороке посреди галереи с пятнами крови на руках.

Г. М. кивнул, нахмурился и подозрительно посмотрел на свою трубку.

— Я знаю. Я хотел спросить о другом — во что она была одета?

Беннетт увидел, как петля начинает затягиваться. Он увидел это за мгновение до того, как Кэтрин выхватила свою руку и быстрым шагом направилась к группе, собравшейся у камина.

— Могу ли я сказать вам, во что она была одета? — Кэтрин старалась произнести эти слова спокойно, но твердо. — Она лежала в расстегнутом пальто, под которым были халат и ночная рубашка...

Мастерс вышел из-за стола и перекрыл свет, падающий от камина, так, что заслонил собой Г. М.

— Но без обуви, — продолжила Кэтрин и всплеснула руками. — Разве вы не видите, мистер Мастерс? Без верхней обуви — только домашние тапочки. Она же не могла выйти необутой, в одних тапочках. И потом, если она сняла ботинки, они должны быть мокрыми, они всё еще должны быть мокрыми. Тогда где они? Я заходила к ней сегодня утром, но...

— Стоп, мисс, — тихо сказал Мастерс. — Вы не говорили нам об этом раньше.

— А я никогда и не думала об этом! Но сегодня утром я пошла в ее комнату за нюхательной солью. Она всегда держит при себе нюхательную соль; и это понятно, при ее нервах-то. Она выставила всю свою обувь и разложила другие вещи, которые взяла с собой, я уверена в этом, потому что не далее как вчера она показала мне все свои обновки, купленные в Штатах, вы понимаете меня? И поскольку я копалась там, чтобы найти для нее пару теплых шлепанцев, то заметила, что вся верхняя обувь сухая и чистая. Скажите прямо, вы верите мне или нет?

Во время возникшей паузы было слышно, как потрескивает и стреляет огонь в камине, а в окно стучатся хлопья снега.

— Я верю вам, мисс, — сказал Мастерс спокойно. — Хочу сказать, это легко проделать с помощью пары галош. При случае, думаю, не составит труда разыскать их. Спасибо, мисс, что подошли к этому вопросу со всей серьезностью. Поттер!

— Сэр?

— У вас найдется пара человек? Хорошо! Вы слышали, что она сказала, вы знаете, что искать. Любую пару промокшей обуви, любой — домашней, верхней, галош — в любой комнате. И вашей тоже, не возражаете, мисс?

— Конечно нет. Поаккуратнее только...

— Исполняйте, Поттер! — бросил Мастерс. Когда шаги инспектора затихли в коридорах, он махнул в сторону пустого кресла и еще раз взглянул на девушку. — Будьте

добры, присядьте, мисс. Признаться, я допустил много детских ошибок, но, думаю, их лимит исчерпан. Мисс Карью никуда этой ночью не отлучалась, так? Вы тоже. Сырые мужские ботинки ничего не дают. Получается, что мокрая обувь вообще ни о чем не говорит, но если мы найдем что-нибудь еще...

— Отойдите со света, Мастерс! — протестующе зарычал Г. М. за его спиной. — Не загораживайте свидетеля! Каждый раз, когда человек задает толковый вопрос, вы поднимаетесь в воздух, как дирижабль, хм... Говорю же... О, какая хорошенькая нимфа, и гореть мне в аду, если это не так...

Он неуклюже встал, как только Мастерс отошел в сторону, и его унылое лицо покрыл румянец неподдельного восхищения. Беннетт увидел изъеденный молью воротник, который все еще украшал мешковатое пальто, чьи бездонные карманы были нафаршированы разного рода рождественскими подарками и свертками, перевязанными броскими дешевыми бантиками.

— Ой, и ты здесь? — вырвалось у Г. М., и выражение его лица смягчилось. — Похоже на то, что ты выгнал зайца на поля, сынок, и теперь хочешь, чтобы старый хрыч поймал его для тебя. — Эй-эй, уже нет никакой необходимости так расстраиваться, мисс Боган. Просто сидите и смотрите, как старик берется за дело. Способность Мастерса быть таким же поворотливым, как слон в посудной лавке, уже не удивляет. Тактичность не относится к его сильным чертам. Сядьте и расслабьтесь.

— Такое бывает со мной, — нехотя согласился Мастерс. — Что... Что, черт возьми, у вас там происходит, Поттер? — Нервы старшего инспектора не выдержали. И на то была причина. Поттер хотел избежать этого, но, распахнувшись, дверь ударилась о стену с такой силой, что эхо чудовищным грохотом потрясло потолочные балки, пронеслось через всю библиотеку и стихло только в мерцающих углях.

— Виноват, сэр, — извинился Поттер для проформы. — Можно вас на минуточку?..

— Ну, если только на минуточку, — проворчал Мастерс. Казалось, он утратил способность двигаться и совсем не хотел покидать кресла.

— Я не знаю, сэр! Там репортеры. Не дают прохода... Ну так вот, там выскочил один, вижу, нарываясь, думаю, ух ты какой шустрый. Но оказывается, это какой-то псих. Говорит, что это он, мол, убил мисс Тайт или что-то вроде этого.

— Чего?

— Да, сэр. Говорит, что он послал ей коробку отравленных конфет. Его имя Эмери, сэр, Тим Эмери.

Глава 13. Муж Цирцеи

Длинное и удовлетворенное ворчание раздалось в дальнем углу камина.

— Ага! — воскликнул Г. М., размахивая пустой трубкой. — Теперь мы его получили. Я уже заждался его, Мастерс. Я склонялся к тому, что это сделал он. Пусть войдет, Поттер. Хотя вам лучше пойти и отогнать это стадо бизонов подальше, пока я не осмотрел павильон.

— Вы имеете в виду, сэр, — пролепетал Мастерс, — что этот человек — как его? — убил мисс Тайт и...

Г. М. фыркнул.

— Это как раз то, чего я не имею в виду, тупоголовые мои. Боюсь, совсем наоборот, совсем наоборот. Он один из двух-трех, кто никогда бы ее не убил. Послал ли он отравленные конфеты? Да. Но они предназначались не для того, что бы их съели. Он знал, что она никогда не ест конфет. Знаешь, сынок, это было довольно курьезно — послать ей отравленные конфеты, когда вся их шайка знала, что она не прикасается к сладостям. Он никогда не хотел никого убивать. Нет, он не допустил бы и случайного убийства, если бы кто-то из них угостился конфетами вместо госпожи Тайт. Только две штуки из них содержали яд, да и то не причинили бы серьезного вреда, даже если бы кто-то каким-то чудом съел обе

сразу. Бедолагу замучила совесть. В конце концов, всё сводилось к тому, чтобы «случайно» задеть пальцем «нужную» конфету с целью оставить ее для себя, так как испорченный экземпляр никто бы не взял в рот. Хо-хо. Вы враз поймете, почему он так поступил, Мастерс. Пригласите его сюда.

Через некоторое время привели Эмери. Если еще два дня назад, когда Беннетт видел его последний раз, он выглядел взвинченным и недовольным, — с подергивающимся ртом, узким, с грубыми чертами, лицом и красными воспаленными глазами, — то теперь перед ним был совершенно немощный человек, сломленный чем-то более существенным, чем физические страдания; казалось, дела его совсем плохи несмотря на то, что в его организме побывала лишь половина грана стрихнина. Он страшно исхудал, лицо осунулось и еще больше заострилось, восковые скулы бугрились костяными торосами, пробор в песочных волосах был слишком широк, как у парика. Он крутил в руках зимнюю шапку, утопая в необъятном верблюжьем пальто, с шерстинок которого продолжала капать талая вода. Все могли слышать, как тяжело, с аденоидным присвистом, он дышит.

— Кто, кто здесь старший? — прохрипела эта развалина.

Мастерс подтолкнул ногой стул, Г. М. подался вперед.

— Полегче там... — проворчал последний. — Послушай, сынок, что это за бредовая идея ошиваться здесь и кричать на каждом углу, что ты отравил конфеты. Хочешь в кутузку?

— Единственный способ, чтобы эти болваны пропустили меня сюда. Они приняли меня за журналиста, — хрипло сказал Эмери. — Какая разница, за что меня загребли, главное, я здесь. Не возражаете, если я сделаю глоток. — Он пошарил во внутреннем кармане.

— Твой трюк с коробкой шоколадных конфет получился довольно тухлым, не так ли?

— Эй, там! — вскрикнул Эмери, его рука дернулась. — Я не говорил этого.

— Ну, теперь ты можешь это сделать. Надо же быть таким непроходимым тупицей. Она запретила тебе болтать газетчикам о своем местонахождении, то есть всякими сплетнями подогревать интерес публики. Вот чем ты тут занимался. Ты решил, что было бы неплохо состряпать маленькую сенсацию в виде покушения на ее жизнь. Или чью-нибудь еще в случае крайней необходимости. Ты собирался «обнаружить» коробку отравленных конфет, только Райнгер опередил тебя. «Покушение на Марсию Тайт!» — вот такими буквами. Отличная реклама, а? Отправьте коробку в аптеку, найдите яд. А когда Джон Боган настоял, чтобы каждый съел по одной, ты проявил героическую сознательность. Бах! — Г. М. кисло взглянул на него сквозь большие очки, надул щеки и с шумом выпустил воздух, после чего посмотрел на Беннетта.

— Теперь ты понимаешь, почему вчера в своем кабинете я сказал тебе, что это была ложная тревога, и Марсии Тайт ничего не угрожает, а? Ничего не угрожало бы, имей мы дело только с этим дуболомом Эмери. Но мы имеем дело с кем-то еще. Кто действительно хотел ее убить.

— Хо-хо, — продолжал куражиться Г. М. — Тонкая работа! За всю свою изобретательность пресс-агент получил только чувствительную дозу стрихнина и никакого удовлетворения от того, что история всплыла наружу, потому что наш благоразумный друг Райнгер указал ему на его упущения: что будет долгое полицейское расследование, что они не смогут вовремя вернуть Тайт в Америку в рамках ее контракта и так далее. Мозги у него варят, я имею в виду Райнгера.

Мастерс заглянул в записную книжку и кивнул.

— То дело еще не закрыто. Мы не очень любим самостоятельные вмешательства типа репортерского расследования. В конце концов это покушение на убийство. Осмелюсь предположить, что, отправляя отравленные конфеты, вы не могли не знать этого, мистер Эмери.

Эмери растерянно вращал белками с красными прожилками. Он неопределенно махнул рукой, словно отгонял назойливую муху.

— Да, но... Какого черта! Всё равно это была красивая комбинация. И какая вам

разница, как это было сделано? Там другое интересно... Кое-что другое!

— Хочешь сказать, что знаешь что-то о...? — наудачу ухватился Г. М.

— Карл... Мне позвонил Райнгер. Напился до чертиков, лыка не вязал. Могу я... Я могу взглянуть на нее?

Его передернуло от этих слов, глаза провалились в глубокие ямы и оттуда смотрели на Г. М.

— Он был пьян как сапожник. По-моему, вообще не понимал, о чем говорил. Говорил, что ее нашли в павильоне, потом, не знаю, понес какую-то ахинею то ли про мраморную шкатулку, то ли про мраморный гроб. Бедняга, совсем расклеился. И это Карл Райнгер! Я не знаю что да как, но вот то, что мы положим ее в самый лучший мраморный склеп в Лондоне, если не удастся переправить тело за океан — это я вам обещаю. Еще он сказал, что арестовали Джона. У вас ведь здесь вешают, верно? Это круто!

Слова гремели, но силы в них не было. Его пальцы сновали по подлокотнику. Его мучили набегавшие мысли, раздирали в разные стороны, и, казалось, угрызения совести не отпустят его, пока он не выговорится.

— Я должен признаться. Рано или поздно вы все равно узнаете об этом. Если Боган убил ее, как сказал Райнгер, это моя вина. Потому что я сказал Канифесту... Сказал ему вчера вечером, выскользнул из больницы, чтобы сказать. Карл узнал об этом только два дня назад и сказал, что это лучший способ остановить его. Да. Я имею в виду, он выяснил, что Канифест был их ангелом-спасителем, так что... — Он махнул рукой.

— Не волнуйся, сынок. Сделай глоточек, — голос Г. М. действовал как успокоительное, — и давай-ка по порядку. Что ты сказал Канифесту?

— То, что она замужем.

— Считаю правомерным предупредить вас, мистер Эмери, что вы должны быть осторожны в своих высказываниях, — вмешался Мастерс. — По собственной воле вы признались в том, что предпринимали умышленные и злонамеренные попытки совершить особо тяжкое преступление, убийство, что возлагает на вас ответственность, вплоть до уголовного преследования.

— Убить ее? — взвизгнул Эмери как резаный. — Боже мой! Сколько раз говорить — я никогда бы не причинил ей боль! Наслушались разных там сумасшедших идей о возмездии, справедливости, но почему-то зациклились именно на этом. Послушайте, вы, несчастный болван, она была моей женой!

В неожиданно наступившей тишине кто-то свистнул. Эмери медленно обвел всех суровым взглядом, полным горделивого отчаяния.

— Да, я знаю, о чем вы подумали. Обезьянья Голова. Ничтожество, болтающее без умолку. Таких не приглашают в особняки. А этот парень, скажу я вам, кое-что сделал, чтобы Марсия стала кинозвездой. — Он говорил с каким-то тихим, ожесточенным ликованием. — Спросите любого, где она была. Спросите их и посмотрите, что они скажут; я открыл ее, когда она была никем. Есть много хороших режиссеров, работающих с хорошими актрисами. Но если вы думаете, что это что-то значит, то вы чокнутые. Это еще не делает их звездами. Обезьянья Голова — вот кто вам нужен, тот, кто сделает из вас человека.

Я бы сделал всё, что она захотела. Всегда делал. Одним из ее условий было то, что никто не должен знать о ее замужестве, в противном случае, это пошло бы во вред ее карьере. Ну, думаю, она была права. Прекрасная вещь — осознавать ее привязанность, да? Всё, что мне оставалось. Сейчас вы подумаете, что нет другого такого олуха в мире. Что я мог поделаться, если вы везде вынюхиваете, и в любом случае докопались бы? Но я чувствовал, единственная возможность выиграть время — это сотворить себе «жену», манекен, которым можно прикрыться в случае, когда нужно о чем-то говорить, вести чинные беседы, заполнять паузы, сотрясать воздух, и при этом думать о Марсии. Это было своего рода утешение. Я назвал ее «Маргарет», потому что мне всегда нравилось это имя.

Хриплый голос затих. Этот последний пассаж, казалось, вывернул его наизнанку больше, чем всё остальное. Он вызывающе оглянулся. Его рука, всё еще блуждая в

нагрудном кармане, наконец извлекла большую серебряную фляжку, которую он с формальной вежливостью предложил пустить по кругу, и только после этого сделал несколько жадных глотков и судорожно отдышался.

— О, что за черт! — устало сказал Тим Эмери, откинулся на спинку кресла и обмяк.

— Вы имеете в виду, — недоверчиво прогудел Мастерс, — что дали возможность... Ну, давайте же, приходите в себя!

— Брак в современном стиле. Угу. Я начинаю понимать, — сонно моргнул Г. М. Его очки опять поползли к кончику носа, но он сидел не шелохнувшись, как огромный Будда, несмотря на вялый язык, который, казалось, высовывался из кривого рта только затем, чтобы выдавить из себя очередную порцию ядовитых фраз.

— Не возражаешь, если с тобой поговорит этот парень, сынок? Это старший инспектор Мастерс, которого вот-вот хватит апоплексический удар. Подозрения насчет тебя растут как на дрожжах. Нелегко говорить, но если тебе это нравится... Ладно, у меня слишком большой опыт борьбы с безумием в этом мире, чтобы сказать, что я очень удивился услышанному. Ты в любом случае засветил бы мне в глаз, назови я ее пиявкой, не так ли?

— Насколько я понимаю, — вмешался Мастерс, — и независимо от того, что я думаю о предшествующих событиях этого дела, за мной остается один должок. Я должен узнать, кто убил мисс Тайт. Поэтому, вынужден спросить мистера Эмери, знал ли он, как муж, что мисс Тайт и мистер Джо...

Окончание фразы потонуло в громком ворчании Г. М.

— Ты понял, что он хочет этим сказать, сынок? Что из-за тебя тут порядком потеряно времени. Все и всегда чувствуют себя лучше, когда притворяются, что если не называть вещи своими именами, они перестают существовать, так?

— Э, хорошо, будет вам! — буркнул Эмери, не открывая глаз. Его трясло. — Да, я знал — удовлетворяет вас это? Я знал об этом с самого начала. Она сказала мне давно.

— Оно и видно, — проворчал Мастерс. — И вы не...

— Если бы это сделало ее счастливее, — нехотя сказал Эмери, — со мной было бы всё в порядке. А теперь, когда любовник-иуда в ваших руках, можно оставить меня в покое? — Его голос повысился. Г. М. стремглав посмотрел на него и резким жестом остановил Мастерса, приготовившегося что-то сказать. Казалось, сэр Генри предвидел, что Эмери пустится в откровения...

— Я хотел, чтобы она поехала, — быстро продолжал он, — и стала великой. Великой, понимаете. Скажу вам чистую правду, меня не слишком заботило, вернется она в Штаты или сыграет здесь эту пьесу, я был согласен на всё, что бы она ни сделала. Тяжело осознавать, что она мертва, вот так... Есть только одна вещь, которая причиняет боль, как отравы. Я хочу выбраться из этой страны. Меня никогда не интересовало, как я выгляжу в глазах других людей. И вот как на меня посмотрел старикан Канифест, когда я сказал ему, что женат на ней. Посмотрел на меня как на мерзкое насекомое... Что это со мной? Послушайте, лучше я расскажу вам, что уже сделано. — К нему вернулось некоторое оживление. — Я нанял лучший «Роллс-Ройс» в Лондоне; закрытый лимузин с сиденьями, которые складываются внутрь, образуя ложе, чтобы перевезти ее в Лондон. Кстати, он у меня сейчас здесь, со специальным шофером, одетым в черное. Мы украсим салон цветами, и она поедет в Лондон со всеми почестями. Это будет самая пышная похоронная процессия в этой стране, первая со времен... со времен...

Он был абсолютно серьезным. Он по-своему, как мог, отдавал последнюю дань.

— Ну, там еще нужно будет соблюсти некоторые формальности, чтобы стать первой, — вмешался Г. М., тяжело и с хрустом поднимаясь на ноги. — Старший инспектор и я спустимся к павильону для осмотра. Ты можешь придти чуть позже, если захочешь. Ты говоришь, что обо всем рассказал Канифесту вчера днем? Это была твоя инициатива?

— Да, частично... Минутку... Да, думаю, что так. Я не помню. Кажется, всё началось с обычного разговора. Карл навел меня в больнице, перед тем, как уехать сюда. — Эмери

пытался привести мысли в порядок и снова обратился за помощью к фляжке. — Он говорил, что это вопрос жизни и смерти. Говорил, что едет сюда умасливать брата Джона и сулить золотые горы — короче, обещать всё, что угодно, лишь бы проникнуть в дом. Боже, как это меня завело! Он собирался ни много ни мало предложить Богану-старшему пятьдесят тысяч в год как научному консультанту.

— Ого, серьезное предложение, не так ли?

— Не будьте дураком!

Они оба, Г. М. скорее умышленно, а Эмери невольно, заговорили на повышенных тонах.

— Райнгер тогда знал, что вы женаты на Тайт?

— Он предполагал. Во всяком случае дал понять, когда сказал, что мы должны действовать быстро.

— Джон знал об этом?

— Нет.

— Теперь будьте внимательны, сынок. Вы точно знаете? Тише... Разве Боган был не в курсе?

— Ни сном ни духом — она сама мне об этом сказала. Клялась, что держала язык за зубами.

Г. М. выпрямился.

— Хорошо, — сказал он бесцветным голосом. — Не могли бы вы подняться к своему приятелю Райнгеру и посмотреть, не пришел ли он в себя? Присмотрите за ним. Мы сейчас идем в павильон. — Он осмотрелся вокруг, уголки рта опустились вниз. — Где мой племянник, а? Где Джеймс Б. Беннетт? А? О! Ты здесь. Я хочу знать, как она лежала, когда ты нашел ее, и некоторые другие вещи. Пошли.

Беннетт посмотрел на Кэтрин, которая сидела молча с момента появления Эмери. Молчала и тогда, ограничившись коротким жестом, когда собралась уходить.

Вместе с сэром Генри, ковыляющим впереди, и Мастерсом, строчащим что-то на ходу в записной книжке, он проследовал к черному ходу, на ступеньках которого инспектор Поттер сражался с репортерами. Беннетт в суматохе схватил чужое пальто.

— Оставайтесь, — крикнул Г. М. Мастерсу. — Сделайте заявление и тогда приходите. Никаких комментариев! Никаких подробностей! — Он толкнул входную дверь. — Заходите, ребята, и поговорите со старшим инспектором. — И начал ревностно, как ледокол, продираться сквозь толчею, пыхтя, огрызаясь, выставив вперед один локоть, зажав другим старый порыжелый цилиндр. Дверь захлопнулась.

Они постояли некоторое время на крыльце, вдыхая крепкий морозный воздух. Слева от них гравийная подъездная дорожка уходила вниз, ныряя под переплетающиеся дубовые ветви, и затем поднималась к шоссе, покрывая расстояние приблизительно в двести ярдов. С правой стороны раскинулась лужайка, придавленная надвигающимися тучами с новым снежным зарядом. Было что-то заботливое, исцеляющее в тех невесомых хлопьях, которые сглаживают любые волнения, любые следы на поверхности земли. Они были символом и предзнаменованием, как одинокий автомобиль, который стоял сейчас поодаль от других, прилепившихся где попало. Длинный Роллс с задернутыми шторками застыл черной колесницей на белом снегу, как будто сама Смерть выбрала это место и подгадала время, чтобы вырвать Марсию Тайт из потока жизни. Его присутствие здесь казалось нелепым, но не таким уж абсурдным. Это был мрачный реквием, еще более мрачный вблизи броского лимонно-желтого автомобиля Эмери, с кичливым, написанным во всю длину, названием «СИНЕАРТС» и тонкой фигуркой бронзового аиста на крышке дымящегося радиатора: Жизнь и Смерть, бок о бок. Беннетт поймал себя на том, что думает о грустной символике бытия: аист, траурный навес катафалка и черный автомобиль, всегда наступающий желтый на неведомых дорогах. Но всё это меркло перед образом Марсии Тайт.

Он попытался избавиться от него, когда шел через лужайку рядом с Г. М. Посмотрев

на часы, Беннетт удостоверился, что уже почти половина второго — ровно двенадцать часов назад, прошлой ночью, падал точно такой же снег.

— Да, правильно, — услышал он голос Г. М. Он оглянулся, чтобы увидеть эти странные маленькие глаза, которые сейчас смотрели прямо на него. Едва различимый за пеленой снегопада, в своем нелепом цилиндре и побитом молю пальто, он был похож на карикатуру старого актера. — Он пошел вчера ночью, когда заварилась вся эта каша... Что это я слышал о тебе и девушке?

— Мы только утром познакомились.

— Угу. Она похожа на Марсию Тайт. По этой причине?

— Нет...

— Что-то ты не сильно возражаешь. Единственное, в чем нужно убедиться: убийца она или ... — Г. М. поскреб подбородок, — имеет отношение к убийце? Очень некстати в первом случае и немного смущает во втором. Можешь посмотреть на дело в свете этого? Нет, не думаю, что можешь. Это было бы недостойно тебя. Но во всяком случае можешь не переживать за одну вещь. Она не приходила туда этой ночью, чтобы задать вопросы Тайт. Нет-нет, сынок. Она переусердствовала с доказательствами в защиту девицы Карью, думая, что это она.

— Вы так считаете?

— Ты всё еще думаешь про ту женщину, не так ли? Что миссис Томпсон не могла поклясться, что видела женщину? Нет-нет. Это была не она. Посмотри на ситуацию немного шире. Предположим, что это не так... Кроме того, есть еще одна причина не верить, что эта девочка спустилась вниз и расколошматила голову Тайт, иначе это ударило бы старика в самое сердце. Я бы предпочел найти в ней недюжинные способности перелетать через сто с лишним футов первоклассного снега. У меня только один вопрос к тебе, почему она так долго медлила, прежде чем сделать это?

— Что вы имеете в виду?

— Она идет в павильон в половине второго ночи. По словам Мастерса, Тайт была жива до трех с небольшим. Она идет туда с расчетом выяснить отношения, думаешь ты, а если это не сработает, она примет крутые меры. Потребовалось почти два часа. Я не могу представить себе кого-либо, выясняющего отношения с Тайт в течение двух часов без того, чтобы его не выставили за дверь. Но здесь особенно не обольщайся, зри в корень. Тайт ждала визитера — Джона Богана. Если ты сомневаешься, исходи из простой логики. Она ждала новостей от Канифеста. Неужели ты можешь вообразить Тайт, удерживающую кого-то в то время, когда ее *cher ami*³³ должен с минуты на минуту придти сюда, особенно дочь человека, от которого впоследствии ждала предложения супружества? Она избавилась от Вилларда достаточно быстро, но, как мы предполагаем... ты предполагаешь, позволила девице Карью остаться на два часа, ожидая, что в любой момент может войти Боган. И два часа могут показаться невыносимой вечностью, сынок.

— Но послушайте, сэр! Вы возвращаетесь к идее Райнгера, что Боган в это время уже был у нее. Но мы знаем, что Джон вернулся сюда только после трех.

Г. М. остановился. Они вошли в аллею и были уже на подходе к павильону. Сэр Генри плотнее надвинул цилиндр и оглянулся. Он смотрел в сторону дома, стоявшего в ста ярдах выше по склону, и, казалось, производил в уме какие-то подсчеты.

— На данный момент мне нечего сказать, мой мальчик, за исключением того, что объяснение Райнгером фокуса со следами выглядит еще более топорным, чем ты думаешь. Джон Боган пошел туда и делал именно то, о чем говорил — это неоспоримо. Прежде, чем он добрался туда, не было никаких следов. Нет-нет. Эта не та часть тупоголового поведения, которая меня беспокоит. Меня чертовски беспокоит другое — его поведение в Лондоне. Покушение на Канифеста, когда он думал, что убил его.

И тут Беннетту вспомнился один момент, который почти вылетел у него из головы за всем этим ужасным вихрем стремительно развивающихся событий. Он поинтересовался, что Канифест ответил Мастерсу по телефону.

Г. М. совсем помрачнел и отвел глаза в сторону. Казалось, его страшно занимают верхушки деревьев.

— Не знаю, сынок, кроме того, что мне рассказал сам Мастерс. Кажется, он пытался подражать голосу Мориса, когда взял трубку: «Да?» На что Канифест в довольно ультимативной форме ответил следующее: «Я хотел поговорить с вами, Боган. Надеюсь, нет необходимости объяснять вам причины того, что моя дочь должна немедленно вернуться домой». Как-то так. Мастерс сказал, что он говорил тихо, с большими паузами, а голос дрожал. И тут Мастерс идет напролом: «Почему? Не потому ли, что вы неожиданно схлопотали от Джона и свалились в банальный обморок в то время, когда он решил, что вы отдали концы?» Ничего себе, а? Конечно, дубина догадался, что с голосом Мориса что-то не так и засуетился: «Кто это? Кто это говорит?» Мастерс без сантиментов заявил, что он разговаривает с офицером полиции и ему лучше добровольно приехать сюда, чтобы помочь следствию, иначе его ждет официальный вызов. Я понимаю Канифеста — на тебя сразу вываливают, что твоя дочь задержана по обвинению в убийстве и тому подобное. Мастерс уяснил себе одно — вчера вечером Джон настойчиво преследовал старика, изводя его своими инициативами. Он пробрался к нему через черный ход или еще как-то, чтобы постараться возобновить «обсуждение некоторых вопросов делового характера». Произошла стычка, во время которой Джон перешел на грубости и распустил руки. Разумеется, Канифест заинтересован хранить в тайне подробности этого инцидента. Пока он переваривал возможные негативные последствия отказа вести честную игру с полицией, Мастерс приказал ему явиться сюда, не взирая на инфаркт, и повесил трубку.

— Вроде всё понятно.

Г. М. по обыкновению что-то буркнул в ответ.

— Это он? Пошли, заглянем в него.

Он шел вразвалочку и постоянно чертыхался, когда его рука в перчатке сражалась с очередным кустом или длинной веткой.

— Послушай, кажется, они сказали, что оставили тело здесь, а Богана отбуксировали в дом врача на перевозке? Хм, да. Я надеялся на это. Куда делся этот чертов платок? Все очки залепило снегом. Тебя что-то беспокоит?

— Пропади оно всё пропадом, сэр, если нет никаких следов, а женщина убита — как это воспринимать?

— Это-то? Ты похож на Мастерса. Не поверишь, но это самое простое звено. Заметь, я не говорю, что знаю, как это удалось проверить, я еще пока не сунул туда свой нос, но кое-что мне подсказывает. Очень сильно подсказывает. И если я найду то, что ожидаю найти здесь...

— Вы будете знать, кто убийца?

— Нет, испепели меня ад, в том-то и дело! — проворчал Г. М. — Всё, что пока могу сказать: есть пара-тройка человек, которые не делали этого. И это число останется неизменным вне зависимости от каких-либо обстоятельств. Как правило, все эти ловкие трюки — смертельная игра убийцы-фокусника в поддавки, благотворительная уступка зевакам, раз они так падки на обманчивый блеск его реквизита. Особый вид преступления указывает на особое стечение обстоятельств, и когда вам известны эти обстоятельства, их подгоняют так, чтобы они указывали на конкретного человека, как колпак на палача. Но это исключение. Даже если я прав, это не поможет мне сдвинуться с места, потому что...

— Потому что?..

Они вышли на широкую темноватую опушку перед замерзшим озером, испещренную теперь многочисленными следами. Сейчас павильон стоял в тени, солнце находилось на другой стороне. На фоне спектральной белизны таинственное сооружение выглядело еще более мрачным. Стояла такая тишина, что можно было услышать шорох падающих снежинок и малейший шелест вечнозеленых крон.

— В этот раз, посмеиваясь над Мастерсом, — грустно сказал Г. М., — я решил не очень высовываться и быть осторожным. Я спрашивал себя, была ли это случайность, когда убийца, покидая место преступления, не оставил следов, и в ответ только хмыкал по своему тупоголовому обыкновению. Но вот оно свершилось, сынок, — и в этом-то вся беда. Именно так всё и произошло.

Беннетт огляделся. К нему опять вернулась та же самая безысходность, которую он почувствовал ранним утром, когда впервые вышел на эту поляну: вновь нахлынуло ощущение того, что время здесь застыло навсегда и настоящего не существует, а Марсия Тайт, мертвая среди вещей Стюарта, была не менее живой, чем все те дамы, украшенные тесьмой, румянами и накладными локонами, которые улыбались поверх плюмажей своих поклонников у карточных столов кутящего монарха.

Он вздрогнул, отгоняя видение.

В павильоне зажегся свет.

Глава 14. Зола в павильоне

В опущенных венецианских шторах на окнах слева от двери вспыхнули желтые щели. Одинокий светоч посреди ледяной пустыни. Г. М. со скрежетом зажал в зубах черенок пустой трубки.

— Это, наверное, кто-то из людей Поттера, — сказал он, показывая на окна, — или кто-то другой. Посвети здесь, нет ли чего-нибудь свеженького?

— Следы заносит снегом, — ответил Беннетт, потратив впустую несколько спичек. — Но они кажутся свежими. Большой размер. Мы должны, я...

Г. М. прошел вперед, стараясь шагать как можно тише, насколько позволяли его скрипучие ботинки. Каменистая тропа снова была в снегу, однако не было необходимости держать свой визит в тайне. Входная дверь оказалась незапертой.

— Мне показалось, что там кто-то есть, — из мрака за дверью раздался густой бас Вилларда. — Я должен принести свои глубочайшие извинения, если вошел без разрешения. Но полиция ушла, а дверь была открыта. — Он вежливо посторонился, склонив голову чуть набок. Сейчас у него было красивое, гладкое лицо, без морщин. Свет из гостиной привнес богатые полутона: складки парчовых занавесей, опускающиеся за фигурой в строгом темном костюме, создавали иллюзию, что на голове Вилларда красуется черный парик.

— Вы — сэр Генри Мерривейл. Пожалуй, мне пора идти. Надеюсь, я ничего не потревожил. Она в спальне.

Если Г. М. и уловил странный подтекст в этих словах, то не подал виду. Он только коротко взглянул на Вилларда и начал медленно подниматься по ступеням.

— Дело в том, что вы человек, с которым именно сейчас мне хотелось бы поговорить, — мягко сказал Г. М. — Прошу не уходить. Задержитесь немного. Хм, да. Значит, это то самое место? — Отодвинув парчу над дверью в гостиную, он заглянул на мгновение в комнату, а затем неуклюже шагнул внутрь:

— Ба!

Электрические свечи снова задрожали над черно-белым мраморным полом, кованными латунными вазами на шкафах, покрытых японским лаком, утратившими былое великолепие черными, белыми и пурпурными тканями. Виллард, прокраившись за Беннеттом в комнату, встал спиной к камину.

— Я видел вас в «Колокольчиках». Вы не Ирвинг³⁴, но были чертовски хороши. Особенно вам удался Отелло. Скажите, почему вы согласились сыграть в салонной пьесе?

— Вероятно, я должен поблагодарить вас за вопрос? — ответил Виллард и посмотрел по сторонам. — Потому что один вид этой гостиной говорит сам за себя.

— Я хотел только сказать, что был бы очень удивлен, если бы вы были одним из тех, будем говорить, кто прошел дальше ее гостиной.

— В этом смысле только до гостиной.

— Угу. Я так и подумал. Я хочу разобраться в событиях прошедшей ночи, потому что вы, должно быть, последний человек, кто видел ее живой, прежде чем убийца добрался до нее. Скажите, когда вы, Боган и Райнгер пришли сюда с нею, где вы сидели? Здесь?

— Нет, в спальне. Но мы даже не присели. Ушли через несколько минут.

— И когда вы вернулись, как мне сказали, где вы были с ней?

— Опять же в спальне. Мы пропустили по стаканчику.

— Правильно, — проворчал Г. М., как будто эта правильность его сильно разочаровала. — Спички есть?

— Увы, — в глазах Вилларда заплескали чертики. — Отдал вчера Марсии последний коробок. Я не знал, что дом набит цветными спичками. Желаете огоньку?

— Вы никогда не пытались быть умнее, чем есть на самом деле? Плохое свойство, наводит на размышления. И для вас и для меня. Если бы у меня были сомнения, я бы для начала спросил чего полегче, какой-нибудь невинный вопрос вроде «Прикурить не найдется?» На самом деле, я хотел взглянуть на камин...

Щелкнув зажигалкой, которую ему протянул Виллард, он осмотрел пушистую кучку тончайшей древесной золы и несколько обугленных головешек, оставшихся от поленьев. Он провел рукой внутри дымохода и вытянул шею, чтобы посмотреть вверх.

— Довольно сильная тяга. Запомните это. Дымоход широкий, есть железные скобы для прочистки. Однако, не думаю...

Его потускневшие глаза блуждали от камина к краю ковра.

— Теперь в другую комнату. Зажигалка пока побудет у меня.

Виллард прошел в спальню и включил свет. Беннетт боялся окунуться в прежнюю атмосферу таинственности и ужаса, но окружающая обстановка стала более будничной. Он окинул быстрым, трезвым взглядом небольшую комнату с зеркалами и красным, под потолок, балдахином над массивной кроватью. Неприятный кислотный запах фотовспышки еще висел в воздухе; все места, где убийца предположительно мог оставить отпечатки пальцев, были обработаны специальным белым порошком. За исключением накрытого простыней тела, положение которого изменили, перенесли на кровать, всем остальным предметам, заметил Беннетт, после осмотра вернули их первоначальное положение. Осколки графина лежали на краю коврика перед камином, каминная плита внизу была усеяна мелким стеклом — всё, что осталось от двух стаканов, наконечник кочерги зарылся в толстый слой золы, одно кресло стояло прямо, низкий табурет опрокинулся набок, разбросанные спички обгоревшими головками смотрели в сторону камина — эти безмолвные свидетели ставили вторую немую сцену за день.

— Хм, — сказал Г. М.

Страдая близорукостью, он постоянно налетал на выступающие углы каминной кладки. Светя зажигалкой в темное нутро дымохода, он чуть не поджег свой цилиндр. Почти из всех мест, где побывал Г. М., неслись проклятия и рычания. Проклинал он в основном себя и в основном до седьмого колена. Он схватил кочергу, взвесил ее в руке и швырнул обратно, с фырканием и чиханием окружив себя облаком мельчайшего пепла. С бесконечной любовью он изучал осколки стекла, этот долгий процесс, казалось, приводил его в неопишуемый восторг, во время которого черный юмор значительно смягчился. Затем его внимание переключилось на черные останки спичек. Особенно тщательному изучению подверглись обугленные головки. Он сунул голову в зашторенную нишу, в которой оказался гардероб, и начал грубо раздвигать плечики с одеждой, пока не нашел длинное серебряное платье. Примитивная ванная комната удостоилась одного поверхностного взгляда, после чего Г. М. встал посередине комнаты и погрозил пальцем своим компаньонам, застывшим в дверях.

— Болваны! — прорычал он.

Болваны переглянулись.

— Да, я имею в виду вас! — Г. М. брызгал слюной, продолжая трясти пальцем. — Болваны, вы и ваш Мастерс, и все, кто тут побывал! Где были ваши мозги, разве в наше время их еще у кого-то нет?! Упомянуть лишь один элемент в целом узоре улики, специально рассчитанном на вас, и ни разу не обследовать камин — вам это о чем-нибудь говорит?

— Ну, сэр, — сказал Беннетт, — если вы подразумеваете, что убийца вошел и вышел, ползая по дымоходу, это вполне возможно. Но, не думаю, что от этого будет много проку. Проблема состоит в том, что ему все равно надо было как-то преодолеть сто футов снега, даже если бы он вылез на крышу. Поскольку это затрагивает хозяйство Санта-Клауса, убийца предпочел бы просто выйти через дверь.

Г. М. надулся.

— Ты хочешь выставить меня посмешищем, так? Как ты разговариваешь со мной, а?! Вот она благодарность! Видали! Всё правильно! Конечно! Теперь только за это, молодой человек, я тебе ничего не скажу... ха-ха... это послужит хорошим уроком! По правде говоря, я не очень-то и полагался на дымоход...

— Вот именно! Не поясните, сэр Генри, что значит «не очень-то и полагался»?

Г. М. злобно кивнул.

— Я скажу вам, что это значит. Это значит то, что мой старый друг Рихтер, будучи дирижером Лондонского симфонического оркестра, однажды сказал, когда на репетиции вторая флейта дважды сфальшивила в одном и том же месте. Рихтер ударил со всего размаха своей палочкой об пол и сказал: «Вы, фторая фляйтель, я мог терпеть иногда вашу туратскую ерунду раньше, могу иногда терпеть и сейчас, но Бог никогда!» Вот что я хотел тут сказать и собираюсь сказать об этом Мастерсу, когда он будет здесь. Я приезжал сюда не за тем, чтобы терпеть оскорбления. Теперь я хотел бы задать несколько вопросов...

Он проковылял к кровати, откинул край простыни в изголовье и произвел краткий осмотр. Простое движение мгновенно переменяло атмосферу в комнате. Немного света из большого окна за кроватью упало на подушки. Тени снежинок пролетали по лицу, которое обмыли влажной губкой. Темные волосы были зачесаны назад и собраны в узел на затылке.

Беннетт хотел выйти, но потом всё-таки нашел в себе силы оглянуться и посмотреть на сэра Генри, который окуривал комнату злыми чарами, склонившись над телом. Пронзительный взгляд маленьких глаз был красноречивее всяких слов.

— Четверть четвертого, — сказал Г. М. — время, когда она умерла... Теперь вспоминай, когда ты вошел сюда утром, шторы на этом окне были подняты или опущены?

— Определенно подняты. Я отчетливо помню это, потому что пытался поднять окно, чтобы впустить немного воздуха и в это время вспомнил, что в таких случаях нельзя ничего трогать.

Г.М. опустил простыню и посмотрел в окно.

— Ты заметил, что окна домика для прислуги смотрят прямо на эти окна, а?..

— Так, теперь зайди сюда и покажи, как она точно лежала на полу, когда ты был здесь в первый раз. Я знаю, ты будешь чувствовать себя дураком, но давай ложись на пол и показывай... Угу. Хорошо. Можешь встать. Это означает, что большинство из обгоревших спичек должно было находиться ближе к ней, как будто ими хотели разжечь камин. Так, дальше, когда ты вошел, была ли разобрана кровать, не выглядело ли это так, как будто она легла спать?

— Не думаю.

— Извините, что вмешиваюсь, — возбужденно прервал их Виллард, — но мне кажется, мы не там ищем. Какого дьявола так много суеты вокруг сгоревших спичек? Вряд ли они вообще что-то значат.

— Вот как? — спросил Г. М. — Вы верите, что кто-то сидел здесь, прикуривал

бессчетное количество сигарет и бросал обгоревшие спички на пол? Когда одна, или, допустим, даже две спички сгорели бы почти полностью, я мог бы списать это на неудачные попытки прикурить, но двенадцать или пятнадцать спичек говорят о том, что кто-то чиркал ими в темноте с определенной целью...

— Но я не вижу здесь чьей-то вины и Богана тоже, — упирался Виллард. — Предположим, когда он обнаружил тело, ему не хватало света, он сомневался, вот и зажигал спички, чтобы убедиться...

Г.М. пыхтел и отдувался.

— Да ведь кроме того факта, что он, по его словам, не делал этого, и, кажется, нет такой земной причины, почему он должен отрицать его, человек не нуждается в дюжине спичек, чтобы удостовериться, что кто-то мертв. Кроме того, полагаю, это было достаточно легко сделать в то время и без них, не так ли? — Он раскачивался на каблуках. Беннетт чувствовал, что их уводили в сторону от основной цели вопроса.

— Да, я видел, как свет из окна падал прямо на нее, — сказал он.

— Но, черт побери, — схватился за последнюю соломинку Виллард, — такие раны невозможно было нанести в темноте!

По непонятным причинам это страшно развеселило Г. М. Посмеявшись от души, он сдвинул цилиндр на затылок и принял снисходительный вид.

— О, это странное дело, сынок. Чрезвычайно странное дело! Почему посетитель зажигает спички в темноте? Почему в каминах одинаковое количество золы: ни больше, ни меньше? Почему посетитель поставил два стакана на каминную плиту и расколошматил их? Кстати, не вы сделали это?

— Что?

— Угу. Тогда мой долг показать вам. Пройдите сюда и посмотрите. Видите тот графин? Заметили, какой тяжелый? Заметили, где он находится? Не над каменной плитой, а над ковром. Держу пари, что графин не разбился бы, опрокинув низкий табурет и упав на пол с мягким покрытием. Посетитель разбил его, сынок... Теперь смотрите на эти разбитые стаканы. Вы когда-нибудь видели какие-либо мелкие осколки разбитого стакана, лежащие на полу так близко друг к другу? Я дам вам пятерку, которую вы не заработаете. Они лежат кучкой на каминной плите, потому что туда их положили и там превратили в крошево.

— Но в борьбе...

— О-хо-хо, — вздохнул Г. М., поправляя пальто на плечах, — поэкспериментируйте на досуге. Возьмите круглый стакан, потопчитесь вокруг него, имитируя борьбу, а потом посмотрите, попадете ли вы в яблочко — хотя бы по одному стакану. Они катаются, сынок. Они столь же скользкие, как угри. И когда вы обнаружите, что невозможно в такой ситуации угнаться за одним стаканом, не говоря уже о двух, вы поймете, что старик был прав. Что-то я не слышу замечаний, что сейчас мы находимся в худшем положении, чем раньше. Теперь о дымоходах...

Они не услышали, как дверь в гостиную приоткрылась, и за ней раздались шорохи, похожие на шаги. Но они почувствовали приток холодного воздуха, который потревожил золу и, как мог заметить Беннетт краем глаза, приподнял простыню там, где покоилась голова Марсии Тайт. Это было жуткое, завораживающее зрелище, казалось, что покойница очнулась под саваном и сделала глубокий выдох. Никто не шелохнулся и не обернулся на звуки. И вдруг воздух разрезал тонкий голосок:

— Ну наконец-то хоть кто-то подумал о дымоходе. Я должен поздравить его.

Морис Боган, закутанный в шарф, в надвинутой на один глаз кепке из дешевого твида, стоял в дверях, опираясь на тяжелую трость. С видом насекомого он исследовал неподвижную фигуру на кровати, обнажив голову в почтительном жесте, в котором всё-таки не смог избежать мягкого порицания, как будто воплощал собой свершившееся Правосудие. Позади него, корча невообразимые гримасы, старший инспектор Мастерс посылал в комнату энергичные, но бессловесные сигналы.

— Но даже если таковой и нашелся среди вас, что удивительно, думаю, я мог бы

предоставить вам более полную информацию, чем кто-либо. Джентльмены, я хотел бы попросить вас пройти в другое место. Я... Я не выношу вида смерти.

Отвращение, которое он не скрывал, заставило его попятиться.

— Разумный шаг, сэр, — поддакивал ему Мастерс, одновременно с настойчивостью человека, которому отрезали язык, призывая Г. М. к спасению. — Я не говорю, что верю этому, не говорю, что это правда, но к мнению мистера Богана нужно прислушаться.

— Благодарю вас, инспектор.

— Тогда в этом может что-то быть... Во всяком случае, это объясняет многое, что у нас лежит в долгом ящике. Думаю, мы столкнулись здесь с чем-то вроде древнего принципа «око за око» или более поздним его вариантом «И какою мерою мерите...»³⁵.

— Ага, бросайте всякого рожденного сына в Нил, и за это Господь вас тоже бросит в воду. Мастерс, выражайтесь яснее, — сказал Г. М. поучительно. — Я ненавижу велеречивое косноязычие. К чему это ваше «Во всяком случае, это объясняет многое, что у нас лежит в долгом ящике?» Как будто человек не может спокойно прожить без того, чтобы не городить огородов и не пороть всякую чушь.

Морис качнулся вперед.

— Вы должны извинить старшего инспектора, — он взял на себя обязанности третейского судьи. — Выразившись в несколько неизящной манере, он имел в виду понятие *идеального правосудия*. Я согласен с ним. Мистер Райнгер из соображений личной неприязни пытался всё утро укрепить нас в мысли, что Марсию Тайт убил мой брат Джон. Он предоставил для объяснения возникшей невозможной ситуации столь неуклюжие аргументы, что и пяти минут достаточно, чтобы разнести их в пух и прах.

— Если вы пройдете со мной в другую комнату, сэр Генри, — продолжал Морис, — я постараюсь доказать вам, что именно Карл Райнгер убил мисс Тайт и прикрылся смехотворной уловкой, чтобы избежать моего внимания. Я не хотел делать этого в доме, и так переполненном неприятными разговорами и их столь же неприятными последствиями. Вы не откажетесь сопровождать меня? Благодарю вас. Я не выношу вида смерти.

Выходя из комнаты, он споткнулся о какое-то незаметное препятствие, но сохранил равновесие, ухватившись за косяк.

Глава 15. Еще одна виселица

Вечером того же дня, в половине седьмого, Беннетт сидел полураздетым в продавленном, комковатом кресле перед камином в собственной спальне. Сил одеться к ужину не было. Мозги превратились в мокрую вату и совершенно не работали. Сквозняки во всю гуляли по этой скрипучей, перекошенной комнате. Кэтрин еще не возвратилась от доктора Винна, сделав один звонок и ограничившись общей фразой, что жизни Джона ничто не угрожает. Пришла телефонограмма из Лондона: «Говорит секретарь лорда Канифеста. В настоящий момент его светлости запрещено совершать автомобильные поездки ввиду сердечного приступа и рекомендаций по строгому соблюдению постельного режима. Если у инспектора полиции имеются сомнения и вопросы, он может связаться с лечащим врачом его светлости». Бла-бла-бла...

Беннетт посмотрел на незатейливый пейзаж, которым прикрыли пустое место над каминной полкой, оглядел рубашку, лежащую у него на коленях. Убийство, самоубийство или массовое истребление, рецепты для похудения, черные галстуки — пусть идут своим чередом. Сегодня вечером Морис необычно весел. Он даже не на шутку расщедрился и дал указание подать на стол коллекционный херес, естественно, по случаю визита сэра Генри. Высокий гость любезно согласился остаться на ночь в «Белом Монастыре». Другими словами, размышлял Беннетт, что-то дьявольское созрело в голове Г. М. Старик явно держал камень за пазухой. Какого черта? И что самое обидное, Беннетту не давал покоя один вопрос: неужели Морис прав? Когда Беннетт, Мастерс и Г. М. возвращались из павильона, Боган и Виллард шли чуть сзади. Г. М., почувствовав родную стихию, немного

расслабился и позволил себе вполголоса помыть косточки Морису. Он в открытую обсуждал характер Мориса, Морисову привычку «шипеть на ухо и изрыгать клубы серы». Но этим всё и ограничилось.

Г. М. постоянно хмыкал, пока Морис излагал свою версию убийства. Он сидел с деревянным лицом под искусственными свечами в гостиной павильона в то время, как Морис самым иезуитским способом завязывал крепкий узел на шее Карла Райнгера. На Мастерса это произвело неизгладимое впечатление. На Вилларда, очевидно, тоже. Да что там говорить, он сам был более чем впечатлен. Г. М. же сохранял нейтралитет.

— Вы говорите, — проворчал он, — что Райнгер по-прежнему недоступен в своей комнате для общества и государства? Порядок! Пусть отдыхает. Я полагаю, вы не испугаетесь встретиться с ним в темноте после такого рассказа?

И чем же всё закончилось? А тем, что Г. М. посчитал эти выводы преждевременными. Однако ситуация выглядела настолько правдоподобной и гениально простой, что эта простота делала волос, на котором висел карающий меч, еще более тонким. Когда Райнгер выскочил со своей обвинительной историей, по существу основанной только на следах Джона Богана, он и не предполагал, что наступил на змею, которая могла ужалить в ответ. Снова Беннетт услышал голос Мориса, спокойный, ровный, пресекающий в себе любой звук, даже отдаленно напоминающий волнение.

— ... К утру я уже понимал, что этот человек, Райнгер, по всей вероятности, мог быть виновен, и я был готов рассказать вам, как он это сделал. — Его маленькая головка по-змеиному повернулась к Мастерсу. — Вы, наверное, помните, инспектор, что я намекнул на возможность объяснить суть проблемы, которая всех нас так взволновала? Ну да, думаю, вы помните. Конечно, было очевидным, почему я не мог говорить тогда.

— Не знаю, что думаете вы, но это факт, — ответил Мастерс. — Да, я знаю причину. Вы считали Райнгера, предложившего столь многообещающее сотрудничество, человеком слова. И если бы там действительно имел место высокий уровень — фантастическая работа с фантастической зарплатой — вы хотите сказать, что готовы были закрыть глаза на убийство?

Морис задумался.

— Конечно, в той ситуации это выглядело совершенно логичным.

— И вы верили в эту дохлую аферу Райнгера?

— Не скрою, на какое-то время я был сбит с толку, — откровенно сказал Морис. — Кто бы мог подумать! Все американцы — известно — думают только о деньгах. Натурально безумцы. А киношники еще хуже. С вашего позволения, я еще пока отдаю отчет своим действиям и знаю себе цену. Но когда я подслушал разговор между вами, сэр Генри, и этим напористым типом Эмери, у меня отпали всякие сомнения. Они намеренно делают из меня клоуна, подумал я. — Эмоциональная речь Мориса неожиданно располагала к себе, приняв характер исповеди; смысл этих фраз,ставляющих его в наилучшем свете, отошел на задний план. Он снова успокоился. — Я только спрашивал себя, сознательно ли сэр Генри разговаривает с Эмери так громко?

Веки Г. М. сонно затрепетали.

— О, возможно, возможно... — заговорил он утробным голосом. — Мое зрение не так хорошо, как могло бы быть, но я что-то такое заметил, какую-то серую, расплывчатую тень за дверью. И мне подумалось, что вы могли каким-то образом поучаствовать в нашей приятной беседе, не так ли?..

Пытаясь зафиксировать в памяти монолог Богана, Беннетт встал и пересек комнату, одеваясь на ходу. Он хотел отложить этот вопрос до поры до времени, чтобы была возможность обсудить его с Кэтрин, поскольку Луизу Карью этот змеиный клубок затягивал в самую пропасть. Г. М. настоял на том, чтобы до конца дня Луизу оставили в покое, и Морис (даже в свете своей гипотезы) дал указание не тревожить ее.

На душе скребли кошки. Он надел пиджак и осталось только поправить галстук, когда в дверь постучали.

— Можно мне войти? — раздался голос Кэтрин. — Я понимаю, что время неподходящее, но я должна была увидеть вас. С Джоном всё в порядке, я только что от него. Он еще без сознания, но уже вне опасности.

Она стояла без головного убора, тяжелое твидовое пальто было припорошено снегом. Холод сделал ее щеки гладкими и яркими.

— На самом деле у меня сплошные хорошие новости. Я видела Луизу. Она во всю ходит и спустится к ужину. Странно, я чувствую себя как никогда замечательно! — Она подошла к камину, протянула руки к огню и, откинув волосы назад, оглянулась через плечо. — Кстати, как дела у дяди Мориса?

— Дела?

— У него что-то слишком приподнятое настроение. Мне не нравится это. Когда я пришла, Томпсон сказал, что все только и говорят об этом Райнгере и что его друг, Эмери, такой славный, целый день не отходит от него, бьет по щекам, только всё без толку, потому что тот, говорит Томпсон, до сих пор бредит и что-то распевает на весь дом. Дядя Морис терпеть этого не может. Ну, я вошла, когда мистер Эмери спускался по лестнице, а дядя Морис выходит ему навстречу и хлопает по плечу. У вас бы глаза на лоб полезли, если бы вы хорошо знали дядю. И он спрашивает: «Куда вы идете?» Эмери выглядел совершенно обессиленным. Сломленным каким-то. Я хотела остановить его и поинтересоваться, может, ему требуется какая-то помощь, только не знала, какая. Но он сказал, что здесь неподалеку, в Эпсоме, у него номер в гостинице, где они остановились с ней...

— Стойте! Сейчас не время для ужасов. Продолжайте.

— В это время дядя Морис спрашивает его: «Вы и в самом деле друг мистера Райнгера? Эмери отвечает: «Да. Это что-то меняет?» И дядя Морис вдруг говорит: «В таком случае вы должны остаться на ужин. Там будет много интересного». Эмери бросил на него странный взгляд: «Вы приглашаете меня на ужин? И вас не волнует, что сказал Канифест?» Я говорю, он выглядел расстроенным, должно быть что-то терзало его мысли. Что-то такое о людях, которые говорят про таких, как он, что... ну... ну, он употребил слово «вошь». А дядя сказал: «Если вы друг мистера Райнгера, то буду только рад!» Это совсем не похоже на него. Вот в общем-то и всё.

— Это похоже на него больше, чем вы думаете.

Она уронила руки и обернулась, чтобы увидеть его полностью.

— Я знаю, что вы имеете в виду, но я не понимаю... — Она выжидающе смотрела на него.

И он рассказал ей. Рассказал всё, что относилось к последнему обвинению, и добавил:

— Сядьте и позвольте мне всё объяснить, потому что это имеет отношение к вам. И к Луизе. Вы обещаете быть со мной во всём откровенны?

— Да, то есть, кроме одного, но это не имеет отношения к убийству.

Ее простодушие пронзало насквозь. И пронзило бы в любом случае, даже если бы она пыталась предотвратить это. Она смотрела на него прямо, слегка откинув голову назад, как будто без труда сдерживала напор его мыслей, но руки ее дрожали, а грудь вздымалась и падала от волнения.

— Нет! — крикнула она, чуть не сорвав голос, когда он сделал шаг навстречу. — Вот это я и имела в виду, когда говорила, что не могу быть полностью откровенной. Не сейчас. Не сейчас, слышите меня! Я противная маленькая ничтожная тва... Я не знаю! Но я... Я сдерживаю свои чувства, даже когда кроме них не о чем беспокоиться и не о чем думать. Когда каждая мелочь, о которой я думаю и беспокоюсь, может всё свести к одному. Ну-ка живо говорите, что вы там хотели сказать о Морисе. Только честно!

— Морис... — Он почти наслаждался, произнося это ненавистное имя, в котором слышался щелчок моментальной съемки. — Морис обвинил Райнгера в убийстве Марсии. Я уже говорил вам. Я собирался узнать, вы и в самом деле думали, что Луиза ходила к павильону? Поскольку, согласно Морису, она там была. Садитесь. В некотором смысле, это

затрагивает и вас.

— По-вашему, Райнгер убийца? А что думает об этом ваш человек-который-может-видеть-сквозь-каменные-стены?

— Мне еще не всё понятно. Единственное, что он сказал мне и что заслуживает внимания — Райнгер мог это сделать. Я имею в виду, что его можно обвинить, но не думаю, что мой знакомый уверен в этом...

Ну, в общих чертах ситуация такова. Прошлой ночью Райнгер выдавал вам авансы, но Марсия заметила это. И это ей не понравилось. Ей нравилось, что мужчины в ее окружении ходят на цыпочках, и эта фурия собственными руками растерзала бы первого, кто бросил бы взгляд на сторону; вы сами признались... Помните наш разговор, когда Марсия что-то сказала ему, а он ответил ей: «Ты серьезно?», из чего Морис сделал вывод, что это было приглашение придти к ней ночью в павильон?

Ее глаза расширились, а затем снова сузились, щеки пылали:

— Райнгер, поднявшись по лестнице во втором часу, увидел меня и бросил на ходу: «Вы можете забыть наш разговор... Я нашел лучшую партию!» Этим он хотел сказать, что ему назначили свидание в павильоне. Так?

— Да. И Морис развил эту мысль дальше, потому что она становится объяснением всего! Марсия приглашала Райнгера не для любовных утех, а совсем наоборот, хотя он и не подозревал об этом. Она пригласила его туда для того, чтобы ее и вашего дядю Джона... Так, тихо... Я не имею ничего против него, он мог бы загнать Райнгера в угол и, если нужно, свернуть ему шею.

— Но зачем?

— Затем, что это Райнгер стоял за Эмери, когда тот проболтался Канифесту о замужестве Тайт. Она знала, как справиться с Эмери, но не в то время, когда Райнгер играл у него на нервах, отправляя к Канифесту с интересными подробностями. Можно обвинять Райнгера в убийстве или нет, но надо признать — он разыграл прекрасную сицилианскую партию³⁶, которая руководила целым заговором. До Марсии дошли слухи, что тайна раскрыта. Именно поэтому Джон искал встречи с Канифестом. — Он колебался, но ее отчаянные жесты призывали продолжать. — Правда, Джон мог и не знать о браке Марсии с Эмери. Эмери считает, что не знал. Ну знал или не знал, удар по великой мечте — отказ в финансировании его пьесы — был чувствителен сам по себе. И Джон знал, кто побудил Эмери развязать язык. Этим утром, когда он говорил со мной и Виллардом, он открытым текстом прошелся по Райнгеру, находившемуся за его спиной.

— Вы так думаете? Он и Марсия были... об этом ходили слухи. И Марсия пригласила Райнгера прошлой ночью, потому что ждала Джона с дурными вестями и хотела столкнуть Райнгера лицом к лицу с Джоном.

— Но они не... Они не могли, потому что...

— Нет. В том-то и дело! — Его жутко интересовало, что ей было известно об отношениях Джона с Канифестом, но он решил, что лучше не спрашивать об этом. — Потому что Джон застрял в городе, и поскольку она пыталась всячески удержать Райнгера до возвращения Джона, а тот всё никак не приезжал, то была вынуждена оставаться с Райнгером наедине.

— Черт возьми! Всё слишком хорошо увязывается. И даже участие в этом Луизы. Луиза невольно вписалась в эту схему. Таинственная фигура, пересекающая лужайку и разбудившая собаку в половине второго ночи, о которой говорила миссис Томпсон, была Луизой. Она шла к павильону, чтобы сделать последнюю попытку призвать к совести Тайт. Даже если бы Марсия отказалась внять голосу разума, Луиза не собиралась ее убивать, зато ее маленький затаившийся друг мог воспользоваться ситуацией и изуродовать лицо Марсии ударами охотничьего хлыста...

Кэтрин сильно побледнела. Он понял, что попал в самое больное место, и ему сделалось не по себе. Кусая губы, Кэтрин колебалась, сомневалась...

— Как дядя Морис узнал об этом? — взорвалась она. — Никто ничего не говорил про

хлыст. Я никому не сказала. Я пыталась скрыть.

— Да, я знаю, что вы сделали. Это старая привычка Мориса подслушивать. Он подслушивает всё, о чем говорится в этом доме. Я не удивлюсь, если прямо сейчас он стоит за этой дверью.

Беннетту казалось, что он везде видит эту слащавую ухмылку на холодном, бледном лице с большим лбом и маленькими черными зрачками. Ощущение было настолько реальным, что он подошел к двери и резко распахнул ее. Он немного успокоился, когда увидел, что галерея пуста и вернулся в комнату.

— Еще он указал на одну вещь, которую мы не заметили — ни одной женщине не придет в голову использовать утяжеленную рукоятку хлыста как орудие убийства. Хлыст предназначался для другого. Это становится ясным как божий день, когда думаешь о нем как об орудии наказания, даже пыток, если хотите, как о всё поражающем биче, смысл которого: терзать, уродовать. Чудесно! Она идет к павильону, на часах чуть больше половины второго. С другой стороны, Райнгер думает, что лай собаки означает возвращение Джона домой. Он поднимается к себе в комнату и выжидает несколько минут для того, чтобы Джон мог пройти к себе и убраться с дороги. Понимаете?

— Да, но!..

— Минутку. Без двадцати два или около того Райнгер выскальзывает за дверь, он всё еще в вечернем костюме, выходит через черный ход и спешит к павильону. Падает снег. Голова занята приятными мыслями о предстоящей *nuît d'amour*³⁷. И когда он туда пришел, то услышал какой-то шум. Это была жестокая ссора. Луиза уже тогда была в некотором роде не в себе и взяла с собой хлыст. Кого-то ударили, пошла кровь, но Тайт была физически сильнее, или это железные нервы помогли ей выгнать Луизу до того, как Райнгер успел вмешаться. Видите ли, Тайт тогда не могла знать, что Канифест отказал им, и делала всё, чтобы избежать лишних хлопот, насколько это возможно, терпела до последнего. Луиза, не заметив, что всё еще сжимает хлыст, ушла оттуда едва держась на ногах и вся в слезах. А эта гарпия смеялась ей вслед, наслаждаясь отступлением поверженного противника.

Пересказав слова Мориса, Беннетт понял, почему этот сухарь мог написать гениальную пьесу. Сам он не надеялся воспроизвести в точности всё богатство агрессивных интонаций, с которым тот вгрызался в мозги, пытаясь передать меняющееся настроение страдающей женщины. Он снова увидел наклонившегося вперед Мориса, сложившего руки на набалдашнике трости и мило улыбающегося.

— О том, что происходило с Луизой дальше, — сказал Беннетт, — можно только догадываться. Ее спокойствию пришел конец, нервы сдали, началась истерика. Она вернулась в дом не позже часа сорока пяти. Прямо в одежде, сняв только обувь, лежала на кровати в полной темноте, лихорадочно размышляя, и в конце концов довела себя почти до полного помешательства. Тогда же ночью она решила искать у вас совета. Вы могли бы придумать более безумный предлог, чтобы поднять кого-то на ноги посреди ночи? По пути к вам она заблудилась в темной галерее, и что-то, что скорее всего было тенью ветки, отняло у нее последние силы — теряя сознание, она закричала, а когда открыла глаза, увидела склонившегося Вилларда и вас. Она сказала бы вам то, чего не могла сказать Вилларду. Она снова превратилась в чопорную, возбужденную мисс Карью. Увидев на себе кровь, она немедленно выкрикнула первое, что девушкам ее склада естественным образом пришло бы на ум в схожей ситуации. Она заговорила о «таинственном незнакомце», излюбленном герое старых дев, который якобы схватил ее в темноте.

— Такого не может быть, — спокойно возразила Кэтрин, — но это неважно. Это не имеет никакого отношения к Райнгеру и павильону. Теперь я знаю о «невозможной ситуации» всё. Доктор Винн посвятил меня во все тонкости. Если Райнгер убийца, как он вышел?

— Если всё, что нам рассказали — правда, то это был самый дерзкий трюк из когда-либо проделанных.

— Да, и что же это, мне интересно?

— Хорошо. Райнгер вышел из дома, когда пошел сильный снег. Он в предвкушении. Она наконец-то оценила своего верного бабуина... Но Тайт не торопилась переходить от

слов к делу, ей нужно было выиграть время и дотянуть до того момента, когда Джон вернется с новостями — возможно, она чувствовала, что Райнгер еще может пригодиться или, возможно, немного опасалась его зловредности и коварства. Она была очень приветлива с ним, когда это нужно было для дела и когда это не касалось Джона. Но разговор затянулся, и это стало утомлять обоих: два часа, половина третьего, а Джона всё еще нет. Встреча приобрела напряженный характер. Ситуация стала проясняться, должно быть, ближе к трем, когда Райнгер начал что-то подозревать. Марсия внезапно поняла, что если бы новости были хорошими, Джон давно бы уже был здесь. Другими словами, планы потерпели крах, и Джон боялся показаться ей на глаза. И виной этому был Райнгер. Всё рухнуло из-за толстого коротышки, лапающего ее...

— Прекратите! — остановила его Кэтрин и вся задрожала.

— Боюсь, — взволнованно продолжил Беннетт, — вы только подтверждаете точку зрения Мориса. Тогда представьте, что она начала говорить ему? Интересная вещь — описывая нам воображаемый ночной разговор между Марсией и Джоном, который якобы состоялся непосредственно перед тем, как Джон убил ее, Райнгер использовал такие слова: «Она впервые сказала ему о своих настоящих чувствах».

— Господи, его же удар вернулся к нему, не так ли? — подхватила Кэтрин. — Всё, что он говорил о Джоне, возможно, произошло с ним самим, и он ждал подходящего случая. Разъяренный тем, что его использовали, он затаил злобу и, нужен был только незначительный повод, чтобы свершилась чудесная подмена. Коварные замыслы неизменно удавались ему. Он понял, что если бы убил Марсию, разбив ей голову, следствие, вероятнее всего, вышло бы напрямиком на Луизу, которая, чему он был свидетель, действительно напала на Марсию.

— Но в любом случае он не смог себя сдержать, — согласился Беннетт. — Он убил ее одной из тех тяжелых посеребренных стальных или медных ваз, которые расставлены по всему павильону, тех ваз, угловатые края которых соответствуют глубоким ранам на ее голове. Впоследствии он всё привел в порядок, вымыл вазу и поставил ее в одном из японских шкафчиков так, что на виду теперь оставался только охотничий хлыст, указывающий на Луизу...

— И с этого, моя девочка, именно с этого места теория Мориса приобретает законченный вид. Почему он говорит, что знал о том, что рассказ Луизы о человеке, схватившем ее кровавыми руками в темноте, чистый вымысел? Потому что убийца не сумасшедший, чтобы вернуться из павильона с кровью жертвы на руках. Там есть вода. Даже если бы он не был знаком с расположением комнат, первое, что бы он сделал — бросился бы искать раковину с краном.

После паузы девушка в недоумении потерла лоб.

— Ладно, эти пятна крови остались на руках Луизы после попытки ударить Марсию. Но Райнгер! Он же должен был вернуться из павильона, нет? А снег прекратился. И еще, если отвлечься от того, как он мог это сделать, если он знал, что будет сваливать вину на Луизу, почему в таком случае обвинил Джона?

— Потому что, как вам еще объяснить, он был вынужден. Ему пришлось менять свои планы, и нам по той же причине пришлось повременить с обвинением. Снег перестал идти, а он не рассчитывал на это. Наверное, он испытал смертельный шок, когда, имея на руках идеальную ситуацию, обнаружил, что снег не падает, а лежит сплошным покровом, и лежит уже так час с лишним. Это разрушило всю схему, и если бы его следы были обнаружены после того, как он покинул павильон, у него не было бы ни единого шанса выкрутиться и списать всё на кого-то другого. У человека, менее умного и хладнокровного, чем Райнгер, не хватило бы силы духа выбраться из этой ситуации. А он это сделал блестяще. Понимаете?

— Погодите! — запротестовала она. — Доктор Винн рассказал мне о том обвинении, которое выдвинули против Джона. Но если он хотел обвинить Луизу, не мог же он сделать еще и это? Кто-то спросил, почему бы человеку, пойманному снегом в ловушку, просто не оставить следы, но сделать так, чтобы они не читались, то есть испортить их до неузнаваемости. И Райнгер ответил, что слишком долго возиться; кто бы там ни топтался, собака всё равно бы не успокоилась и разбудила бы весь дом. Но это не относилось бы к самому Райнгеру. Он ведь знал, что Бурана заперли, дядя Морис при нем лично отдал такое

распоряжение. Ответственность за испорченные следы легла бы на Луизу, при этом у него самого было столько времени, сколько нужно, не так ли?

Беннетт вытащил сигарету и торопливо прикурил.

— Умница! — произнес Беннетт. — Именно об этом Мастерс и сказал вашему дяде. Но по дьявольскому стечению обстоятельств Райнгер оказался в еще худшем положении. Он не мог позволить себе сидеть сложа руки, в любом случае это было рискованно. Он знал, что собака не представляет опасности, но...

— Да?

— Ему было известно, что Джон мог вернуться из города в любой момент. Случись это, Марсия не задумываясь указала бы ему на дверь. Она сказала бы, что Джон сразу спустится к павильону, как только приедет. Райнгер знал, что Джон не приехал, иначе услышал бы шум автомобиля. Так что, если он затеет свою долговременную уловку со следами, а Джон встретится ему на полпути через лужайку... Представляете?

— Я называю это превратностью судьбы. Но что он сделал? Что мог сделать?

Беннетт тяжело вздохнул.

— Долгая задержка Джона, по словам Мориса, вдохновила Райнгера. Рано или поздно Джон приедет. Он должен придти сюда в любом случае: либо сразу, либо утром согласно договоренности с Тайт о конной прогулке. Райнгер готовился ждать сколь угодно долго, понимая, что скорее всего Джон будет первым, кто увидит Тайт утром. Кто еще, если не Джон?

И вот он слышит, что автомобиль Джона въехал в ворота приблизительно в четверть четвертого. Но Джона не было видно на тропе, и это могло означать одно, что он по какой-то причине поднялся в дом. Райнгер все время был начеку, выходить из павильона было нельзя, в любую минуту они могли столкнуться нос к носу. Таким образом, его ум, вдохновленный возрастающей опасностью, решил сразу две задачи: придумал идеальный план и разработал идеальное алиби. Вы видели Райнгера сегодня утром?

Она с удивлением смотрела на него.

— Да. Около половины девятого. Он стоял в дверях своей спальни, завязывая этот ужасный халат. Я думаю, он утешал одну из горничных, — да, это была Берил! — гладил ее по голове и приговаривал: «Хорошая девочка, хорошая...» Я не знаю, был ли он уже тогда пьян.

— Скорее всего. Вернемся снова к гипотезе Мориса. Берил шепнула Райнгеру, что кровать Джона простояла нетронутой всю ночь. В нее не ложились. Джон маячил по комнате, размышляя, где набраться смелости и выложить перед Тайт всю правду. Смеет ли он вообще предстать перед ней с такими новостями? Вы видели его? И всё же Райнгер не отваживался уходить из павильона... потому что видел свет в комнате Джона.

— Морис задал очень существенный вопрос, — продолжал Беннетт. — «Почему Райнгер в самом начале дела, прежде чем любой из нас узнал все сопутствующие обстоятельства, вдруг задается целью выяснить, ночевал или нет кто-нибудь в спальне Джона? Что заставило его думать, что такой факт мог иметь место?» И Морис сам же ответил на свой вопрос: «Потому что Райнгер видел свет, который горел всю ночь в комнате Джона. И хотел в свою схему встроить Джона так, чтобы потом возложить на него вину за содеянное». Скажите, когда вы увидели Райнгера сегодня утром, он был всё еще в вечернем костюме, так?.. Ну хоть рубашка-то и брюки были на нем?

— Д-да. Я так думаю. Я не помню.

— Они были на нем, когда он сидел с нами в библиотеке. Вы не заметили грязные пятна и полосы на спине и рукавах рубашки, а нижние края как будто усеяны угольной пылью?

— Да, я заметила и подумала еще, каким же надо быть нахалом, чтобы позволить себе...

Беннетт встал, засунул руку в дымоход и слегка провел пальцем. Весь палец был в

саже.

— Как *это*? — спросил он и сам же ответил на свой вопрос. — Да, пожалуй, точно такие же. Огонь в каминах погас. Дымоходы широкие, с ходовыми скобами внутри. Райнгер снял пальто для большей свободы, проверяя, мог ли он управиться с этим хозяйством. Он решил этот вопрос положительно для себя и приготовился ждать Джона. Он выключил свет задолго до рассвета, чтобы избежать ненужных разговоров на случай, если свет заметят из дома прислуги. Он должен был держать под рукой коробок спичек: постепенно опустошая его, он поглядывал на часы. Дверь павильона открыта. И тут он слышит шаги. Джон! Пора действовать...

— Вы все еще блуждаете в потемках? — возбужденно спросил Беннетт. — Когда Джон обнаружил тело, Райнгер прятался в дымоходе. Он чувствовал себя в достаточной безопасности даже при неизбежном обыске. Его и произвели. Джон и я взялись за это. В то время, как мы были в другой половине павильона...

— Но ему всё-таки пришлось покинуть его!

И сейчас Беннетт вспомнил, словно ночной кошмар, скрытый триумф на лице Мориса, когда он ткнул тростью в Г. М. и забил последний гвоздь в гроб Райнгера.

— Вы забыли, — Беннетту казалось, что он говорит голосом Мориса, — что именно у Райнгера были маленькие, как у женщины, ступни. Мы убедились в этом сегодня утром в библиотеке. Вы также забыли, что у вашего дяди Джона самый большой размер ноги среди всех мужчин, находящихся здесь. Вам не кажется, что вы, например, могли вернуться назад, к дому, ставя свои ноги в его следы, при этом совершенно не задевая края, в то время, когда два идиота искали чего-то в другой половине павильона? Вы забыли, что как только вы переходите озеро по твердому перешейку, возвращаясь назад к дому, вас тут же скрывает изгиб аллеи. С шестым номером обуви вы свободно умещаетесь в следы десятого номера и спокойно идете своей обычной походкой в противоположном направлении. Дверь черного хода Джон предусмотрительно оставил незапертой, чтобы не было никаких проблем с возвращением в дом. И если бы потом возникли кое-какие вопросы по идентификации отпечатков, то вы могли бы объяснить ситуацию ровно так, как это сделал утром Райнгер, обвинив Джона Богана в фабрикации улики.

Наступила долгая пауза. Столбик пепла на конце сигареты начал заваливаться вниз, и Беннетт швырнул окурок в камин.

— Я не называю это заговором превратностей судьбы или образцовым случаем проявления врожденной бесчеловечности. Всё, что я могу сказать — в будущем я собираюсь быть крайне осторожным, если придется занять место на скамье присяжных. Вот два вполне удовлетворительных и убедительных объяснения, вытекающие из одного и того же факта, но указывающие в разном направлении. И каждое из этих объяснений кажется совершенно единственным, применимым к данной невозможной ситуации. Но если появится еще одно — тогда можете смело отправлять меня в палату для буйных. Дело против Джона Богана развалилось. И если дело против Райнгера разрушится подобным образом, то... О чем вы задумались?

— Я собиралась вам сказать, но никак не могла. Голова распухла от этого водоворота, куда меня засосало, — заговорила она взволнованно. — Помните, я вам сказала, что у меня хорошие новости. Это не имеет ничего общего с Райнгером, виновен он или нет, это не задевает Райнгера, но...

Она заходила кругами, доводя себя до исступления и выкрикивая проклятия. За окном, у каретного сарая, взрывались и стреляли выхлопные трубы, стрекотали остывшие моторы — остатки недовольных газетчиков отгоняли свои автомобили назад к шоссе под улюлюканье Поттера. Но не это заставило Кэтрин с Беннеттом вздрогнуть и застыть с открытыми ртами.

— Это прозвучало как... — проговорила Кэтрин и не могла сдвинуться с места.

Глава 16. Серебряный треугольник

Этот звук, грубо вплетенный во всеобщий гвалт, нельзя было назвать чем-то определенным. Довольно сумбурный, он мог быть сдавленным криком, стуком дроссельной заслонки или захлебнувшимся взрывом смеха. Невозможно было сказать, откуда пришел этот непонятный звук, издали или поблизости, но он породил своеобразную волну, глухо отразившуюся от стен дома. Беннетт почувствовал горячий прилив крови, кожа буквально пылала, несмотря на адский холод в комнате.

Редукторные пары ожесточенно рыли землю у каретного сарая — но это были не они. Беннетт подошел к двери и распахнул ее.

— Это было... Не выходите! — крикнула Кэтрин.

В галерее погас свет. Он вглядывался в темноту с гнетущим предчувствием новой трагедии.

— Странно, — неуверенно сказал он. — Здесь только что горел свет. У меня проскочила бредовая мысль, что кто-то, вы знаете кто, возможно, подслушивает нас. Так, пойду узнаю... Что значит «не ходите»? Это ваш дом или чей? Ну и нечего бояться темноты в собственном доме.

Ни шороха, ни скрипа, как будто сама галерея затаила дыхание. Оконная рама грохотала под напором усиливающегося ветра. Кто-то совсем недавно выключил свет, а, может, вывернул пробки. К нему пришло ощущение человека, сидящего в единственной освещенной комнате старого мрачного дома, ощущение, что тьма сейчас готова отделить его от остального рода человеческого, и что он не должен выходить за грань магического круга, образованного светом, дабы в темноте не увидеть нечто такое, с чем его разум мог не справиться. Комната короля Карла необъяснимым образом притягивала его. Он уже слышал один раз похожий звук, что привело его к встрече с Кэтрин Боган, когда Луиза Карью пыталась ее задуть...

Звуки всё же различались. Кто-то сказал, описывая сцену с несостоявшимся падением Марсии Тайт с лестницы короля Карла, что после того, как внезапно потухла свеча, раздалось хихиканье. *Ты должен думать только о той слепой ярости, с которой Х раскрыл череп Марсии Тайт, если хочешь успеть сделать несколько осторожных шагов в неожиданно наступившей темноте.* Интуиция подсказывала: убийца здесь. Совсем рядом. Кто же он? Кто?..

Беннетт пересек галерею и взялся за ручку широкой, почти квадратной, дубовой двери. Мышцы напряглись, и кожа чуть не лопнула от зашевелившегося под ней скользкого страха, когда он услышал за своей спиной тяжелые, скрипучие шаги.

— Кто тут оставил всех без света? — прорычал в темноту голос Г. М. — Хоть глаз выколи, не видно ни зги! Эй! Посмотрите, Мастерс, нельзя ли как-нибудь включить свет?

Что-то щелкнуло, и вспыхнул тусклый свет. Заметив Беннетта, сэр Генри и старший инспектор остановились.

— Привет! — раскатисто прогремел голос Г. М. Не переставая моргать и морщиться, он с подозрением вглядывался в фигуру племянника. — Что с тобой, а? Гореть мне в аду, видел бы ты сейчас свое лицо! — Вытянув шею, он заметил Кэтрин, стоящую в дверях. — А, ребята, так вы резались в картишки? Добрый вечер, мисс.

— Вы слышали что-нибудь?

— Слышал что-нибудь? Да ты никак перетрусил, сынок? Я целый день только и делаю, что слышу какие-нибудь звуки, в основном, внутри своей головы. Я устал и хочу большую бутылку бренди, и никто под дланью всевышнего не заставил бы меня сегодня вечером напялить фрак, даже если бы он был у меня с собой. Но кое-что я должен сделать.

— Посмотрим здесь, — Беннетт распахнул дверь, быстро оглядел комнату и, попытавшись овладеть собой, шагнул внутрь.

Ничего. В спальне короля Карла, комнате, которую занимал Джон Боган, сейчас был

наведен идеальный порядок: одежда убрана, серый ковер около большого письменного стола тщательно вычищен. Тяжелые бархатные шторы были немного раздвинуты и колыхались от сильного сквозняка.

— Большое спасибо! Страшилищ нет? Сюда-то я и направлялся, — откликнулся Г. М.
— Хотелось бы кое-что увидеть своими глазами и задать пару вопросов, если я увижу то, о чем подумал. Мастерс не спешит делиться со мной секретами. Почему бы вам не рассказать мне, что здесь произошло? Вы находите Джона Богана с пулей в груди и странным серебряным кусочком, зажатым в кулаке. Но никто ничего не говорит мне о самом *странном серебряном кусочке*! Где он, Мастерс?

Мастерс, в пальто и шляпе, переминался с одной ноги на другую. Он уже собирался присоединиться к инспектору Поттеру, оставшемуся внизу на вечерний чай.

— Но мы не думали, что это так важно, — оправдывался он. — Нам показалось, что это, как говорится, сувенир на память. Пожалуй, так. Кусочек не имеет никакого отношения к убийству Тайт и вряд ли содержит какой-нибудь ключ к разгадке того, чего Боган не совершал. Тем более, что в предсмертной записке он признается, что не убивал ее. Возможно, это имеет чисто символическое значение. Прощальный жест, так сказать. Я положил его в ящик стола.

— Прощальный жест, говорите? Что ж, мы выясним это. Не желаете присоединиться к нам, мисс Боган? Джимми, мой мальчик, закрой дверь.

Г. М. опустил в большое дубовое кресло и выдвинул верхний ящик стола.

Читать мысли Г. М. — совершенно напрасное занятие. Завсегдатаи клуба «Диоген», играющие в покер, давно оставили любые попытки. Теперь и Беннетт мог убедиться в этом на личном опыте. Не одобряя скрытность Мастерса, сэр Генри извлек из ящика серебряный обломок треугольной формы, похожий на фрагмент какого-то украшения. Именно его видел Беннетт в руках старшего инспектора сегодня утром. Но Г. М. не выглядел хмурым или озадаченным. Он долгое время сидел молча и, казалось, это было связано не с тем, что он мог что-то увидеть, а скорее по причине того, что он к чему-то прислушивается.

Он попробовал серебро на вес.

— Хм. Выглядит как обломок. Края неровные. Мисс Боган, взгляните, эта вещица ничего не говорит вам, припомните, может, какой-нибудь подарок, может, он хотел, чтобы это нашли в его руке после столь отчаянного шага? Ну-ну, не волнуйтесь, я знаю, с ним ничего случится.

Она покачала головой.

— Н-нет. Я никогда раньше этого не видела.

Г. М. швырнул кусочек серебра обратно в ящик.

— Вот что я вам скажу, Мастерс. Завтра утром я еду в Лондон. У меня там есть один приятель, серебряных дел мастер, которому я однажды помог, держит магазинчик за Линкольн-Инн-Филдз. Завтра отвезу и покажу ему, и он сразу же скажет мне, откуда это взялось. Кусочек может значить многое, а может оказаться пустышкой. Я вот еще о чем подумал. — Он вытащил часы и поднес их почти к самому носу. — Сейчас семь часов, ужин через полчаса... Мисс Боган, в котором часу вы вошли в комнату короля Карла во время своего замечательного ночного тура по достопримечательностям этого замка, чтобы осмотреть потайной ход?

— Около одиннадцати, насколько я помню.

— Ох, если бы раньше! Мне нужно выспаться, — чуть не заплакал Г. М. — Я, конечно, люблю пунктуальность, но, сожгите меня, в первую очередь я должен заботиться о своем здоровье. Ну ладно, в одиннадцать так в одиннадцать. Мастерс успеет перекусить и немного отдохнуть. Просто... хм, возможно, я смогу представить вам убийцу, но не раньше одиннадцати... Мы повторим наше путешествие под луной. Восстановим сцену покушения на лестнице. Я возлагаю большие надежды на эту маленькую реконструкцию.

— Что это, очередная шутка или вы имеете в виду ... — насторожился Мастерс. До него только сейчас дошел смысл небрежно брошенного Г. М. замечания.

— Конечно, это я и имел в виду...

— И вы хотите сказать, что убийца мисс Тайт находился среди тех, кто был с ней в ту ночь на лестнице?

— Угу, это я и хотел сказать.

Беннетт, скорее по наитию, чем осознанно пытавшийся восстановить в памяти имена участников ночной вылазки, обернулся и посмотрел на Кэтрин. Она жестом призвала его к терпению. И вдруг все разом подскочили — во дворе инспектор Поттер зычно разгонял недовольных репортеров, с ревом и треском снимались с места последние автомобили. Сэра Генри, беспокойно теребившего кончик собственного носа, казалось, поразила какая-то сумасшедшая идея. Он неуклюже проковылял к дальнему окну, из которого просматривался угол каретного сарая. Грубо расправившись с защелкой, Г. М. одним рывком поднял окно и выглянул во двор. Ледяной ветер ворвался в комнату и прошелся по бумагам на столе.

— Эй! — крикнул Г. М.

Окутанный выхлопными газами, инспектор Поттер поднял голову.

— Мы тут, в комнате чудес. Кончайте бедлам, сынок, и найдите этого недотепу Томпсона, мне кое-что пришло в голову. Только живо!

Окно с грохотом опустилось.

— Но послушайте, сэр, давайте вернемся к тому, на чем мы остановились, — взволнованно заговорил Мастерс. — Я ничего не понимаю! Вы сидите и спокойно ждете одиннадцати часов, чтобы объявить нам, кто убийца?! И при этом хотите восстановить точный ход событий, во время которых мисс Тайт пытались сбросить с лестницы, не так ли?

— Именно так.

— Я не собираюсь подвергать сомнению ваши идеи. Я открыто признаю, что они были довольно хороши в прошлом. Но чего вы надеетесь добиться этим захватывающим спектаклем сегодня? Вы же не можете ожидать от убийцы, что он любезно спихнет со ступенек кого-нибудь еще раз, прямоком под ваши очи? И к тому же не имеет смысла уличать кого-нибудь из них во лжи, заставляя вспоминать, кто где стоял. Я допросил каждого, но они настолько все перемешались в этой крошечной тьме, когда погасла свеча, что никто ничего не помнит! Так что, думаю...

Мастерс замолчал. Он с сомнением рассматривал низкую железную дверь с допотопным затвором и большим отверстием замочной скважины, какие уже давно вышли из употребления. Мерривейл, не сводящий с него своих маленьких колючих глаз, разразился сардоническими стрелами.

— Хо-хо! Мастерс, я знаю, о чем вы подумали! Ваш мозг устроен так, что он неизбежно стремится свести всё к примитивной мелодраме. Я приведу вам дюжину забавных случаев по примеру этого, которые заставят вас смеяться над собой больше, чем над человеком, усевшимся на цилиндр. Знаю, знаю... Мы берем и наряжаем кого-то как Тайт, да вот хотя бы мисс Боган. Мы говорим ей спрятаться внизу лестницы. Выключаем свет. Люди начинают спускаться по ступенькам. Огонек свечи колеблется; из темноты, как из могилы, выходит призрачная фигура, поднимает руку и указывает на кого-то вверх, говоря загробным голосом: «Это сделали вы!» Замученный совестью убийца дико вскрикивает и тут же лишается чувств. Сожгите меня на костре, Мастерс, полиция уже давно бы почивала на лаврах, если бы всё было так просто.

Он нахмурился, сцепив руки на затылке.

— Весь курьез в том, Мастерс, что в ответ на это, в девяти случаях из десяти, наш убийца, зевая от скуки, попросил бы нас снять накладные бакенбарды... Я не уверен, что мы имеем здесь исключение из правил, десятый случай, но шанс на то, чтобы пощекотать нервы Х тщательно подстроенной ловушкой, вроде этой, у нас есть. Трюк бьет по воображению, потому что мы имеем дело с впечатлительной личностью. Не холодный расчет, а воображение здесь играет главную роль. У нашего Х отличные мозги, но не они помогли ему в конечном итоге совершить убийство. Я уже говорил, и скажу еще раз, истинная элегантность этого дела заключается в невероятнейшей удаче, которая когда-либо

выпадала на долю убийцы и отвечала его чаяниям...

Но все наши любимые приемы бесполезны и никакого не напугают, если мы ничего не сможем доказать. В этом плане у меня есть другая идея. Если она сработает, Х повесят выше Иуды. Но вот если, если, если!.. Я пока не знаю, что из этого получится. Сожгите меня на костре во второй раз, Мастерс, если это меня не беспокоит.

— Я полагаю, сэр, у вас остались вопросы... — проворчал старший инспектор.

— Нет, кроме нескольких поручений. Мне нужен Поттер, и еще пара человек, чтобы были всегда под рукой; не возражаю, если они будут вооружены. Я жду ответа на телеграмму, где мне скажут: либо я последний идиот, либо мы двигаемся дальше. Прежде всего я должен задать растяпе Томпсону самый главный пока на это время вопрос. Пять персонажей на узкой лестничной площадке, и я в роли Марсии Тайт — всего шестеро; черт знает, какая мерзость из этого выйдет, но всё пойдет насмарку, если я получу неправильный ответ.

— А о чем вы хотели спросить Томпсона? — уточнил Мастерс.

— О его зубах.

— Хорошо! — не долго думая, согласился Мастерс. — Я знаю, что вы настроены серьезно, не зависимо от того, в какой форме вы это преподнесете. Мы сделаем всё, что вы скажете. Но есть одна вещь, на которую я должен получить простой и внятный ответ, по крайней мере, хочу получить его от вас. Эта версия Мориса, обвиняющая Райнгера в убийстве, скажите, вы доверяете ей или нет? Вы выслушали разные точки зрения, и только слушая рассказ Богана, вы ни разу не перебили его. Означает ли это, что он прав? Вот что сводит меня с ума, сэр, и клянусь, я уже не знаю, где правда...

— Я знаю, — сказала Кэтрин.

От ее голоса в холодной комнате веяло тихой уверенностью. Она стояла перед столом, вытянувшись в струнку и едва касаясь кончиками пальцев его поверхности. Электрический свет поблескивал на ее волосах, учащенное дыхание вздымало грудь под заношенным твидовым жакетом, но это был единственный признак сильного волнения.

— Вы настаиваете этим вашим замыслом сегодня вечером во что бы то ни стало идти до конца? — спросила она.

— Ну да! — ответил Г. М. и пошатнулся, закрыв лицо одной рукой. — Думаю, так будет лучше. Я правильно вас понял, что вы не против?

— Нет, но прежде чем вы начнете, можете исключить одного человека. В крайнем случае, двух.

— Интересно, это почему же, мисс Боган?

— Перед тем, как вы пришли сюда, я услышала историю дяди Мориса. Во всех деталях. О, это впечатляет! Это так на него похоже. Я не знаю, совершил ли Райнгер убийство, но я твердо знаю, что всё дело против него, которое, как я понимаю, зашло уже далеко, строится на одном человеке. Без него, этого человека, дело полетит ко всем чертям, так?

— Вы имеете в виду...

— Луизу... — Она резко уперлась кончиками пальцев в стол и заговорила быстро, без остановок. — Что Луиза ходила в павильон, что на самом деле в галерее никого не было, никто ее не пачкал кровью и что вообще она всё это выдумала... Сейчас я вам всё расскажу. Всё это я услышала от доктора Винна, а он отвечает за свои слова. Сегодня утром после осмотра Луизы, он собирался что-то сказать Вилларду наедине. Они вышли в галерею, но их прервал выстрел. — Она задержалась глазами на замкнутом участке серого ковра, и на мгновение ее речь сбилась. — Да, в этот момент они услышали выстрел. Доктор Винн настолько был занят с Джоном, что не сразу вспомнил об этом эпизоде...

А когда пришло время, он вспомнил, что поздно ночью Луиза, должно быть, приняла чудовищную дозу какого-то снотворного, кажется, веронала. Возможно, вы догадаетесь, почему? В общем, она приняла слишком большую дозу, что привело к совершенно

обратному эффекту, то есть она сохранила ясное и незамутненное сознание, но при этом ее тело было парализовано. Возможно, у нее появилась идея спуститься к павильону, возможно, начались видения, и она даже попыталась уйти. Скорее всего так и случилось бы, если бы она не упала в галерее рядом с моей дверью. Доктор Винн готов сделать официальное заявление, что по всем признакам она приняла препарат не позже часа ночи, а это значит, что в ближайшие четыре-пять часов после этого стоять на ногах для нее было невозможно. Самое большое, что она могла сделать — пройти не более тридцати футов, это примерно расстояние от ее комнаты до моей. Она налетела на этого человека в темноте, потому что шла, спотыкаясь, с трудом передвигая ноги, ее колени постоянно подгибались. Там был кто-то, какой-то человек, она его не придумала, и поэтому вы не можете обвинить ее в убийстве.

Мастерс достал из кармана записную книжку, бросил ее на стол и выругался.

— Такое возможно, сэр?

Г. М. кисло улыбнулся.

— Угу. Вполне. Всё зависит от дозы и еще больше от человека. Неразумно делать поспешные выводы, не ознакомившись с особенностями неустойчивой психики, пусть Винн этим занимается. Возможно, он прав, возможно, нет. Я лично думаю, что он неправ, но поступайте, как считаете нужным, Мастерс.

— Вы хотите сказать, сэр, что доверяете объяснениям мистера Богана?

Г. М. помялся в нерешительности.

— Послушайте, Мастерс, — сказал он. — Я не хочу вас запутывать больше, чем это необходимо, по очень простой причине. В этом деле слишком много белых пятен и непроходимых дебрей, а я не мастер водить руками над магическим кристаллом. Только из чистого упрямства я не издаю таинственных заклинаний. Но есть кое-что такое, что вы и сами можете увидеть. Мисс Боган права в одном. Если вы принимаете версию виновности Райнгера, то вы не можете принимать ее по частям — только целиком: всё или ничего. Краеугольным камнем этой версии является девушка, которая свидетельствует, что ее запястья кто-то испачкал кровью. Если вы считаете, что крадущийся по галерее злоумышленник — миф, тогда всё сходится. Но если вы считаете, что это был реальный человек, то вы должны отказаться от обвинения Райнгера. Почему? Потому что это было бы уже чересчур — предположить, чтобы два человека бродили по галерее в одно и то же время с окровавленными руками. В тот момент, когда, по словам девушки, она наткнулась на своего мужчину в этом доме, Райнгер, согласно основному пункту в версии Мориса Богана, должен был находиться в павильоне. Он не вышел оттуда, пока не дождался следов Джона. Итак, либо блуждающий в галерее — вымысел, либо нет. Если нет, тогда вы перевернете всю версию, встряхнув ее, как снежный шар³⁸, и сделаете определенные шаги по пути оправдания Райнгера.

Мастерс топтался вокруг светлого пятна на ковре, как будто намеревался снять с него мерку, затем прервал свое занятие и оглянулся в хмурой задумчивости.

— Действительно. Всё просто, сэр, и это самое удивительное. Я поражаюсь вашим методам. Вы запретили мне допрашивать мисс Карью, но и сами отказались сделать это.

— Хо-хо, сынок, можете смеяться, но я и вправду не хотел этого делать.

— И, кажется, не спешите допрашивать Райнгера... э-э... вернее, запрещаете. Я имею в виду ваше поручение Эмери в отношении скорейшего приведения Эмери в нормальное состояние.

Г. М. открыл один глаз.

— Боюсь, вы не совсем поняли, о чем я говорил, Мастерс. Наоборот, моя просьба к Эмери заключалась в том, чтобы как можно дольше продержат Райнгера в его *нынешнем* состоянии. Угу. Чтобы сидел у него в ногах и в случае чего мог сунуть бутылку под нос. Эмери, как и вы, думал, что я тронулся. Но я обещал ему показать убийцу его жены, и он стал, как шелковый. Похож на вас.

Просветленное лицо Мастерса вызвало у старика забавную реакцию:

— Примите мои поздравления! Рано или поздно это должно было случиться, я знал, что вы созреете, Мастерс. Ну, дошло? Наконец-то! Я не хочу допрашивать девицу Карью и Райнгера, особенно его. Будем откровенны, если бы я позволил Райнеру ответить на обвинение против него, он бы меня умыл... Чёрт, мне нужно всего пару часов! И в качестве предупреждения для вас, мисс Боган, что бы вы ни делали в течении следующих трех часов, ради Бога, никому ни слова о том, что говорил Винн о вашей подруге. Понятно?

Его голос стал тише ветра, начинающего буянить в дымоходе, но слова эхом отозвались в холодной комнате. Он наклонился вперед, блеснула серая лысина, и вдруг, как в капле воды, она выросла до гигантских размеров, вытеснив на периферию мелкие детали. Снежинки сыпались с неба и скреблись в окна. Беннетт возвращался в кошмарный сон. Что-то произошло с ветром, подумал он, в него ворвалось что-то знакомое, из событий сегодняшнего утра.

— Вы... — внезапно спросила Кэтрин, — Вы слышите, как воет собака?

Они слышали, но никто не проронил ни звука, пока Кэтрин не обернулась.

— Прошу прощения, — сказала она бесцветным голосом и коротко кивнула. — Уже поздно. Мне нужно переодеться.

Глава 17. Абажур из газеты

— Странно, сэр, — сделал Мастерс простодушное лицо, — как вам приходят в голову некоторые идеи. — Он прищелкнул языком и попытался улыбнуться. — Знаете, я допросил слуг, и все они говорят, что собака выла утром как раз перед... Я очень люблю собак. Но чего ждать на этот раз?

Г. М. скривил лицо так, будто его ущипнули за мягкое место. Он рассеянно смотрел по сторонам, но это ни о чем не говорило — за пустым взглядом часто скрывался живейший интерес.

— А? О! Что на этот раз? Ну, я вам скажу, что. Вы и юноша, сходите-ка и убедитесь, что Райнгер всё еще спит сном праведника. Проклятье, Поттера только за смертью посылать! Мне нужно срочно поговорить с дворецким, а потом я хотел бы осмотреть эту комнату повнимательнее. Ага! — Он чуть не подпрыгнул до потолка, когда в дверь постучали. Невозмутимый Поттер возвышался позади трясущегося Томпсона.

— Enfin!³⁹ — проворчал Г. М. — Вы нужны мне позарез. Ну-ка возьмите себя в руки, приятель, здесь вы среди друзей. Можете остаться, Поттер... А вы, ребята, разве не слышали, что я вам сказал? Когда закончите там, возвращайтесь сюда... Угу! Так, что я хотел? А, Томпсон, как вы себя чувствуете? Зубы... Адская боль, сам знаю... Я бы страшно удивился, если вам удалось хоть капельку поспать. Наверное, вздремнуть смогли только под утро, часиков в четыре-пять?..

Это было всё, что услышали Мастерс и Беннетт, когда за Мастерсом закрылась дверь. Невозмутимый старший инспектор поднял кулак, и яростная пантомима сотрясла воздух в полутемной галерее. Беннетт спросил:

— У вас есть хоть какое-то представление, что у него на уме?

— Да, — ответил Мастерс и опустил руку. — Но, честно говоря, мне не нравится, что он задумал. Нет, не так — мне не хочется думать, что он взял уже кого-то на заметку. А ведь так оно и есть, по нему видно. Не понимаю, как он собирается всё это доказать? Там же есть господа, себе на уме, которые даже ему не по зубам. Прежде всего я не вижу, что ему даст эта реконструкция покушения на жизнь леди. Пропади оно все пропадом, пустая трата времени! Знаете, вещь не то чтобы кажется не стоящей, но успех не гарантирован.

— Да. Согласен. Вам не показалось, что только что выла собака?

— Все собаки воют, — уклончиво сказал Мастерс. — Задали нам задачку, а? Пойдемте, проверим пульс у парня. Отличная работа для Скотланд-Ярда! Если он нарушил постельный режим, мы, наверное, должны его арестовать и доставить сэру Генри. Другого

выхода нет.

Комната Райнгера располагалась в голове лестницы, как раз на повороте галереи в более современную часть дома. В плохо освещенном коридоре фрамуга над приоткрытой дверью сияла как надраенный транец⁴⁰. Из нее лился свет. Подойдя к двери, Мастерс инстинктивно отпрянул назад, услышав громкие голоса, доносившиеся из комнаты. Один был женским — захлебывающийся в рыданиях, другой, грубый и настойчивый, принадлежал Эмери.

— А теперь слушай! — шипел Эмери. — Пять минут с тобой разговариваю... Хватит реветь, слышишь?! Всего меня издегали, я места себе не нахожу... Прекрати! Если хочешь что-то сказать — говори! Я тебя слушаю. На, выпей, ради Бога, а... Пей джин! Теперь слушай сюда, мисс... как там тебя?

— Бе-Берил, сэр. Берил Симондс.

— Вот и умница. Уже лучше. Что ты хотела мне сказать?

Рыдания пошли на убыль.

— Я пробовала, сэр, честное слово, я целый день пыталась сказать джентльмену, в самом деле, но он был в таком ужасном состоянии, лицо синее, только и делал, что х-хватал меня. Я испугалась, но ничего не сказала хозяину, потому что он м-мог понять меня неправильно и у-уволить.

— Слушай, ты что, хочешь сказать мне, что Карл приставал к тебе? В этом всё дело?

— Они сказали, что вы его друг, сэр, и вы не заставите меня говорить. Вы не должны... «Ты сделала всё правильно» — вот что он мне сказал утром, когда я принесла ему чай. «Ты сделала всё правильно». Он имел в виду, что я заперла дверь на ключ. И я сказала ему, что все только и говорят об убийстве, идеальном что ли, а он, значит, поворачивается, лицо страшное, синевой отливает, знаете ли, и как бросится ко мне, честное слово, одернул свой халат и говорит: «Хорошая девочка, хорошая, если я пойду к ним, ты ведь скажешь, где я был прошлой ночью, не так ли? Я сказала: «Да, но...»

Мастерс вежливо постучался и мягким движением открыл дверь.

Что-то помешало девушке вскрикнуть, вероятно, внезапный ужас. Она только дернулась назад и сказала: «Боже, это полиция!» Эмери, бледный и потрепанный, вскочил со стула, уронив глянцевый журнал, лежащий на его коленях, и хотел было зарычать, как цербер, но вовремя спохватился и проскулил что-то невнятное.

Он занимал пост у разобранной кровати, рядом на столе горела лампа, обернутая газетой, там же выстроилось несколько бутылок, две из которых были пусты. От лимонных корок, содовой и сахара стол превратился в липкую карамель. В переполненных доверху пепельницах плавали размокшие окурки. Тусклый свет лампы пробивался сквозь застоявшееся марево с тошнотворным запахом.

— Совершенно верно. Это полиция, — сказал Мастерс, — и я тот, кто имеет право допросить вас, мисс.

— Валяйте, — Эмери успокоился и снова сел. Он взял дымящуюся сигарету, отложенную на уголок пепельницы, и дрожащей рукой поднес ее к губам. — Что за чертовщина творится в этом доме? Стучатся в дверь, открываешь — никого. В галерее неожиданно гаснет свет. Кто-то прячется по углам в холле.

— О чем вы говорите?

— Я не шучу. Спросите ее. Это было совсем недавно, я не помню, когда точно. Карлу сейчас не до смеха, первый раз вижу его таким пьяным. Первый раз, с тех пор, как мы познакомились. Я в ужасе. Как будто кто-то хочет отвлечь мое внимание. Я не знаю, с ума сойти можно.

Взгляд Мастерса метнулся к кровати.

— А где мистер Райнгер?

— О, с ним всё в порядке. Он... вышел, — Эмери посмотрел на девушку, сделал паузу

и снова заговорил. — Он пошел в ванную. Ему лучше, когда он один. Говорю вам, шеф, человек не может столько пить без ущерба для здоровья. Так недалеко и алкоголиком стать. Он...

— Да, — сказал Мастерс. — Юная леди.

Берил Симондс отпрянула назад. Эта была низкорослая коренастая брюнетка с честными карими глазами на тяжеловатом, но довольно милом лице, которое сейчас опухло от слез. Она пыталась привести в порядок чепчик на голове и поправить фартук.

— Я смотрела все его картины! — горячо выпалила она. — Он режиссер! Его имя везде с большой буквы, и нет ничего дурного, что я с ним немного поговорила. Я не хочу из-за этого потерять работу! Пожалуйста, я не хочу, чтобы меня выгнали на улицу!

— Я говорил с вами сегодня днем, — сказал Мастерс, побледнев, — и вы сказали мне, что ничего не знаете о том, что произошло ночью. Это свидетельствует не в вашу пользу, как вы понимаете. Вы когда-нибудь выступали в суде?

Суть происходящего постепенно стала проясняться. В сознании Беннетта Райнгер навсегда запечатлелся довольно отчаянным, изворотливым и циничным типом, и сейчас он удивлялся, почему эта история стала для него неожиданностью. Психологически в случае с Райнгером это было почти неизбежно. Возможно, этот фигляр продолжит и дальше ломать комедию и выкручиваться. Берил Симондс приказали затопить камин и приготовить его комнату загодя. Тогда-то он и увидел ее и, похоже, позволил себе некоторые вольности, щипок или хлопок по мягкому месту, в шутку, конечно (некоторые господа так делают, некоторые нет), и, прежде чем она ушла, в ход пошли туманные намеки. Она не видела его вплоть до одиннадцати часов, когда отправилась спать. Они столкнулись у лестницы — хозяин и его гости возвращались после посещения комнаты короля Карла, Райнгер плелся позади всех, «безумно растерянный и очень странный», внезапно он остановился и посмотрел на нее, пережидая, пока остальные не скроются из виду.

Неизбежно? Ну, идея была примерно такой — она должна была спуститься к нему, когда все уже будут спать. В два часа ночи. Он расскажет ей о Голливуде всё, у него припасена бутылочка джина, а остальные пусть катятся к черту! Конечно, она испытала сильное волнение, это было очень похоже на романтическое приключение, «такое же как в его фильмах, и я представила себя в одном из них». Она была в смятении. И польщена. Вслух же сказала: «Может быть» — и побежала вверх в комнату, которую делила с еще одной служанкой, Стеллой. Берил не выдержала и проболталась Стелле, а та напустилась на нее: «Пресвятая Матерь Божья, ты что, белены объелась? Поди-ка, хозяин видел тебя?

— Ладно, не обращайтесь внимания, — смягчился Мастерс. — Ну и как, вы пришли к нему?

По правде говоря, они с Беннеттом уже начали понимать смысл той оскорбительной реплики, брошенной Райнгером в адрес Кейт Боган в половине второго на лестнице. Берил раскричалась, повторяя снова и снова, что она хотела только спуститься вниз и одним глазом взглянуть на знаменитость. Казалось, она черпает силу из этого довода, будет держаться за него до последнего вздоха и верить им все свои умозаключения, пока не увидит, что...

— ...И когда я спустилась вниз и вошла к нему, я поняла, что ни минутки не должна оставаться там. Потому что мистер Райнгер уже здорово наклюкался, бродил по комнате и разговаривал сам с собой. Он обернулся, увидел меня и начал смеяться. Около минуты он смотрел на меня не мигая, и его лицо было настолько страшным, синим, что у меня душа ушла в пятки, и я стояла как вкопанная. Именно тогда я очень пожалела, что спустилась к нему...

— Так-так, опустим это. Что было дальше?

— Он начал заходить мне за спину. Ключ, я заметила, торчал снаружи, я выскочила за дверь и заперла ее.

Мастерс взглянул на Беннетта и медленно потер лоб.

— Но вы открыли ее снова? — спросил он.

— Нет, сэр! Со страху я не сразу поняла, что всё ещё держусь за ручку. У меня была такая паника, что я не могла пошевелиться. А он, стоя за дверью, и говорит мне, тихо-тихо: «Что это ты задумала?» Сказал и замолк. Потом, слышу, начал злиться и говорит, мол, мне лучше открыть по-хорошему, иначе он разломает дверь и разбудит всех в доме: «Подумай, где ты потом будешь» — и всё такое. Я не знала, что сказать и сказала первое, что пришло в голову: «Лучше не надо, — говорю я, — потому что если вы это сделаете, вы будете выглядеть ужасно глупым ослом, сэр».

Берил тяжело сглотнула. Она смотрела то на одного, то на другого.

— Это всё, что мне пришло тогда на ум! — защищалась она. — Так или иначе, но на господ это обычно действует.

— Допустим, — нехотя согласился Мастерс. — Дальше?

— Я не знала, что делать — и его боялась выпустить и боялась оставаться там, ведь хозяин мог подняться в любую минуту, обычное дело. Я всё-таки решила уйти, и ушла в другой конец галереи. Он больше ничего не говорил и вообще затих, пока не решил выбраться через фрамугу.

— Через фрамугу? Как он был одет?

— Одет? Я не стану молчать!.. — вскрикнула Берил. — За его намеки! Я не стану! Пусть лучше меня выкинут на улицу! Одет... На нем была рубашка с засученными рукавами. Но я знала, что он не выберется через фрамугу, потому что она открывается в другую сторону и совсем чуть-чуть. Он кряхтел и пытался протиснуться в небольшую щелочку, да только весь замарался. Он затих, как будто переводил дух, а потом сказал: «Держу пари, ты ещё здесь. Ладно. Мне надо основательно подзаправиться...» — и захихикал. Я была так напугана тем, как он это сказал, что побежала вверх без оглядки, клянусь, а он так и просидел взаперти до самого утра.

Мастерс опустил голову.

— Зарезали без ножа. Второе объяснение к чертовой матери! И сэр Генри предвидел это, как-то узнал... Так вот какое у этого дьявола было алиби! — Вне себя от ярости Мастерс обернулся к Берил. — Ну, а утром? Что было утром?

— Да ведь я открыла, дверь-то. К тому времени во всем доме говорили только об убийстве. Я ещё подумала тогда: «А-а-а! Только попробуй мне, полоумный, что-нибудь сказать, тут же узнаешь как миленький, что мисс Тайт умерла, бедняжка». — Казалось, Берил вот-вот расплачется. — И это с-сработало. Клянусь, я думала, что его хватит удар. Он схватил меня за руку и выпрашивает: «Это был Боган, да? Где он сейчас?» Я спрашиваю: «Хозяин?» А он выругался, я не могу сказать каким словом, и говорит: «Нет! Другой!» И я сказала, что не знаю насчет мистера Джона, его постель не тронута, но вещи разбросаны, и ещё сказала, что мне нужно идти вниз. Он попросил меня в случае неприятностей сказать кому следует, что я заперла его. Я готова была сказать что угодно, лишь бы он отвязался от меня. А теперь я узнаю от Стеллы, что хозяин сказал, будто всё это проделал он! Ну и дела, и я просто пыталась объяснить этому джентльмену...

— Можете идти! — прервал ее Мастерс.

— Сэр?

— Вы свободны, мисс. Я вас не задерживаю. Возвращайтесь к своим обязанностям. Пока это всё. Не надо хватать меня за руку! Посмотрим, что можно сделать для вас. Черт возьми, я полицейский! Постараюсь сделать всё, что в моих силах...

Когда за Берил Симондс закрылась дверь, Мастерс снова разрезал кулаком воздух.

— Очень наглядно и поучительно, — с горечью признал он. — Я начинаю видеть Райнгера насквозь. Я понимаю ход его мыслей, каждое слово, сказанное им сегодня утром. Теперь мне ясно, почему он не спешил выкладывать свое алиби. Но вряд ли это поможет нам, а?

— Чем занят этот дьявол, что его так долго нет? — спросил Беннетт.

Собственные слова оглушили его. Возможно, эта была реакция на гнетущую

обстановку, которая окружила его и вызвала стойкое отвращение — затхлый воздух, скомканное белье, грязные бутылки, лампа под чудовищным абажуром из пожухлой газеты. Свет пробивался сквозь жирный типографский шрифт. Беннетт мог разобрать только одно слово, вынесенное в заголовок крупными черными буквами. До него стало доходить...

— Так долго нет... — пробормотал он. — Разве нам...

— Чепуха! Вон он уже идет.

Но это был не Райнгер. Это был Г. М., и он был один. Невысокий, но массивный дверной проем, в котором он остановился, казалось, придавил его и сгорбил, впрочем, это нисколько не отразилось на решительной фигуре, глядящей в лицо опасности. Г. М. прошел в комнату, осмотрелся, и закрыл за собой дверь.

— У нас появились новые свидетельства, сэр, — Мастерс достал записную книжку и устало посмотрел в нее. — Знаете вы или нет, но у Райнгера имеется алиби. Есть показания девицы... Так, я зачитаю их вам. Райнгер еще не вернулся, но это обеляет его полностью.

— Не ищите Райнгера, сынок, — угрюмо сказал Г. М. — Он никогда не вернется.

Тихое отчаяние, сквозившее в его словах, было равноценно крику человека, выпавшего из окна. При отсутствии малейшего движения воздуха в комнате на первый план вышла гнетущая тишина. Весь дом словно оцепенел. Беннетт посмотрел на Г. М., который продолжал стоять в дверях, опираясь одной рукой на притолоку, затем его взгляд переместился на пожелтевший абажур из газеты. В глаза бросилось единственное слово:

...УБИЙСТВО...

После некоторой паузы Г. М. подошел к столу и по очереди оглядел всех, кто находился в комнате — Мастерса, Беннетта и Эмери.

— Мы, вчетвером, сегодня вечером соберем военный совет. Мой план остается в силе, и что самое безумное, необходимость в нем возрастает с каждой минутой. Надеюсь, у нас хватит отваги и нервов осуществить задуманное. Мастерс, вы верите в дьявола? В дьявольскую сущность человека, подглядывающего в замочные скважины, подслушивающего у дверей и играющего судьбами людей, как костяшками домино?.. Расслабьтесь. Райнгер мертв. Он был задушен и сброшен с лестницы в комнате короля Карла. Бедняга! Он был слишком пьян, чтобы сопротивляться, но не слишком, чтобы размышлять. Размышления его и убили. Что это у вас в бутылках? Джин? Терпеть не могу джин, но промочить горло не помешает... Он был не очень привлекателен в жизни, еще менее привлекательным он оказался после смерти. Ему можно только посочувствовать...

— Но он пошел... — громко вырвалось у Эмери.

— Угу. Это ты так подумал, сынок. Никто не знал, что парень слишком далеко зашел, чтобы сохранить в голове хотя бы толику разума. Он вышел и сильно удивился, заметив, что кто-то прошел в комнату короля. И этот кто-то задушил его и сбросил вниз... Какой же я надутый осел, а! — сказал Г. М., всплеснув руками, и посмотрел на Беннетта. — Я постоянно подтрунивал над твоими страхами, над тем, что тебе слышалось, а сам просидел в комнате, где за стенкой, под лестницей, всё это время лежал несчастный, глупый Райнгер, с синюшным лицом и багровыми следами от пальцев, стиснувших горло. Но откуда мне было знать! Я догадывался о чем-то таком, но не заподозрил убийства. Мы с Поттером наткнулись на труп, когда осматривали лестницу... Полегче, Мастерс! Куда это вы собрались?

— Спрашиваете, куда я собрался, сэр? — голос старшего инспектора слегка дрогнул.

— Его вычеркнули из списков самым страшным образом, и я собираюсь выяснить, кто где был в это время.

— Нет и еще раз нет, сынок, если только в моих силах остановить вас! Никто в этом доме не должен знать, что Райнгер мертв. Вот что я скажу — сейчас с ним Поттер, и Поттер никого не подпустит к телу. Мы уже ничем не сможем помочь ему, кроме как благоговейно снять шляпы. Он не воскреснет. Мы должны оставить его там, Мастерс, послушайте меня, всего лишь на пару часов. Да, возможно, это надругательство, оскорбление праха, возможно, он не заслужил, чтобы стать марионеткой в шоу, но шоу должно пройти точно в соответствии со сценарием. Когда наша маленькая группа останется на лестнице в полной темноте, всё

должно выглядеть так, будто он просто упал... Ладно. Мне надо выпить...

Дрожащими руками Эмери протянул ему бутылку со стаканом и сел на кровать.

— У меня будет к вам одна просьба, сынок, — обратился к нему Г. М. — Слушайте внимательно и, ради Бога, неукоснительно следуйте тому, о чем я вам сейчас попрошу. Вы единственный, кому они поверят, потому что он был вашим другом. Вы не спускаетесь к ужину. Вместо этого будете сидеть здесь, заперев дверь изнутри. Кто бы ни стучался, кто бы ни просился, кем бы и чем они не прикрывались, вы не открываете. Говорите через дверь, мол, Райнгер начинает приходить в себя, но ему понадобится время, чтобы привести себя в порядок и выглядеть презентабельно. Понятно?

— Да, но...

— Положитесь на меня. Как только закончится ужин, мы поднимемся в комнату Карла для проведения небольшого эксперимента. Неважно, какого именно. Если кто-то придет по душу Райнгера, действовать нужно по той же схеме. Джим Беннетт займет место Райнгера, я стану Марсией Тайт. Я не могу поставить Мастерса прямо посреди всех на верхней площадке, в силу ряда причин он будет нужен мне внизу. Когда мы зайдем в комнату, обещаю, все будут думать, что вы здесь. В это время вы уходите отсюда, идете к нам, встаете в дверях и смотрите в оба. Уверен, вас никто не заметит. Будет темно, одна свеча погоды не сделает. Молчите обо всем, что увидите или услышите, и что покажется вам необычным, пока я не подам знак. Ясно?

Мастерс ударил кулаком по столу.

— Но послушайте, сэр! Хотя бы в общих чертах поделитесь с нами, чего вы ожидаете? Я приму участие в этом безумии, если уж вам так приспичило, но вы же не настолько сошли с ума, чтобы надеяться на то, что убийца выдаст себя с головой, увидев там, внизу, тело Райнгера и вас? Убийца знает, что он там.

Г. М. с любопытством посмотрел на него. Не моргнув глазом, он плеснул неразбавленного джина, налитого на три пальца, в свою акулю глотку и уставился в пустой стакан.

— Вы всё еще не понимаете? Ладно, не переживайте. Кое-что у меня есть и для вас. Будет лучше, если вы спуститесь со мной и взглянете на Райнгера. Боюсь, дьявол оставил неразборчивую подпись, но мы постараемся прочесть ее... Эй! — Он потряс плечо Эмери. — Не падайте духом, сынок! Да и ты тоже. Не за тем я получил такого замечательного племянника, чтобы видеть, как он чахнет тут. Когда спустишься к ужину, держи себя естественно, слышишь?

— Я в порядке, — сказал Беннетт. — Мне просто стало интересно, на сколько персон будет подан ужин? Входят ли в этот список те, которых вы записали в свое представление? Послушайте, это же не лезет ни в какие ворота! Это чертовски грязный прием! Может, для нас это и игрушки, но как насчет женщин? Что они должны почувствовать, глядя вниз? Луизе с лихвой хватило ночных ужасов, так еще и это, хотя вы знаете, что она невиновна. И Кэтрин — вам это тоже хорошо известно. Тогда какого черта пугать их, как детей, тряся перед ними мертвецом, словно резиновым пауком на веревочке?

Г. М. поставил стакан на стол. Своей обычной косолапой походкой он подошел к двери и обернулся, подозвав к себе Мастерса.

— Такой фокус. И пока я не могу раскрыть его. Но обязательно сделаю это. Мой резиновый паук, сынок, должен кое-кого хорошенько укусить, если я не ошибаюсь. Всё, о чем я прошу — не делай того, о чем будешь сожалеть по причине своего неумного правдоискательства. Поэтому умоляю тебя ни единым намеком не распространяться о последующих событиях. Уяснил? Кому бы то ни было. Пойдемте, Мастерс.

Он открыл дверь. По дому прокатился гулкий удар гонга. Сигнал к ужину. Но одновременно с ним в воздухе повисла какая-то фатальная определенность.

Глава 18. Гамбиты переиграны

— Я думаю, — сказал Морис Боган, медленно потирая ладонями друг о друга, как будто хотел довести их до зеркального блеска, — мы почти готовы приступить к любопытному эксперименту, который предложил сэр Генри. — Он оторвался от созерцания своих драгоценных пальцев. — Могу сказать, что вряд ли это приведет к чем-то такому, что укажет нам на убийцу мисс Тайт. Хотя сэр Генри высказал свое пожелание, я бы воздержался говорить что-либо определенное до тех пор, пока некое лицо не будет в состоянии высказаться в свою защиту — всё-таки мы и сами уже многое знаем. Однако...

В дальнейшем подробности этого ужина стерлись из памяти Беннетта. Против собственных инстинктов, против собственной воли что-то заставило его заглянуть в комнату короля Карла, прежде чем он спустился вниз. Он не чувствовал себя до конца удовлетворенным, никак не мог собраться с мыслями, полными тягостных вопросов — имел ли он возможность быть беспристрастным свидетелем всех этих ужасов, оставаясь в границах здравого смысла? Такой возможности, с грустью констатировал он позже, у него не было. За всё нужно платить. Инспектор Поттер стоял на страже в конце темной галереи. За дверью, которую он охранял, не было ни одного огня, кроме лунного света. Дверь на потайную лестницу была открыта нараспашку, тянуло сквозняком, лучи фонариков скакали по каменным ступеням внизу лестницы, где Г. М. перешептывался с Мастерсом. Беннетт подошел к открытой двери. Он не представлял себе, насколько крутым и смертельно опасным был этот каменный мешок с грубыми неровными ступенями, запахом плесени и сыростью погреба, чье дно, казалось, уходило глубоко в толщу земли. Фонарик Мастерса внезапно ослепил его, и он едва сдержался, чтобы не выругаться. Тогда яркий луч резко перешел на другое лицо, которое не выказало никаких возражений своими широко раскрытыми, остекленевшими глазами. Голова мертвеца покоилась на нижней ступеньке.

За ужином Беннетт присоединился к компании из пяти человек: Г. М., Мориса, Вилларда, Кэтрин и Луизы. Всё выглядело невыносимо благопристойным и, к счастью, быстро выветрилось из памяти. Приглашенные молчали и, кроме хозяина, чувствовали себя скованно, словно их сковало ледяное дыхание новой смерти. Войдя в библиотеку, Беннетт воочию увидел Луизу, впервые с тех пор, как прибыл в Англию. Она сидела у камина, никаких вольностей в одежде и легкомысленных причесок: строгое темно-синее платье, открытый лоб, потускневшие волосы разделены прямым пробором и зачесаны назад. Она давно уже сформировалась для него во что-то неизменное среди череды таких же устоявшихся, привычных образов — скромная, незаметная; лицо, напоминающееся только щедрой россыпью веснушек, возраст, который можно безошибочно назвать «вокруг двадцати восьми». Однако Беннетт не ожидал столь быстрых и разительных перемен. Она вся как-то съежилась, плечи упали, лицо померкло и покрылось морщинками — сейчас ей можно было дать не меньше сорока. Это был призрак, но призрак-аристократ. Несмотря на темные круги, ее глаза блестели.

Как во сне, он пробормотал что-то банальное. Говорить было не о чем, а попытка завязать разговор о том, что было у всех на устах, выглядела бы непростительной ошибкой. С приклеенной улыбкой она протянула ему руку, потом так же, как сомнамбула, зажала в ней носовой платок и снова, замороженная огнем, отгородилась от остального мира. Морис, не вылезая из своей заскорузлой чопорности, сыпал комплиментами и раздавал любезности. Он неустанно нахваливал херес и предложил заменить им «мерзость модных коктейлей». Его трескучий искусственный задор, как колотушка слепца, только раздражал. Джервис Виллард был тих и обходителен, кружил среди книг, как тигр в клетке, с проблесками жесткой щетины на лице — трагические события заставили его забыть о повседневных вещах. Г. М., наоборот, шумно и дружелюбно ворчал, охотно шутил и подмигивал, пытаясь всем поднять настроение. Беннетт подумал, что все понемногу начинали вставать на изготовку, хотя о предмете приближающегося ночного эксперимента в открытую не упоминалось. Кэтрин спустилась последней, на ней было простое черное платье, без рукавов, украшений и других изысков, но голые плечи отливали белизной волнистых выступов на фоне темных дубовых панелей.

Для Беннетта ее появление лишь усилило ту печать проклятья, которая, казалось, заблаговременно легла на эту компанию обреченных. Кэтрин была такой близкой, родной,

состоявшей из плоти и крови; она была воплощением красоты, тепла, уюта и других полезных вещей, окружающих с детства жизнь человека. Все остальные, возможно, были лишь чудовищами, нацепившими маску добропорядочности. Один из них уж точно был. Нездоровые подозрения превратили ужин в настоящую пытку. Конечно, они нашли какую-то дежурную тему, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, но ни пылающий камин, ни отменные напитки, ни обильная еда не могли разогнать тучи надвигающейся развязки...

— Я распорядился, — сказал Морис, кивая на свечи, — принести еще один стул.

Шаркающий звук шагов, казалось, изменился и дрогнул.

— Еще один стул? — спросила Кэтрин.

— Для мистера Райнгера, разумеется, — негромко ответил Морис. — Я надеюсь, к нему вернулись прежние силы, и он сможет вознаградить нас своим присутствием. Или ты подумала о чем-то другом, Кейт? — Он изобразил очаровательную улыбку с налетом легкого недоумения и кивнул Томпсону. — Мистер Эмери предупредил меня, что он не спустится к ужину... Вы что-то хотели сказать, сэр Генри? — Его уши моментально уловили посторонний шум.

— Я? Да... Ну... Так, сейчас... Я всегда думаю о чем-то своем... Я подумал — какое счастье обладать таким отменным здоровьем, как у этого Райнгера.

Стулья заскрипели.

— Случай довольно необычный, — согласился Морис. — Представляю себе, такой будет бороться до конца, даже с петлей на шее, пока она не затянется. — Его отвратительная самоуверенность, казалось, била наотмашь. Кто-то звякнул ложкой по тарелке. — Правильно делаешь, Кейт! Ты должна хорошо подкрепиться. Рекомендую этот суп. Если вы настаиваете на том, чтобы, приехав сюда, должным образом переодеться к столу, то вам необходимо было запастись более теплыми вещами. Но, вероятнее всего, вы предусмотрели такую возможность. Наш юный друг из Америки, э-э, кажется, проявляет стойкое отвращение к еде, из чего можно сделать определенное умозаключение, вы позволите мне высказать его вслух? Правда, это будет не очень уважительно по отношению к принимающей стороне, но надеюсь, мой мальчик, э-э, у вас и мысли нет, что вы ужинаете с Борджиа?

— Нет, сэр, — ответил Беннетт и посмотрел вверх. В его висках уже начал раскачиваться гневный маятник. — От Борджиа, по крайней мере, знаешь чего ожидать.

— Ну конечно, — дипломатично маскируя возражение, сказал Морис. — Конечно, американцы... э-э... нашли бы способ изобрести что-нибудь на скорую руку и «протолкнуть» в области питания, а также в любовных вопросах — с этим я не спорю. Но вы и в самом деле так боитесь яда или вы еще не нашли способ дать яд самим Борджиа?

— Нет, сэр. Только касторовое масло.

— Действительно, много ли толку от вашего супа, дядя Морис? — в лоб спросила Кэтрин, откинувшись на спинку стула и истерически расхохоталась.

Грубый смех в гулком помещении прозвучал как лопнувшая струна. Беннетт почувствовал присутствие среди них какой-то новой сущности — пламя свечей слегка дрогнуло, и потянуло сквозняком. Джервис Виллард бросил едкий, сардонический взгляд через стол.

— Я скажу, Морис, — заметил он. — Я не хотел бы прерывать столь приятный диспут о супах и ядах, но давайте побудем благоразумными некоторое время. Должны же мы уяснить себе, что в первую очередь слушать такое неприятно для... — Он замолчал и, казалось, снова угодил в неловкое положение, в чем не раз признавался в течении дня, но особенно жалким он выглядел сейчас, похожий на человека, который во всеуслышание сказал совсем не то, о чем собирался сказать на самом деле.

— Я не возражаю, — голос Луизы был тонким и чистым. Она оторвалась от изучения стола и подняла голову. — Я не хотела отравиться, поверьте. Только уснуть. Это странно, но в настоящее время я не имею ничего против таких вещей. Единственное, о чем я прошу — отвезти меня к поезду, чтобы я вернулась домой и увидела отца в добром здравии.

Они еще не сказали ей о беде, приключившейся с Джоном Боганом, но по тому, как она говорила, многое стало ясным. Беннетт быстро посмотрел на Мориса — он пытался уловить хотя бы часть мыслей, которые крутились за этими бегающими, мертвенно-серыми глазами. Морис словно примерялся к хирургическим ножам, гадая, какой из них выбрать. Похоже, он отложил тот нож, который хотел пустить в ход первым, и взялся за другой.

— К поезду? — удивился Морис. — Мы все аплодируем вашей дочерней заботливости, и мой брат Джон присоединился бы к нам, если бы находился сейчас здесь. Но я боюсь, что полиция не будет так благосклонна. Может быть, кто-то еще не знает? Ах! Ну, мы должны снова сыграть те же роли, что и накануне, мы, видите ли, должны заново реконструировать покушение на несчастную Марсию в комнате короля Карла. Сэр Генри считает, что есть смысл «подвести черту»... На данный момент мне больше нечего сказать, и если я кому-то испортил ужин, то глубоко сожалею об этом.

Невидимая волна прошла по столу, что удивило больше, чем какое-либо зримое воздействие. Перемещения Томпсона были настолько неуловимы, что его присутствие заметили, только когда наступила гробовая тишина. Поддача блюд проходила неестественно громко. Беннетт, не поднимая головы, наблюдал за руками. Руки на фоне темного полированного дерева — двигающиеся, застывшие, перебирающие серебро. Тонкие кисти Мориса, постоянно потирающие друг друга в каком-то призрачном омовении. Розоватые ноготки Луизы, как гвоздики, цокающие по дубу. Лопатообразные верхние фаланги Вилларда, ритмично постукивающего подушечкой указательного пальца по черенку ложки. Руки Кэтрин, столь же белоснежные, как скрученные в трубочку льняные салфетки. Беннетт перевел взгляд на пустой стул, поставленный для Райнгера, и вспомнил сцену у подножия лестницы, где чьи-то руки были заняты...

— Что за бред?! — отозвался Виллард.

— Не думаю, — возразил Морис. — Я уверен, сэр Генри не стал бы тратить время на пустяки.

— Откровенно признаться, мне как-то не по себе ото всего этого, но если нам суждено сдвинуться с мертвой точки, то мы должны это сделать. — Кэтрин ясно дала понять, что намерена идти до конца. — И всё же, дядя Морис, думаю, без мистера Райнгера вы бы не были столь заинтересованы в этой реконструкции, не так ли?

— У меня есть собственное мнение на этот счет, — уклончиво ответил Морис. — Но было бы даже интересней, если бы место уважаемого мистера Райнгера занял кто-то другой. Осмелюсь утверждать, что наш юный американский друг будет значительно более удачлив в деталях, чем мистер Райнгер. Не стоит дальше продолжать эту тему.

Ужин явно затянулся. Он был весьма недурным, но Беннетта уже мучило от парящих блюд, а от застольных бесед, протекающих всплесками под звон посуды, и того хуже. Морис окидывал долгим критическим взглядом каждую тарелку. Часы пробили половину девятого. Когда Томпсон начал расставлять графины, Кэтрин и Луиза собрались было ускользнуть из-за стола, но трескучий голос Мориса остановил их. Г. М., нередко словоохотливый и неусидчивый за столом, на этот раз молчал, погрузившись в раздумья. Шум в столовой исходил только от Мориса, зачарованно коловшего орехи — щипцы в его маленьких руках взрывались оглушительными щелчками. Обычный домашний звук в сложившихся обстоятельствах приобретал зловещую окраску — огонь в камине угасал, в окна, выстроившиеся по одной стороне, уже светила высокая луна.

Крак — и скорлупа еще одного ореха сухо треснула. Беннетт резко отодвинул от себя чашку остывшего кофе.

— Полагаю, — не отрываясь от своего занятия, сказал Морис, — всем уже не терпится начать. Вряд ли это что-то изменит и как-то укажет нам на подлинного убийцу мисс Тайт. И хотя сэр Генри был исключительно настойчив, требуя от меня неразглашения всех фактов, тем не менее, я уверен, что почти ни у кого не осталось сомнений. Но эта реконструкция должна быть интересна некоторым из нас. — Крак! Небольшие стальные челюсти сомкнулись в очередной раз. — Особенно нашей дорогой Луизе. Ха-ха-ха! Кроме того, я готов повторно прочесть вчерашнюю лекцию о тайнах «Белого Монастыря». Сэр Генри, что если мы устроим полный исторический обход всего дома, как это было прошлой ночью?

— Нет! — рявкнул Г. М. и немного напугал тех, кто уже начал забывать о его присутствии. — План детально продуман, и я не вижу причин вносить изменения. Есть строгий маршрут, мы начнем отсюда и поднимемся в комнату короля Карла. Мда. Кстати, если хотите, можете читать свою лекцию — я не возражаю. Кроме того, я не вижу большой пользы от себя в роли Тайт. А? Нет. Мы просто представим, что она здесь, среди нас. В темноте это легче сделать. Представим, что она идет вместе с нами. Мы пойдем вперед, остальные могут пристроиться за нами в том порядке, в каком следовали вчера ночью.

Морис поднялся.

— Ну что ж, вполне разумно. Луиза с моим другом Джервисом. Малышка Кейт с мистером Беннеттом вместо нашего отсутствующего друга. Я искренне советую всем придерживаться своей вчерашней позиции. Что касается меня, я так часто разговаривал с умершими женщинами в этом доме, что едва ли нанесу ущерб своему воображению, увидев последнюю из них идущей рядом со мной. Томпсон, вы можете потушить все свечи, кроме одной?

Каждая потухшая свеча символизировала собой темный гвоздь, которым забивают дверь в прошлое. Даже если это было недавнее прошлое — ночь, разделившая вчера и сегодня. Лунный свет, проникая через окна, придавал зыбким силуэтам и лицам цвет снятого молока. Ноги перемешались. Небольшое желтое пламя дрогнуло, когда Морис поднял свечу повыше. Этим движением он вызвал к жизни потемневший и потрескавшийся от времени холст, на котором была изображена женщина в желтом — на время все замерли, пораженные непостижимой силой ее взгляда, пока свеча снова не ушла вниз.

— Туда, — сказал Морис.

И снова зашуршали шаги по каменному полу. Острое, как булавка, пламя двигалось впереди. Беннетт чувствовал, как рядом с его рукой трепещет рука Кэтрин. Как только они вступили в лабиринт коридоров, Морис неожиданно заговорил приятным, сильным голосом.

— Есть одна интересная деталь в биографии этой телесной усладительницы, — говорил он, ухмыляясь куда-то в черную пустоту вокруг свечи, — что помимо романа с монархом, который можно было бы сравнить только с упорством провидения, стерегущего в ночи, ее жизнь главным образом отличает связь с четырьмя мужчинами. Один был актером, второй драматургом, третий бравым командиром, ну и последним являлся, собственно, ее самовлюбленный супруг.

— Речь идет о Барбаре Вильерс Палмер, первой леди Каслмейн, впоследствии герцогини Кливлендской. Актером был Чарльз Харт, внучатый племянник Шекспира и великий трагик Друри-Лейн⁴¹, о таких говорили, что они могли научить любого правителя вести себя по-королевски. Драматургом был Уильям Уичерли, остроумная собака, ха-ха, который удостоился лестного отзыва ее светлости⁴² за «наиболее проникновенное и сочувственное изображение всех сторон общества в свете всего самого достойного и правдивого, что было создано на этом поприще стараниями лучших умов». Бравый командир — это Джон Черчилль, прославившийся (из-за любви к деньгам) как первый герцог Мальборо. Мужем был незаметный, тихий книжник, Роджер Палмер, не имевший абсолютно никакого влияния.

— Были и другие, конечно. Был грязный канатоходец, выходец из низов, именовавший себя Джекобом Холлом, который иногда разыгрывал сценки Джуди и Панча на ярмарке Святого Варфоломея. Позднее в ее коллекции оказался старый седовласый волокита по прозвищу Красавчик Филдинг, который добивался ее руки, чего и добился в итоге. Между прочим, у этого Красавчика Филдинга, редкостного проходимца, была взрослая дочь. Порой я задаю себе вопрос, что если бы колесо капризного времени повернуло по другой колее...

Впереди Беннетта мерно покачивались расплывчатые силуэты Луизы и Вилларда, но было видно, как девушка сильно побледнела и напряглась, высматривая что-то в темноте. Луизу снова одолел беспричинный страх, она вся затряслась, словно ее пробирал ужасный холод, и Виллард мягко коснулся ее руки. Беннетт мог поклясться, что где-то впереди скрипнула половица — либо под ногой Мориса, либо Г. М. Он оглянулся — вдвоем с Кэтрин они заметно отстали от всех остальных. Ее глаза отчетливо светились в полумраке.

— Это там, где... — прислушиваясь к звукам, сказала она.

— Да, и я — Райнгер.

Он дотронулся до ее плеча, напряжение в мускулах достигло своего апогея. Это был безумный шаг, но безумием неизбежности было всё, что вело к комнате короля Карла. Всего одна секунда или несколько мгновений обжигающего бездействия — и вот он почувствовал, как тело Кэтрин начало дрожать, рот округлился, губы зашевелились, а сам он услышал, как в бешеной скачке несется его собственное сердце, и вслед ему шелестят обрывки слов: «... с моим другом Джервисом. Малышка Кейт с мистером Беннеттом...» Он потянулся к ней, но она вырвалась прежде, чем он успел предупредить ее: «Когда доберемся до *той* лестницы, не смотрите вниз». Ему показалось, что, должно быть, он всё-таки произнес эти слова вслух, хотя был уверен, что ничего не говорил, а потом его внезапно прошиб холодный пот — кажется, он забыл, где находился в ту ночь настоящий Райнгер.

Любовь и смерть, смерть и любовь, и губы Кэтрин. Свеча уходила всё дальше и плыла уже вверх по лестнице, касаясь портретов в высоких золоченых рамах, сделанных почти в полный рост. Неожиданно из темноты выскочил другой портрет проклятой женщины. Была ли то Барбара Вильерс или Марсия Тайт, но женщина на портрете улыбалась. Он бросил быстрый взгляд и удивился, увидев, что теперь рядом с ним шла Луиза. Она не смотрела на него — она шла, стиснув руки и дергаясь, как марионетка, всеми сочленениями. Между тем, голос Мориса звонким ручейком продолжал журчать где-то впереди.

— ...вдоль этой галереи. Вы можете видеть кресла, принадлежавшие королевскому двору; герб короля — корона, поддерживаемая двумя львами, восстающими на задние лапы, и переплетенными внутри литерами CR, — врезан в верхнюю лицевую часть спинки.

Беннетт пробормотал что-то на ходу Луизе, но был шокирован ее взглядом, отрешенным от всего постороннего и устремленным строго вдаль. Пламя свечи приблизилось к двери в спальню короля.

— И здесь... — Морис на секунду замолчал, а затем воскликнул. — Дверь! Она заперта!

— Э-э, да. Да, это так, — вмешался Г. М. — Всё нормально, не обращайтесь. Ключ у меня. Сейчас я всё устрою.

Было слышно, как ключ поворачивается в замочной скважине. Беннетт подумал: «Сейчас начнется!» Это была мысль человека, прыгающего с завязанными глазами в бездонную пропасть.

— Проходим прямо на лестницу! — неожиданно громко прокатился по галерее голос Г. М. — Соблюдаем порядок прошлой ночи. Не стесняемся, не стоим на месте! Вот так...

Свеча выхватила из темноты приоткрытую дверь потайного хода. Из него веяло ледяным холодом. Беннету показалось, что народу было слишком много, чтобы уместиться на узкой площадке. Кто-то тяжело вздохнул. Морис первым, прикрывая свечу рукой, шагнул внутрь. Кэтрин проследовала за ним. Беннетт, не зная, что делать, оттого что так и не вспомнил, где точно стоял Райнгер в ту ночь, просочился за Кэтрин в слабой надежде, что ей не хватит духу посмотреть вниз. Он надеялся, что пламя свечи не настолько яркое, чтобы проникнуть так далеко. Следующим вошел Виллард, и завершил процессию Г. М., которому пришлось взять под локоть Луизу. Оглядевшись вокруг, Беннетт убедился, что с верхней площадки невозможно было увидеть подножия лестницы. Необузданная, иррациональная сила воображения подхватила его, и он почувствовал, как ему закладывает уши, словно он находился в переполненном вагоне подземки, несущемся с погашенными огнями в черном тоннеле. Фантастичность картины довершили могучий торс Г. М. у двери и мертвая фигура внизу.

— Так, теперь, — сказал Г. М. — я на секунду закрою эту дверь и встану по возможности там, где она стояла, потом кто-нибудь из вас задует свечу. Затем я посвечу вам фонариком, пока вы перемещаетесь, как перемещались тогда, и посвечу вниз, чтобы показать вам, как бы она выглядела, если бы ее кто-то толкнул на самом деле. И если вам повезет увидеть что-то внизу, на ступенях... — Г. М. открыл дверь пошире, выскочил наружу и хлопнул дверь. Порыв воздуха задул свечу. Тьма окутала их.

Чувствовать себя на краю пропасти в полной темноте неизмеримо ужаснее, чем чувствовать то же самое при свете. Кажется, что крошечная тьма сжимается за вашей спиной, чтобы затем со всей силы толкнуть вниз. «Достаточно одного неосторожного движения...» — пронеслось в голове Беннетта. Та же мысль, очевидно, посетила всех, по толпе пробежала дрожь, кто-то ахнул, и Беннетт с ужасом обнаружил, что его пятки висят в воздухе.

Внизу что-то шевелилось.

— Я больше не могу, отпустите меня! — позади него раздался чей-то громкий шепот.

Первой не выдержала Луиза Карью. В дрожащем, срывающемся голосе нарастали истерические нотки, переходящие в стоны, как будто ей только что сделали болезненный укол.

— Вы не можете заставить меня, — металась она. — Вы не заставите меня идти туда. Я знаю, вы хотите заставить меня, но я не буду этого делать. Я не буду, слышите? Выпустите меня. Включите свет!..

— Я толкнула бы ее снова. Мне не жалко. Сколько угодно!.. Ох, ради Бога, включите свет и выпустите меня отсюда, пока...

Поднялась какая-то невообразимая суeta. Беннетт почувствовал, что его ноги продолжают скользить в пустоту, рука хватается за воздух — желудок подпрыгнул вверх, а всё остальное тело, казалось, летит вниз. Но даже в эту секунду, краем сознания, он понимал, что не должен хвататься за кого-нибудь, иначе вместо одной будут две сломанных шеи. Каблуки зацепились за шероховатый камень, туловище развернуло вокруг оси, и спина поползла по стене.

Он всё еще был там и не упал только потому, что его схватили за плечи и силой втащили наверх. На полусогнутых ногах, чьи мышцы гудели, как натянутые струны, он протиснулся сквозь давку и нырнул обратно в комнату короля.

— Свет! — услышал он крик Г. М. — Эй там, у двери! Эмери! Зажгите свет!

Блики отраженного и рассеянного света проникли на лестничную площадку. Плечи ныли, ноги тряслись, но, пошатываясь, Беннетт смог выпрямиться, после чего перестал походить на краба, цепляющегося за жизнь. Кейт Боган помогла выбраться остальным. Комната наполнилась растерянными людьми, испуганно оглядывающимися назад, будто за ними катилась бомба. Г. М. сохранил умопомрачительную гримасу, которая гарантированно послужила сигналом Эмери, застывшему у выключателя, больше чем шумные выкрики Луизы Карью. В голове Беннетта промелькнула фраза Г. М., когда он инструктировал Эмери: *«Молчите обо всем, что увидите или услышите, и что покажется вам необычным, пока я не подам вам знак...»*

Что? Что за дьявольская игра, и что там можно было рассмотреть?

Беннетт смотрел на Луизу, оказавшуюся в центре внимания. Морис тупо улыбался, Виллард в недоумении провел ладонью по лицу.

— Не смотрите так на меня, — вполголоса проговорила Луиза. Дыхание ее участилось, волосы спутались. Быстрым взглядом исподлобья она окинула всю группу. — Разве у вас ничего нет, кроме дешевых фокусов? Ну разве это не дешевка, и даже хуже дешевки? Я толкнула ее. И что? Я бы сделала это снова.

Морис поднял бронзовый подсвечник, словно приветствуя последние слова.

— Спасибо, моя дорогая, — ласково произнес он. — Это всё, что сэр Генри и я хотели бы знать. Ты покушалась на убийство, но не убивала мисс Тайт, теперь мы знаем, что это сделал Райнгер. Мы просто хотели завершить картину. Вот и всё — сэр Генри и я позаботились о том, чтобы наступила ясность.

— Что значит «вот и всё»? — тихо спросил сэр Генри, будто не верил собственным ушам.

Ему пришлось повысить голос и повторить вопрос.

— Вы же сами дали понять, что всё прошло удачно, — Морис пустился в

разъяснения. — Она призналась, что пыталась убить Марсию. Вы ослышались? Нет. Дальше вы намекнули, что она не спускалась к павильону и не возвращалась до окончания снегопада.

— Вы совершенно правы, — сказал Г. М. — она не делала этого. Я попробовал поставить прозрачный эксперимент, но, кажется, даже сейчас вы не понимаете, что это было. Цель достигнута, но вы не понимаете — какая. Я хочу, чтобы все сели. Угу, вот так. Садитесь. Заприте дверь на ключ. После того, как мы переведем дух и примем самые удобные позы, я намерен рассказать вам о том, что случилось.

— Я возьму с девушки слово, что она сделала то, о чем говорила. Но она никогда не ходила к павильону, хотя и намеревалась. Я не говорю, что она убила Марсию Тайт, я не говорю, что она ее *не* убивала. Всё, что я могу сказать — это то, что она упала в галерею, приняв большую дозу веронала, и никуда не пошла.

— Слушайте, вы сошли с ума, — сказал во время паузы Виллард. — Вы говорите, что она не спускалась к павильону и в то же время заявляете, что Луиза может быть виновной. Господи, скажите прямо — если она не ходила туда, следовательно, она невиновна.

— О, не знаю, не знаю. Как сказать... Ясно одно, тупоголовые мои, Марсия Тайт была убита в этой комнате.

Глава 19. Тень убийцы

— Хо-хо, — продолжал Г. М., хитро озираясь вокруг. — Вы думаете, что услышали от старика бред сумасшедшего лунатика, да? Лунатик доберется до убийцы прежде, чем кто-либо из вас улизнет отсюда. Никому не двигаться! Это самое благоразумное из того, что могу предложить, по крайней мере, будете чувствовать себя в безопасности, пока я здесь рассказываю вам...

Моргая близорукими глазами, он подошел к большому креслу за письменным столом и устало опустил в него. Затем вынул из кармана черную трубку.

— Правильно, Джимми, кресла для дам. Мисс Карью помягче... Так, мадемуазель, успокойтесь... Остальным молчать! — Он грубо оборвал Мориса, в котором проснулась тихая ярость.

— То, что я сделал, расширяет круг заново с тех пор, когда благодаря вам он вроде бы как сузился, — уже более спокойно продолжил Г. М. — Я предоставляю вам возможность догадаться самим, прежде чем докажу, что человек, находящийся сейчас в доме, пришел в эту комнату и разбил голову Марсии Тайт... Хм. Нет, пожалуй, пока оставим орудие убийства в покое.

Сегодня мы уже заслушали две весьма интересные гипотезы о том, что делал убийца. Обе оказались далекими от истины. Весь интерес в них свелся к случайным озарениям и проблескам разума, плоды которых принесли за собой достаточную правдоподобность, но, как вы можете догадаться, привели к неверному результату. Я сидел и ломал голову, но, сожгите меня, чем дольше я сидел и думал, тем больше убеждался, что столкнулся с чудом, невероятным случаем массового помутнения сознания — ни одному человеку не пришло в голову самое простое и очевидное объяснение, помогающее избежать всяких фокусов-покусов и слонов-невидимок⁴³ из других гипотез.

Так вот, я хочу преподать небольшой школьный урок и дать салют в честь победы здравого смысла. Помимо себя я получил еще одного свидетеля определенных вещей, которые случились несколько минут назад, так что мне нет нужды беспокоиться о том, чтобы повесить убийцу. И я сделаю это; конечно, убийце предстоит выдержать небольшой экзамен, пока я буду излагать свои школьные формулы. Хо-хо. Затем, первое — я просто перечислю несколько фактов, которые все знают и всеми признаны. Второе — если вы еще не дозреете к этому времени, я официально представлю свое объяснение, то есть обвинительную речь. Третье — ноль препятствий, если вы позаимствуете несколько по-настоящему хороших идей из двух других объяснений и заправите ими пирог вместе с моими маленькими логическими выводами.

— Хм, смотрите, — толстыми пальцами он сонно мямлил свою трубку, которая торчала во рту чашкой вниз. — Прошлой ночью, незадолго до полуночи, Тайт начала нервничать и проявлять нетерпение, а потом попросила, чтобы ее проводили к павильону. Общеизвестный факт, не так ли? Ее проводили туда, когда часы перевалили за полночь, и она совсем потеряла голову. Чуть погодя Виллард возвращается, но она почти сразу же выставила его за дверь. Судя по тому, что сообщил мне Мастерс со слов Вилларда, она несколько раз выходила в гостиную, чтобы посмотреть на окна в этой комнате. Так?

— Довольно! — сказал Виллард сухо. — Вам не кажется, что повторное изложение давно известных фактов в настоящее время выглядит по меньшей мере обременительным?

— Угу. Сожгите меня, но это говорит о том, что ваши интеллектуальные резервы способны повергнуть меня в отчаяние. Я обнаружил, что в одном месте Джон Боган говорит, что его встреча с Канифестом произошла в начале вечера, в другом — что это было в десять часов. Не будем спорить. Остановимся на том, что встреча в редакции произошла в более позднее время — в десять часов. Вы еще, кажется, не успели осознать, что, даже если это было так поздно, по всем правилам он должен был вернуться сюда не позднее полуночи. Мы смотрим на это с точки зрения Тайт, которую заставили ждать, чего она никогда и никому не позволяла делать раньше и уж конечно не собиралась менять свои привычки в эту ночь. Мы будем смотреть на это с точки зрения женщины, чьи вопросы жизни и смерти зависели от того, с какими новостями вернется Боган из города и которые, к слову, могли быть неутешительными. Если вы свидетельствуете, что она была сама не своя до полуночи — какой же, вы думаете, она должна была быть в половине первого? И проходит еще полчаса нервного ожидания, а его до сих пор нет. Каково же было ее душевное состояние тогда?

Но я не хочу уходить от констатации фактов. Известно ли нам, то есть вам, что эти боковые окна, — Г. М. указал на них трубкой, — можно увидеть из окон павильона? Угу. Известно ли нам, что она несколько раз за время пребывания там Вилларда подбегала к окнам в гостиной? Да. Наконец, мы точно знаем, что в час ночи, когда она была на пике отчаяния, в этой комнате зажигается свет.

Морис выпрямился в узком кресле и ткнул тростью в пол.

— Самое удивительное в том, — мягко сказал он, — что вы наверняка знаете, что это не имеет никакого значения. Наверняка вы осведомлены, что это Томпсон зажег свет и оставил его включенным до возвращения Джона, когда убирался в комнату и готовил бутерброды?

— Конечно я знаю об этом, — кивнул Г. М. — Томпсон рассказал мне. Но как быть с Тайт — откуда *она* могла знать об этом? Вот мужчина, которого она ждет, который уже целый час как опаздывает. И тут загорается свет в его комнате. Но разве он пришел, чтобы увидеть ее, как должен был сделать сразу после возвращения? Нет. Наоборот, мой мальчик, этот свет продолжает гореть долго и ярко; и женщина, уже основательно сбита с толку, отмеряет еще полчаса. Но и тогда ничего не происходит.

Я не растягиваю розовые горизонты вероятности, когда рисую психологический портрет Тайт. Она знала, что Джон не мог просто так вернуться домой и забыть о ней, когда их совместные планы на будущее неотложно жаждали новостей, которые он должен был привезти из Лондона. Она бы решила, что новости были плохими, и Джону не хватило духу рассказать ей всё как есть. Но к какому бы решению она ни пришла, думаю, вы согласитесь со мной, она должна была оттолкнуться от чего-то более основательного.

И, возвращаясь назад к очевидным фактам, мы приходим к не очень-то ошеломляющим выводам, что в половине второго начинает лаять собака и таинственная тень скользит по лужайке.

Как я уже говорил, я сидел и думал, и меня осенило, что наиболее вероятной кандидатурой на роль этой призрачной фигуры была сама Тайт. Беда, что все мужчины упорно хотели видеть только того, кто выходил из дома к павильону и никто не удосужился посмотреть в обратном направлении. Вы отказывались туда смотреть даже тогда, когда у всех подозрительных женщин в доме оказалось алиби. Я не прошу вас поверить в это сразу, пока я привожу вам доказательства, но то, что такая возможность была, поразило меня в первую очередь. Потому что вопрос решался кардинально и сравнительно просто, понимаете, ее пребывание здесь, в этой комнате, было абсолютно незаметно для

окружающих. Она могла пересечь лужайку. Она могла подойти к черному ходу и подняться по лестнице через дверь, которую, как она знала, мисс Боган держала открытой, ожидая Джона, и которую она увидела ранее, в ту же ночь, когда все собрались на площадке потайного хода. Откуда ей было знать, — резко повысил голос Г. М., — что Джона здесь не было?

Вот так я и увидел, как она тронулась в путь и как смертельно испугалась, когда неожиданно рядом с ней в темноте залаяла огромная овчарка. Ребята, что бы вы подумали, окажись на ее месте? Она же не знает, что собака на привязи и не сможет сорваться, человек просто слышит, как рядом с ним, грозно обнажив клыки, заявляет о своем беспокойстве здоровенная псина. Несомненно, женщина остолбенела от неожиданности и ужаса, не зная, в какую сторону ей податься — бежать ли вперед, повернуть ли назад или лучше стоять не двигаясь. Скорее всего, она попробовала и то, и другое, и третье. И если это не соответствует тому, что делала «таинственная фигура» миссис Томпсон, скажу честно, это станет для меня большим сюрпризом. Но пока она в раздумьях. Она боится бежать назад, к павильону, ибо лай раздается с той стороны. Затем она видит, как мисс Боган выглядывает за дверь, чтобы посмотреть, не вернулся ли Джон. Она не понимает, что бы это значило, но это действует на нее как знамение судьбы, спасительный маяк. Тогда она, сверкнув очами, смело устремляется вперед к заднему крыльцу, открывает дверь и медленно поднимается сюда по лестнице короля. К тому времени снег валил во всю.

«Точка!» — подумал Беннетт и похолодел от ужаса. Внезапное подозрение начало закрадываться в голову, но он отбросил его. Пробежала волна страха, порожденная кем-то, сидящим рядом с ним, и после этого все услышали приглушенные шаги. Кто-то невидимый поднимался по ступеням потайного хода.

— Кто там? — осторожно спросил Джервис Виллард.

— В общем-то я не обязан говорить вам, кто... — спокойно сказал Г. М. — Вы еще не догадались? Там Райнгер, Карл Райнгер. Мертвец... Нет, никому не двигаться! Все вы боитесь, потому что невинные думают, что для меня это будет равносильно признанию, если они так сделают. Сидите тихо и знайте, что Карл Райнгер был задушен здесь сегодня днем.

Ночью Тайт, никем не замеченная, тайно поднялась по этой лестнице (пока это предположение), примерно как тот, кого вы сейчас слышите, только нынешнего гостя ждет полиция, как Джек Кетч⁴⁴ из «Панча и Джуди». Она вошла в комнату. Пусто. Она не знала, что думать, но постепенно до нее стало доходить. В конце концов, Джон мог еще не вернуться. Хорошо, что она делает дальше? Она не хотела, чтобы кто-то узнал о ее присутствии здесь, она была слишком осторожной, чтобы выставлять напоказ какие-либо шуры-муры с Джоном. И если она нашла постель Джона нетронутой в половине второго ночи, то...

Но вот что я хотел бы подчеркнуть сразу: она не могла вернуться назад. Вернулись бы вы, если б знали, что где-то там в поисках добычи рыщет злобная тварь, готовая в любой момент разорвать вас на куски? Снова испытать ужас, когда вы только-только отошли от шока и уже думали о чудесном спасении — на такое не каждый осмелится. Нет, в этих четырех стенах она была в безопасности. Когда-нибудь Джон всё равно придет. Она приняла некоторые меры предосторожности. Я хочу, чтобы вы подумали над тем, какие это могли быть меры, пока я...

— Пока я собираюсь доказать, что ее убили здесь. — Он занес свою широкую ладонь над крышкой стола.

Посмотрите на этот павильон. Сосредоточьте свое внимание на каминах. Их там два, в гостиной и спальне, Томпсон затопил их еще до двенадцати часов. Думаю, все согласны, без драк и постных физиономий, что гостиной не пользовались в полной мере. Все посиделки проходили в спальне. Зачем держать пылающий камин там, где никого нет?

Что же мы получили? Мы получили два камина, огонь в которых горел равное количество времени, доказательством чему служат две одинаковые кучки золы, оставшиеся после того, как огонь погас сам по себе — всё это вы видели своими глазами. Нас хотят убедить в том, что три с половиной часа огонь в небольшом камине горел неугасимым пламенем и тепла от него было достаточно, чтобы снежной декабрьской ночью в спальне буквального ледяного дома такая избалованная тепличная орхидея, как Тайт, чувствовала

себя вполне комфортно, несмотря на то, что с тех пор, как разожгли камин, огонь в нем больше не поддерживался и оставался ровно таким, как и в соседней комнате, где никого не было. Нас хотят убедить в том, что в четверть четвертого она спокойно распивала портвейн с убийцей, сидя в неглиже перед бушующим пламенем, хотя на самом деле еще за час до этого всё, что горело в камине с двенадцати часов, давно превратилось в золу.

Не нужно быть провидцем, чтобы увидеть, что оба камина догорели примерно в одно и то же время, потому что поддерживать огонь в них было просто некому, Тайт уже покинула павильон.

Учитывая вышесказанное, мы можем предположить, что в павильон она больше не вернулась, оставшись ночевать в доме, где и была убита примерно в четверть четвертого.

И вот, вместо того, чтобы заниматься новыми фактами, я обнаружил себя возвращающимся к пройденному материалу. Это была улика, которая не просто говорила сама за себя, она кричала так громко, что некоторые тупоголовые заметили это и бросились энергично притягивать за уши ее смысл, хоть под рукой находилось настоящее объяснение. Я имею в виду бродящую по галерее загадочную фигуру, которая испачкала кровью руки мисс Карью. Печальное событие случилось после трех часов ночи. Автор гипотезы совершенно прав, когда задается вопросом: «Почему убийца поступил необъяснимым образом — пошел мыть руки в дом вместо того, чтобы помыть их в павильоне?»

Звездопад собственных умозаключений очаровал теоретика. И он начал приплетать какую-то заумную чепуху о мифических героях и еще более дикую ересь, к тому же абсолютно не обоснованную, о жестоком нападении на Тайт с использованием охотничьего хлыста. А в это время истинный ответ валялся прямо под ногами — убийца не возвращался из павильона, потому что его там попросту не было. Тайт убили здесь. Правда, как просто? Я сказал себе: «Конечно, он шел. Он шел к ванной, он искал воду, потому что, говорил я себе, в этой комнате воды не было, об этом мне сказал Мастерс, им даже пришлось послать за тазиком, когда Джона Богана обнаружили здесь с огнестрельным ранением».

Стояла звенящая тишина. К Беннетту возвращались самые яркие воспоминания. Морис обреченно опустил плечи.

— Я благодарен вам, — пропищал он в ответ, — за столь превосходную оценку моих скромных усилий. Но мне кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните. Вы возвращаетесь, сделав столь впечатляющий круг, к тому, чтобы снова обвинить в убийстве моего брата Джона, не так ли ?

Он с трудом поднялся и стоял покачиваясь. Г. М. склонился вперед.

— Нет! — пророкотал он громовым голосом. — Я не... Не обязательно... Вы внушаете оптимизм, Боган, становится теплее. Вы стоите на грани объяснения невозможной ситуации. Говорите же! Еще немного и дело будет раскрыто... Что такое?

Человечек шагнул к столу и оперся на него. Глаза превратились в узкие щелки.

— Джон вернулся с плохими новостями, — заговорил он, — и нашел ее в этой комнате. Он думал, что убил Канифеста; он был в отчаянии и ярости; его не волновало то, что с ним случилось, будущего не было, и когда она бросилась к нему, ослепленный гневом, он начал буйствовать, ударил ее и убил.

— Он пришел в себя и начал осознавать свое положение, — продолжал Морис. — Никто не видел, как он убил Канифеста. За это он мог быть спокойным. Но если тело Марсии найдут в этой комнате, у него не будет никаких шансов избежать виселицы. Единственное, что ему оставалось — это дожидаться утра и отнести тело в павильон, создать ложное впечатление, что она была убита там, подтасовать улики, сделать себя обнаружившим тело и... и всё! Да... Всё-таки это он убил ее!

Г. М. с трудом приподнялся в кресле.

— Я же сказал, сынок, что становится теплее, — рявкнул он. — И даже после того, как вам поднесли яблочко на блюдечке с голубой каемочкой, вы умудрились промахнуться. В этом, тупоголовые мои, лежит часть всего — всей невозможной ситуации. Вы уже начали видеть?

Теперь вы понимаете, почему у Джона окончательно сдали нервы этим утром, и он пришел сюда, чтобы застрелиться? Что вынудило его это сделать? вспомните, что Мастерс сказал мне? Джон был в столовой с двумя или тремя из вас. И он подошел к окну. Что же он увидел? Говорите!

И снова Беннетту пришлось обратиться к своей памяти.

— Он увидел, — сказал Беннетт, не узнавая собственного голоса, — он увидел Поттера, рассматривающего следы на снегу, потому что Райнгер сказал...

— Потому что Райнгер объяснил. Угу. И он спросил у Мастерса, что тот делает. На что Мастерс с диким простодушием, всех последствий которого он и сам еще тогда не представлял, ответил следующее: «Измеряет ваши следы». Почему это выбило из колеи Джона? Не потому что Райнгер наговорил умных и трескучих фраз. А потому что ранним утром Джон отнес в павильон мертвую женщину и решил, что это выдало его с головой. Вот вы где застряли! Фантастическая карусель из детских фокусов со следами напрочь вскружила вам головы и отшибла мозги. Большой и сильный человек, несущий тело в павильон, идет по слишком тонкому слою снега, чтобы на нем образовались глубокие следы от двойного груза. Райнгер сказал одну правильную вещь. Он сказал, что следы выглядели бы по-другому, если бы слой снега был толще. Действительно, следы бы ушли слишком глубоко. Но когда снега немного... Теперь-то вы поняли, почему эти следы были такими четкими и правильными по форме, как сказал Поттер, и почему особенно хорошо отпечатались носки сапог?

Лицо Г. М. утратило деревянное выражение. Он вошел во вкус.

— Разве я не говорил вам, что кто-то разбил графин и стаканы перед камином; что кто-то разбил их намеренно, чтобы создать впечатление, что они разбились в пылу борьбы? Разве не интересно — для чего это было сделано? Он должен был представить доказательства, что ее убили в павильоне.

Сейчас я очень медленно, шаг за шагом, расскажу вам, что он сделал. Он не убивал эту женщину. Он нашел ее мертвой, как только попал сюда. В этом рассказе вы должны увидеть вопиющие, убийственные доказательства против того, кто ее убил. Но вернемся к началу событий.

Она ушла из павильона, погасив весь свет. Она пришла сюда, как я уже говорил, и не могла вернуться назад, опасаясь собаки. С этого места в моем рассказе убийца, который обнаружил ее здесь и разбил голову, пока побудет в черном тумане. Он оставляет ее в этой комнате, на кровати, — показал Г. М., — или еще где-нибудь. Туман рассеивается в конце, когда на сцену выходит Джон Боган.

Он вернулся из города. Он думает, что убил Канифеста, и, единственное, что его спасет — фальсификация времени возвращения домой. То есть, если он сможет каким-то образом доказать, что приехал сюда в то время, когда в Лондоне, как он всё еще думает, был убит Канифест, и предъявить алиби и свидетеля, который может поклясться, что в момент смерти Канифеста он был здесь, а не в Лондоне — это спасет его. Как просто, не находите? Он должен во что бы то ни стало иметь такое алиби! Это жгло его мозг всю дорогу, пока он сломя голову несея сюда. Устрой это! Устрой это любым способом! Так что, приехал он сюда взвинченным, диким зверем, не знающим, чего его мозг может выкинуть в следующую минуту. И что же он видит? Он поднимается в дом, приходит сюда и находит Тайт мертвой, в собственной комнате!

Послушайте, вам ничего не бросилось глаза в его поведении сегодня утром? Человека поставили аккуратно между двумя палачами, вот вам и пожалуйста! Теперь, если он инсценирует алиби и скажет, что он не мог быть с Канифестом, потому что был здесь, на него повесят труп женщины, оказавшийся в его комнате. Если он признается, что вернулся домой в то время, в которое действительно вернулся, его могут повесить за смерть Канифеста. Какой бы путь он не избрал, в конце всё равно ждет петля. Он не знает, кто убил Тайт. Он даже не знает, как она здесь оказалась. Он знает одно — что он попал в ужасное положение и должен найти такой выход, чтобы пройдя по канату над бездной, его не качнуло в сторону того или иного обвинения.

Мог ли он, например, сделать вид, что несет ее обратно в дом, будто убили ее в

павильоне? Тогда он мог бы надеяться на подтасовку со временем приезда домой и рассчитывать, что судьба пошлет ему какого-нибудь свидетеля, который сможет подтвердить это. Где она могла предположительно провести ночь? Он вспоминает о павильоне. Может, она там? Нужно выяснить, нужно кого-то разбудить и спросить. Он также вспоминает о прогулке верхом, назначенной на утро.

Всё это нужно было увязать воедино. Вот где проступает рациональное звено в рассуждениях Райнгера. Он переодевается в одежду для верховой езды, так что если она действительно провела ночь в павильоне (а все считают, что это так), у него будет благоприятный предлог для «нахождения» ее ранним утром. Он будит дворецкого, который говорит ему, что она там и что лошади будут поданы к семи часам. Бог услышал его молитвы! То, что против нас, нам же и поможет. Со стороны конюшни павильон как на ладони, и, самое главное, оттуда прекрасно просматривается входная дверь! Если он не поспешит до рассвета, кто-то, готовящий лошадей для конной прогулки, может увидеть его, несущего тело... с другой стороны, если бы он мог принести ее, принести туда всего на несколько минут раньше, оставить и вернуться к входной двери, подождав, пока кто-нибудь не появится на конюшне и кого можно было бы окликнуть, чтобы показать, будто он только что вошел в павильон, чтобы «найти» ее — он был бы спасен!

Г. М. водил в воздухе пальцем, словно размахивал кинжалом.

— Теперь вы поняли смысл обгоревших спичек? Он отнес ее и положил на пол всего за несколько минут до внезапного появления Джима Беннетта. Прошло настолько мало времени, что следы были еще свежими. Между тем, начало светать, но дневного света было недостаточно (я обстоятельно рассмотрел этот момент со своим племянником), чтобы Боган мог четко ориентироваться и скрупулезно выполнить все этапы подготовки ложного места преступления. Улавливаете суть? Он не осмелился включить свет. Большое окно выходило напрямую к конюшне, где уже находились люди. Боган не мог допустить, чтобы свет вспыхнул здесь прежде, чем его увидели входящим в павильон — иначе потом на справедливые вопросы «как» и «почему», нужно было находить срочные и убедительные ответы.

— Осторожнее, сэр! Там на окнах жалюзи. Почему бы ему просто не опустить их?

Г. М. моргнул.

— Держишь меня за старого осла? Много твои жалюзи скрывают света, разве его не увидели бы точно так же? Разве мы не вместе с тобой видели сквозь щели в них, как Виллард что-то искал там днем. Знаешь, забавно смотреть, как все до одного ответы на эти вопросы повторяются на наших глазах вроде бы как для нашей же пользы. Не надо меня перебивать, слышишь! Черт возьми, я только набрал обороты, аж сам заслушался.

Он жег спички, когда двигал мебель, бил стаканы; он стащил с нее меховое пальто и галоши и спрятал их в гардеробе, куда я заглянул в первую очередь. У него не было ничего, чтобы выдать за орудие убийства, хотя он пытался подсунуть нам кочергу. Могу сказать, что это точно не она — ни крови, ни волос. Через пару минут сумасшедшей работы жертве было придано окончательное положение в этом спектакле. Затем он подошел к двери, увидел через дорогу Локера, поприветствовал его, потом вернулся, провопил какую-то зверскую жуть, как нелюдь, — что не было похоже на него и поначалу вызвало у меня подозрение, — и поспешил обратно к двери, где и встретил Джима Беннетта, бегущего вниз по лужайке.

Кстати, я слышал, что руки у него были липкими. Это не показалось тебе странным, сынок, липкая кровь, хотя женщина была убита несколько часов назад? Это не означало бы, что он ее убил. Это означало, что тело подверглось сильным сотрясениям, когда его перемещали туда-сюда, чего не случилось бы, если бы его просто осмотрели, не трогая. Поэтому, возможно, он как-то потревожил запекшиеся раны, из которых начала сочиться кровь, хотя сердце давно остановилось, и большей частью кровь должна была свернуться к этому времени.

Кто-то вскрикнул. Г. М. посмотрел на всех так, словно готовился восстановить тишину, щелкнув хлыстом.

— Всё было приготовлено, — хмуро продолжил он. — Парень сделал всё толково, кроме одного. Он забыл про снег. Вы удивитесь, но он был потрясен, когда Джим Беннетт

указал на это, и ответил, что это ничего не значит. Теперь вы понимаете, почему он мог позволить себе расслабиться, когда Виллард предположил, что Тайт убили в павильоне, а это могло означать, что той ночью там состоялось любовное свидание. Свидание, ребята, или у вас всё ещё шоры на глазах, как на том большом окне? Что, ни у кого нет желания взять мозги на абордаж? Ладно, отдыхайте пока. Он думал, что учел всё. Теперь он мог в открытую заявить всем, что прибыл домой гораздо раньше, чем это произошло на самом деле. Если что, он мог спокойно сказать, что не убивал Канифеста, потому что был здесь в то время, когда Канифест был убит.

Плечи Мориса Богана затряслись от беззвучного, невеселого смеха.

— Остановитесь, сэр Генри! Я должен был додуматься, я ведь выдумщик, что именно здесь ваша гипотеза даст трещину. Как интересно! Вы декларируете безусловную невиновность моего брата, заявляя, что все эти чудесные манипуляции служили определенной задаче, состоявшей из двух частей. Первая — и здесь я легко соглашусь с вами — перемещение тела Марсии: в случае, если труп будет обнаружен не в его комнате, он мог бы отвести от себя подозрения. Но вторая — лгать о настоящем времени своего возвращения домой — полностью опровергает всю вашу конструкцию. О времени он не лгал. В действительности же этим ярким и почти неразрешимым обстоятельством вы делаете из моего несчастного брата убийцу. Он прибыл вскоре после трех. Спустя несколько минут, по свидетельству медиков, Марсия была убита. Ну так как?

— Совершенно верно, — сказал Г. М. — Именно этот факт заставляет меня быть абсолютно уверенным в том, сынок, что ваш брат не совершал убийства.

— Что? — опешил Морис. — Боюсь, сэр Генри, сейчас вы несете чепуху.

— О, это не чепуха! Одна минута и вы поймете. Вот человек, которому нужно доказать, что он не совершал двойного убийства: не убивал Канифеста и не убивал Тайт. Так? Он хочет сделать одну вещь, обставив свое прибытие раньше, чем было на самом деле, и в то же время ему нужно сделать другую, поменяв место убийства и перенести тело. Хм. О'кей. Если он действительно убил Тайт, то должен знать, когда она умерла. Вполне нормальное предположение. Тогда какого черта он хочет, чтобы время его приезда, о котором он говорит, почти совпадало с тем временем, когда она была убита, снайперски точно обставляя момент своего возвращения несколькими минутами *ранее* времени убийства. Это невероятно безмозглый, самоубийственный способ навлечь на себя подозрения, особенно в свете того, что дорога из Лондона на автомобиле занимает какие-то двадцать минут или полчаса, что не будет иметь никакого значения! Почему он сказал неопределенно — «в три часа или около этого»? Почему бы ему не отодвинуть это время немного назад, «убив» одним алиби сразу двух зайцев, что в нашем случае означало бы одно доказательство невиновности на два убийства? Слышу ваше возражение: «Он не мог солгать, потому что Томпсон слышал, как он приехал». Такое не прокатит. Он заикнулся о времени задолго до того, как узнал, — никто в мире не может предвидеть такие случайности, — что Томпсон не спал из-за зубной боли и что он мог рассчитывать на него. Он рассказал эту историю умышленно, потому что... Должен ли я вам зачитать телеграмму?

— Телеграмму? Какую телеграмму?

— От Канифеста. Я получил ее только что, перед ужином. Весьма интересный текст, — Г. М. извлек из внутреннего кармана сложенный листок бумаги. — Собственно говоря, я спрашивал его о времени встречи с Джоном Боганом у него дома прошлой ночью.

«Отправился домой, — пишет Канифест, — только после того, как утренний выпуск «Глоб Джорнал» пошел в печать, ровно в 2.45 утра. Нашел гостя, ждущего у черного хода, и повел к себе в берлогу. Не помню, в какое точно время он ушел, прихватило сердце, наверное, вы знаете, но уверен, что не ранее 3.30».

Г. М. бросил бумажку на стол.

— Он сказал — в три часа, потому что думал, что этого времени достаточно, чтобы обезопасить себя от обвинений в убийстве Канифеста, — мол, к тому времени, ребята, я уже был здесь. На самом деле он не мог добраться сюда раньше, чем через час или два после этого.

— Но ведь кто-то же добрался! — бурно отреагировал Виллард. — Кто-то же приехал

сюда в десять минут четвертого! Кто это был?

— Убийца, — сказал Г. М. — Он выжал до капельки всё везение мира, проскочил в игольное ушко. Он привлек самые благоприятные стечения обстоятельств. Ему сопутствовали самые невероятные происки удачи, какие только могли послать природа, судьба и безумие. Он обманул нас в наших же глазах, но... Хватайте его, Мастерс!

Тишине пришел конец. Дверь в галерею распахнулась одновременно с дверью на лестницу, словно они были связаны единым механизмом, и также одновременно в комнату вошли два человека. Оба выхода были перекрыты. У выхода на лестницу стоял инспектор Поттер, у выхода в галерею Мастерс. Старший инспектор зачитал короткую речь, исполненную сухой и неизбежной формальности: — Герберт Тиммонс Эмери, я арестовываю вас за убийство Марсии Тайт и Карла Райнгера. Я должен предупредить вас: всё, что...

Высокая рыжеволосая фигура замерла на мгновение, затем, схватив стул, бросилась с ним в ноги Поттеру, не ожидавшему нападения, смела его со своего пути и, что-то выкрикивая, ринулась в образовавшийся черный проход. Поттер успел схватить край пальто и ботинок. Дальше произошло то, чего никто не хотел — раздался крик и случилась катастрофа, за которой наступила тишина. Поттер, белый как полотно, пошатываясь и тяжело дыша, стоял на площадке и смотрел вниз, пытаясь что-то разглядеть в темноте.

Глава 20. Июнь над Уайтхоллом

На черной двери, выше небольшой служебной таблички «Сэр Генри Мерривейл», белой краской старательно, но неряшливо и криво, было написано несколько предупреждений:

Занят! Не беспокоить! Посторонним вход воспрещен!

Ниже, видимо, для самых бестолковых шла устрашающая приписка:

Вас это тоже касается!

В коридоре под древней крышей Уайтхолла было тепло и душно, как в кроличьем садке. За веерным окном лестничной клетки шевелилась молодая листва деревьев.

Кэтрин взглянула на дверь и замялась.

— Но тут написано, — смущенно сказала она.

— Ерунда! — воскликнул Беннетт и толкнул дверь.

Оба окна были открыты, но июньский воздух был слишком ленив, чтобы выветрить из сумрачной комнаты застоявшийся запах табака, дерева и бумажной пыли, зато охотно доносил сюда гомон набережной. Стертые каблуки были заброшены на стол, подпирая телефонный аппарат. Большая лысая голова склонилась на грудь, очки сползли на кончик носа, глаза были закрыты.

Беннетт постучался в дверь изнутри.

— Прошу прощения, сэр, что потревожили, — сказал он посреди свиста и храпа, — но мы думали...

Г. М. открыл один глаз, сверкнувший как амальгама:

— Подите прочь! Никого не принимаю, черт возьми! Я выслал вам отчет об аккордеонисте вчера днем, и если вы хотите знать, почему клавиша «соль» сыграла определенную роль в смерти Робретта, не поленитесь сунуть туда свой нос и сами всё поймете. Я занят! Я... Эй, кто там? — Он уселся прямо и нахмурился. — А, это вы, парочка... И как я не догадался? И как меня угораздило не догадаться, что никому, кроме вас, не взбредет в голову беспокоить меня, когда я занят важным делом, а? Проклятье, я не вижу здесь ничего смешного! Это очень серьезный вопрос, это режим Дарданелл⁴⁵, и только что главнейшая деталь этого дела вылетела у меня из головы! Это связано с миром во всем мире! — Фыркнул он и с раздражением посмотрел на них. — Уф! У вас вид счастливых голубков, и это ужасно.

— Счастливых? — прорычал Беннетт, срываясь с любезного тона. — Сэр, позвольте объяснить вам...

— Тс-с, — цыкнула на него Кэтрин. — Веди себя прилично! Разошелся!

Г. М. время от времени бросал угрюмые взгляды поверх очков то на мужчину, то на женщину, то на обстановку в своем кабинете.

— Вы фактически заставили сиять заново эти авгиевы конюшни! Они гнетут меня, но ничего не поделаешь — мне нравится их запах. Ну, я полагаю, вам лучше зайти. Пожениться что ли решили? А-а-а! Ждете моего благословения? Ох, и заварили вы кашу. Смотрите у меня, если что! Угу!

— Вы хотите сказать, что забыли, что сегодня ровно месяц, как мы женаты? — спросил Беннетт. — Наверное, вы также забыли, как вели невесту к алтарю? И что Кейт остановилась у вашей дочери, после того как старый добрый дядя Морис вышвырнул ее из дома?

— Старый Морис? — проворчал Г. М. Глаза его мерцали. — Конечно же сейчас я вспомнил. Хо-хо! Ну, коль вы уже пришли, полагаю, это дело надо спрыснуть. Угу. Послушайте, я, конечно, нагнал на вас страху. Вы ведь подумали, что это он там накуролесил, в «Белом Монастыре». Как Париж?

Они сели с другой стороны стола. Беннетт колебался.

— Именно об этом невероятном деле мы и пришли поговорить, — признался он. — Вот. Ну, через пару дней мы отплываем в Нью-Йорк и хотели бы еще раз вернуться к некоторым моментам. Вы знаете, как-то не получилось собрать картину воедино из-за этой суматохи с задержанием Эмери и попыткой бегства. Мы знаем, что он умер в госпитале через два дня после того, как упал, а, может, бросился вниз с той лестницы...

Г. М. разглядывал свои пальцы.

— Угу, я ждал от него что-то в этом роде. Он был неплохим парнем, этот Эмери. Фактически, я склонялся к тому, чтобы отпустить его; я колебался насчет всего этого дела, пока он не убил Райнгера только потому, что тот застал его врасплох. И это было грязно. И всё дело сразу стало грязным. Убийство Тайт было преступлением на почве страсти, результатом горячей крови, ударившей в голову — и по-человечески я его понимал. Я не хотел видеть его повешенным за это, но злой умысел в другом...

— Во всяком случае, сэр, все узнали, что он убил ее посеребряной крышкой радиатора. То есть той, которая стояла на его автомобиле, когда я увидел его в первый раз. На следующий день, когда он приехал в «Белый Монастырь», была уже другая — бронзовый аист. Тогда эта замена, хоть и удивила меня, в памяти не отложилась. Но после того, как вы всё узнали, как вычислили его — все просто сошли с ума.

— И еще, — вставила Кэтрин. — К чему вы затеяли этот небольшой спектакль с реконструкцией, ведь на самом деле всё это время вы знали, кто убийца?

Г. М. моргнул, бросив тоскливый взгляд на беззаботных, полных жизни молодых людей, которые сейчас, откровенно говоря, должны были оставить мертвых в покое.

— Ну, — устало вздохнул Г. М. — вы все еще слепы, а? Мне необходимо было заманить его в ловушку, ведь только так я мог доказать его вину. Я не люблю распространяться о такого рода вещах. Странно. Погодите-ка. Где-то здесь, у меня в столе, лежит признание Эмери, которое он сделал перед смертью.

Сопя и бормоча себе что-то под нос, он наклонился и порылся в недрах стола. Вскоре он достал из ящика несколько скрепленных листов канцелярской бумаги голубого цвета. Г. М. смахнул с них табачный пепел и взвесил в руке.

— Это человеческая трагедия. Я имею в виду, сынок, это была человеческая трагедия. Теперь это всего лишь «Дело номер такой-то». В конце подобных дел всегда находишь много разных признаний типа «я сделал то-то и я страдал от этого», но на бумаге всё выглядит так гладко, что вы вряд ли поверили бы тому, что там и в самом деле кто-то страдал. Таких у меня в столе целая куча. Но этот приятель, Эмери, действительно прошел через муки. Адские. Несколько ночей я продолжал видеть его лицо перед собой. Я люблю

погони и шахматные задачки, но мне не доставляет удовольствия смотреть, как чья-то жизнь три минуты болтается на волоске, и понимать, что эта жизнь может быть твоей. Сынок, это самый веский аргумент против смертной казни, какой только можно себе представить. Беда Эмери в том, что он безумно любил эту красивую пустышку и пиявку Тайт.

Он тупо уставился на голубые листы, а потом швырнул их перед собой.

— Ты о чем-то спрашивал? Голова немного того, когда на дворе лето. Ах, да! Заметки на полях, взгляд назад... Во-первых, у меня не было никаких причин его подозревать. В то утро я скорее отнес бы его к тем немногим, кто не убивал. Понятное дело, что я знал про отравленные конфеты, знал, что он не собирался ее убивать, когда посылал их. Это был всего лишь рекламный трюк пресс-агента — именно то, о чем он говорил, и о чем я тогда подумал. Что сбilo меня с толку. Он представлялся мне суетливым, пробивным неврастеником, такие не успокоятся, пока не добьются своего, даже ценой преступления, а совершив его, долго не находят себе места, пока в конце концов кому-нибудь не признаются. И в этом я был прав — я полагал, что рано или поздно он сломается, так и получилось. Он никогда бы не убил ее, о чем кричал на каждом углу, и я верю ему, даже той ночью, приехав в «Белый Монастырь», пока... Но об этом в двух словах не расскажешь.

Когда я сидел там и думал о доказательствах, две-три вещи не давали мне покоя. Помните, я говорил вам про свою идею о Тайт, возвращающейся в комнату Джона? Угу. И когда я изложил вам эту идею, я сказал, что она приняла некоторые меры предосторожности. И я еще попросил вас подумать, что это были за меры? Понятно, тогда у меня не было ни одного доказательства, хромое привидение не в счет, но если бы я пришел к выводу, что она решила немного отдохнуть в комнате Джона, то я должен был бы довести свою идею до совершенства и в психологических нюансах. Итак, в комнате она одна. Джон не вернулся. Она не хочет, чтобы ее видели здесь, ведь для всех она сейчас находится в павильоне. Ну и что же по-вашему она сделала?

— Заперлась изнутри. Я имею в виду, заперла дверь в галерею, — сказала Кэтрин. — Я бы, например, поступила именно так.

— Да. И это беспокоило меня. Она, разумеется, никому бы не открыла, кто бы ни стучал и ни покушался войти со стороны галереи. Если она действительно заперла дверь изнутри, значит вы автоматически можете исключить из числа подозреваемых всех, кто находился в доме. Вы видите, как это расширяет возможности. Но тогда я просто не мог этого сделать. Это заставило бы меня придти к неизбежному выводу — Джон возвращается домой и убивает ее, так как очевидно — он был единственным, кто мог это сделать, исходя из фактов, которые прямо указывали на него. Каждый факт! Но сожгите меня, я не верил в виновность Джона!

По нескольким причинам я отбросил всякую мысль об этом, но был еще один довольно любопытный момент, я говорил тебе, когда у меня только-только стало что-то наклеиваться. Начнем с идеи, что человек, который спешит домой и на совести которого уже есть одно убийство, вынашивающий отчаянные планы, как избежать ареста, исполненный ужаса от того, что он натворил, шарахающийся от каждой тени и трясущийся от страха быть пойманным — ну есть ли вероятность, что такой человек, на грани полной прострации, сможет совершить такую хладнокровную и жестокую расправу, которую учинили над Тайт?

Я усомнился в такой возможности. Я также подверг сомнению предположение, вытекающее из этой возможности: якобы убийство произошло вскоре после возвращения Джона. Понятно, что я имею в виду? Он не имел причин приходить в неистовое бешенство от Тайт, наоборот, он думал, что Тайт смертельно разозлилась на него, и от этого он нервничал. Итак, в доме слышно, как в 3.10 въезжает автомобиль. Убийство имело место в 3.15. Разумно предположить, что он спешил и убил ее сразу, как только увидел (при этом не имея ни малейшего представления о том, что она находится у него в комнате) — всё экспромтом, без причины и вообще без шансов на какое-либо объяснение с той или иной стороны. Соответствует ли хоть что-то из вышесказанного тому состоянию Джона Богана, который, по общему признанию, думал, что он только что убил Канифеста?

— Постойте, сэр, — перебил Беннетт. — Допустим, он не знал, что Марсия была замужем. И Канифест, которому проговорился Эмери, сказал ему об этом. Не становится ли

это причиной для того самого неистового бешенства, в котором он возвращается домой?

Г. М. убрал руку, которой прикрывал очки.

— Держи карман шире! — проворчал он. — Сейчас ты задал глупый вопрос. С какой стати это должно было его завести? Он был ее любовником. Ни о каком браке между ними и речи быть не могло. Мало того, что его устраивал этот статус, так он еще, образно говоря, вместе с ней строил виды на брак с душкой Канифестом. Если бы у него действительно были какие-либо возражения по поводу этого, и он не знал, что она уже замужем, неужели бы он в таком случае не поинтересовался бы: «Послушайте, Канифест, вы часом не шутите?» Если бы он был ревнив, то эта была бы скорее ревность к богатому и влиятельному человеку, такому как Канифест, нежели к ничтожной, бледной фигуре, держащейся на заднем плане. Зачем вообще, находясь в привилегированном положении и не стремясь под венец, любовник должен проявлять какие-либо признаки агрессии в отношении мужа? И тут я подумал про себя: «Ярость, да? Эта штука не похожа на ярость любовника, который обнаружил, что его любовница замужем. Здесь более тонкая материя. Это чертовски смахивает на ярость мужа, который обнаружил, что у его жены есть настоящий любовник!

— Вы намекаете, что Эмери был не в курсе?..

— Потерпи немного, сынок. Мы только еще подходим к доказательствам. И вот что меня поразило. Как я уже говорил, я сидел и думал, и там среди прочего проскочила одна мысль, которая пришлась мне не по вкусу. Это относительно той таинственной фигуры с окровавленными руками, которая бессмысленно кружила по галерее и наткнулась на Луизу Карью. Как так вышло, что они натолкнулись друг на друга? Вы знаете, что крошка Луиза с охотничьим хлыстом в кармане решила дойти до павильона и разукрасить мордашку Тайт, но под воздействием лошадиной дозы снотворного выбрала неправильный маршрут, то есть повернула не в ту сторону (вы могли бы добавить, что наркотик был настолько сильным, что она могла не заметить, что собралась идти по снегу в одних домашних тапочках) и упала, когда кто-то столкнулся с ней. Но почему «ослеп» убийца? Конечно, он мог бы избежать столкновения, нырнув куда-нибудь в сторону, тем более с такими смертельно опасными уликами буквально на руках, и сделал бы это, если бы... если бы знал, куда шел. Другими словами, он неуклюже бродил в темноте в поисках места, где можно было бы вымыть руки, и плохо ориентировался в окружающей обстановке, потому что никогда раньше не был в этом доме.

— Это не являлось доказательством, но внезапно я вспомнил, что являлось таковым. Эмери был единственным из группы, кто не верил, что Тайт была убита в павильоне. Помните, Райнгеру, когда он разговаривал с ним по телефону, пришлось чуть ли не кричать в трубку: «В павильоне, точно в павильоне, говорю тебе...» И даже тогда Эмери не поверил, подумав, что Райнгер спьяну перепутал, а потом в разговоре с нами еще сказал, что он нес ахинею! Потрясающе запоздалой мыслью до меня дошло, что это было самым убийственным свидетельством против себя среди всех, когда-либо услышанных мной из уст обвиняемого, и это особенно врезалось в память.

Что мне еще оставалось, как не воскликнуть: «Вот оно! Что у тебя есть? У тебя на руках все признаки и вещи, которые, как считаешь ты, указывают...

У тебя есть предположительно запертая дверь в галерею, что указывает на убийцу, пришедшего извне. Но ты не веришь, что это мог быть Боган. У тебя вырисовывается абстрактный человек, который не знает дома, который не находится в доме и который приехал на автомобиле. И теперь у тебя начинает проявляться реальный человек, из плоти и крови, человек, удовлетворяющий всем требованиям, кроме того думающий, что женщина была убита не в павильоне».

Теперь какие возражения. Первое возражение, которое было настолько сильным, что разваливало дело еще до суда — как мог Эмери, приехавший сюда посреди ночи и впервые оказавшийся в доме, безошибочно выбрать комнату, где была эта женщина, тем более, что она вообще собиралась находиться не в доме, а в другом месте.

На секунду я задумался, а потом меня осенило. Ведь это кажущееся затруднение могло, предположим, только предположим, могло стать разгадкой всего убийства! Вот Тайт ждет Богана в той комнате, не решаясь идти назад в павильон. Но Джону было велено

прийти туда сразу, как только он приедет. Предполагается, что она ждет его в павильоне, сгорая от нетерпения. Допустим, он пришел бы в павильон, обнаружил, что ее там нет, и закатил бы скандал. Ну? Как бы вы поступили на ее месте?

— Я, наверное, — после продолжительной паузы сказала Кэтрин, — ждала бы у окна и как только бы увидела въезжающий автомобиль, спустилась бы по лестнице к черному ходу, выглянула бы за дверь и сказала ему, что я здесь.

Она замолчала.

— Угу, — сказал Г. М., мрачно кивая головой. — Думаю, вы заметили, что крыша каретного сарая закрывает почти всю подъездную дорожку, кроме последнего участка у самой конюшни. Я лично проверил это. Из комнаты короля Карла виден только небольшой фрагмент подъездной дорожки, так? Вы слышите, как въезжает автомобиль. Вы извелись в одиночестве и ожидании, и вам в голову не придет, что в три часа ночи это может быть совсем не тот автомобиль, который вы ждете. Хорошо, ваши действия? Вы в своем весьма откровенном пеньюаре либо выглядываете в окно, либо та же комбинация происходит внизу, с задней дверью — в любом случае вы тихим голосом зовете человека, которого ждали всю ночь и который, как вы думаете, вот-вот должен выйти из автомобиля, говоря примерно следующее: «Джон! Джон! Я здесь...» или что-то близкое по смыслу... Слушайте!

Он слегка пошуршал голубыми листами.

«Засим присягаю здесь и надеюсь предстать с этим перед Господом. Клянусь, я не хотел убивать ее. Я никогда не думал, что Карл был прав. Я думал только, что мне нужно приехать в это место и увидеть всё собственными глазами, иначе я сойду с ума. А случилось всё так. Когда я попал в больницу после того, как съел (и это правда) конфету с ядом, ко мне пришел Карл и сказал: «Ну хорошо, я доказал тебе, что за ними стоит Канифест, их ангел-спаситель, а теперь, если у тебя кишка не слишком тонка для этого, пойдя и скажи ему, что ты женат на ней. Великий Христос, — говорил он, — все принимают тебя за недоумка. Ты когда-нибудь собираешься вести себя как настоящий мужик? Этот парень, Боган...» И тут он рассказал мне всё с самого начала, о чем всегда говорил и раньше, только я его не слушал. Она поклялась, что это неправда. Она всегда клялась, когда говорила о чем-нибудь, что это неправда. Она сказала, что если я дам ей свободу для самовыражения, она будет самой верной женой в мире и не посмотрит ни на одного мужчину, кроме меня.

И Карл сказал: «Ты знаешь, почему из всей страны он везет ее именно туда? — И добавил: — Ладно, если ты мне не веришь, съезди туда сам и убедись лично». Он сказал, что лучше приехать ночью, попозже, чтобы, говорил он, это стало для них сюрпризом. Он сказал, что она будет в том мраморном павильоне позади дома, и мне надо немного пройти вглубь, и я сразу увижу его. Еще сказал, чтобы я шел прямо туда, где мог бы в разгар веселья застать их вдвоем...

И я не мог ничего поделать с собой, я не смог бы успокоиться, пока бы не сделал этого. Но у меня были большие проблемы с машиной, ремень вентилятора разболтался и двигатель мог перегреться, думаю, что еще радиатор подтекал и прочее...»

— Ты заметил, — сказал Г. М., резко глянув вверх, — как дымилась решетка радиатора у его автомобиля в то утро, когда мы проходили мимо?

«Итак, я приехал туда. Впоследствии я обнаружил, что мой автомобиль не оставил никаких следов, потому что вокруг росло много деревьев, и снега под ними почти не было. Машина остановилась на подъездной дорожке, под крышей. Мне было интересно, где же этот мраморный павильон, о котором они говорили, как вдруг я увидел, что движок снова плюется паром. Я решил выйти и охладить мотор, засыпав в радиатор немного снега. Вышел и открутил крышку. Она была чертовски горячей, но на мне были перчатки. Стояла беспроглядная темень, и тут я слышу, как за моей спиной кто-то тихо зовет с крыльца...»

— А сейчас напрягите немного свои мозги, — ласково сказал Г. М.

«Даже тогда она не поняла, кто это был. Я не высовывался. Я не знал, куда иду, но опустив пониже голову, просто следовал за ней. Мы поднимались по каким-то ступеням, в темноте, она что-то продолжала говорить, пока мы не добрались до спальни, и тогда она обернулась и увидела, кто шел за ней.

Я не владел собой и не осознавал, что делал. Я ударил ее и бил снова и снова этой увесистой штукой, которую сжимал в руке. Не помню, сколько раз я ударил ее.

Я почти ничего не помню. Я пришел в себя только после того, как она затихла и перестала двигаться, и увидел, что натворил. Я пытался оживить ее, разговаривал с ней, но всё было бесполезно. Пришлось снять перчатки, чтобы посмотреть, что с ней случилось, и когда я увидел на своих руках кровь, я понял, что она мертва.

Снова наступил провал в памяти, однако где-то краем сознания я понимал, что нужно помыть руки. Я боялся, что на пути в Лондон меня мог остановить какой-нибудь местный коп и спросить права или что здесь проверяют на дорогах, а у меня руки в крови. Таким образом, я пошел искать ванную и столкнулся с кем-то в темноте, отчего изрядно перепугался.

Я думаю, что после всех этих ударов прошло довольно много времени; очнувшись, я обнаружил себя сидящим возле нее и шепчущим что-то. Я пошел наугад, наткнулся на кого-то в потемках, чертовски испугался и вернулся назад. Я уже достаточно контролировал себя, чтобы надеть перчатки и сунуть крышку в карман. Я вернулся в комнату, спустился по лестнице и вышел на крыльцо. И я знал, что если они услышат работающий двигатель, кто-нибудь из них может выглянуть в окно, к тому же женщина, с которой я столкнулся, могла поднять тревогу. Но подъездная дорожка идет под горку к шоссе, поэтому всё, что мне нужно было сделать, чтобы добраться до главной дороги, это отключить передачу и подтолкнуть автомобиль, следя за тем, чтобы машина шла ровно и не застряла в какой-нибудь рытвине...»

— Когда он приехал, все спали и никто не вышел, — продолжал Г. М., — поэтому не было никого, кто позже смог бы подтвердить слова Томпсона, что это был Джон Боган. Собственно, Джона и не было, сейчас для вас это уже не секрет, где-то до пяти часов, когда Томпсона сморило в сон. Вы, наверное, помните, что я спросил его об этом...

Но вернемся назад. Теперь вы понимаете, что серебряный треугольник, этот крошечный кусочек, отколовшись от крышки радиатора во время убийства, стал главным ключом ко всей интриге. Джон нашел его, он понятия не имел, что это такое, но это была единственная улика, которая находилась в его распоряжении. Когда он относил тело Тайт в павильон, он думал, что тем самым обезопасил себя. Но когда он увидел Поттера, измеряющего следы, то страшно испугался и...

— Сейчас он чувствует себя значительно лучше, — спокойно сказала Кэтрин.

— Угу. Он еще не был готов признаться в том, что сделал. Какой изощренный, безумный поступок — зажать улику в кулаке, прежде чем нажать на курок! Поняли? Он знал, что здесь находится старший инспектор Мастерс, всевидящее око Скотленд-Ярда, и надеялся, что Мастерс, видящий сквозь стены, расшифрует послание и кем оно было оставлено.

Идем дальше! Еще когда Морис рассказывал нам свои басни, у меня начало закрадываться подозрение в отношении Эмери. Но тогда я не знал, какое орудие было использовано, а Мастерс ничего не сказал о железяке. У меня не было абсолютно ничего против Эмери, образно говоря, я не мог показать ему козу и сказать: «Руки вверх!» Всё, что я мог сделать, это как можно дольше держать его у себя перед глазами. В настоящий момент он находился в доме на правах друга Райнгера, но пулей бы вылетел оттуда, сменись настроение Мориса с хорошего на плохое. Ищи тогда ветра в поле. Он не присутствовал в доме в момент преступления, поэтому я не мог его вызвать даже в качестве свидетеля!

Оставалось раскрыть некоторые свои секреты и шепнуть Морису: «Дайте Райнеру и его другу возможность расслабиться и утратить бдительность. Задержите их. Делайте вид, что вам приятно их общество, а потом посмотрим на их реакцию, когда сработает ваша бомба». Поданная идея подействовала на тщеславного Мориса самым благоприятным образом. Я притворился, что наполовину верю его гипотезе. Также я не имел права допустить, чтобы Райнгер протрезвел. Если бы алиби Райнгера, как он сказал, действительно подтвердилось бы, его и Эмери немедленно выставили бы из дома, ибо в этом случае Морис теряет возможность насладиться Райнгером, шагающим на эшафот. А тем временем, сынок, я должен был всё время опережать события; я должен был работать быстро, чтобы подтвердить или опровергнуть свои потаенные мысли насчет Эмери. Сынок, верь-не верь, но я исходил потом и кровью, это факт, пока Мастерс не преподнес мне, как

манну небесную, таинственный кусочек серебристого металла.

Г. М. глубоко вздохнул и снова потянулся к голубым листам.

«Я заметил, что от крышки радиатора отломился довольно крупный кусок, и понял, где его мог оставить. Потом, когда я узнал, что Марсию нашли в павильоне, и все решили, что и убили ее там же, я подумал, что если осколок обнаружат, то мне конец. Но хватит ли им мозгов, размышлял я, чтобы догадаться, где ее убили на самом деле?»

И всё же лучше было не рисковать. Если бы я только мог проникнуть в дом! Но я не знал, как это сделать, до тех пор пока этот старый чудака не выскочил с просьбой позаботиться о Карле, и вдобавок сказал, что мисс Боган приглашает меня отужинать с ними. Я знал, что в этом есть что-то фальшивое, но еще не понимал — что, а он вроде как дал понять, что у них на меня ничего нет. Это был шанс! И когда он предложил мне присмотреть за Карлом, черт возьми, имея в виду проследить, чтобы тот не очухался раньше времени — я согласился, кроме того, у меня были причины бояться, что Карл вычислил меня той ночью. Я выдал себя ему, когда мы разговаривали по телефону, потому что не знал, что позже тело за каким-то чертом перенесли в другое место. Но я решил, что Карл был слишком пьян, чтобы помнить, и надеялся, что он забудет об этом разговоре.

Но он не забыл. Увидев, что он в очередной раз отрубился, я дождался, когда стемнеет, проскользнул в ту большую комнату и начал поиски. Оказалось, что Карл только притворился спящим и выследил меня. Я шарил вокруг и вдруг увидел, что он стоит у меня за спиной. Карл спросил: «Что ты здесь делаешь?» Я ответил: «Ничего». И тогда он сказал: «Врешь!» — и как пошел орать, что я убил ее, поэтому мне пришлось заткнуть ему рот. Я схватил его за шею...

Они могли надеть на меня наручники сразу после того, как я сбросил его вниз. Но никто ничего не слышал, внизу поднялась кутерьма с возмущенными репортерами. Полиция пинками выгоняла во двор особо настырных, с шумом и треском отъезжали редакционные автомобили, такие же мерзкие, как и их газеты, — так что им было не до меня. И вдруг в комнату из галереи заходит этот пузатый клоун со своей компанией: полицейским по имени Мастерс, молодым Джимом Беннеттом и его красоткой. Я спрятался на лестнице. Бежать вниз я не мог, как я уже говорил, там всё кишело копами и другим народом, и меня могли схватить...»

— Эх! — прорычал Г. М., неожиданно ударив кулаком по столу. — Если бы только я мог предвидеть, что он у нас под носом, какой-нибудь маленький намек — и дело было бы в шляпе.

— В шляпе? Но вы же не знали...

— Да, но не в этом дело. Сейчас мы подходим к заключительной стадии, и вот как это было. Я сел за стол и выдвинул ящик. Я догадывался, что мог представлять из себя этот злополучный кусочек серебра. Я сидел и думал о решетке радиатора, из которой валил пар. Я видел его автомобиль днем, и в моей голове начало что-то крутиться и вертеться вокруг того, что бы это могло быть? И в этот момент я увидел его.

— Увидели его?

— Вернее, его глаз в замочной скважине. Разве вы не заметили, какая большая замочная скважина в той двери? Каким образом, скажите на милость, я мог знать тогда, что он убил Райнгера или что его могли поймать с поличным, с трупом на руках? А? Я видел, что кто-то стоял за дверью. Если бы я открыл ее и сказал: «Привет!», я бы поставил его в неловкое положение, а толку? Это выглядело бы, конечно, подозрительно, если бы я просто, как тогда думал, нашел его подслушивающим, но что бы это доказывало? Ничего.

Внезапно у меня в голове сложился план. Вероятно, подумал я, он оказался здесь, потому что искал кусочек металла, который был у меня на руках. Возможно, по другой причине. Но игра стоила свеч! Так или иначе следовало поддержать его усилия в этом направлении. Зная, что он за мной наблюдает, я подчеркнуто громко швырнул железяку обратно в стол. Между тем я знал, что уйти он не мог, поскольку Поттер и его парни развлекались внизу. Даже если бы он отошел от двери, внизу нее проходит широкая щель, откуда тянет сквозняком, через которую он всё равно бы услышал меня.

И вот я заявляю, что не знаю, от чего этот металлический осколок, пусть пока полежит в столе, а завтра, говорю, отвезу его в Лондон на экспертизу знакомому металлсту и буду ждать ответа. Сынок, забрезжил уже какой-то свет и появились первые проблески, но одного серебряного треугольничка в качестве доказательства было мало, чтобы я мог обратиться против него его же собственное орудие — он мог сослаться на то, что уголок отломился от крышки радиатора случайно. Но если бы я позволил ему украсть улику, тогда можно было хватать его за руку и предъявлять обвинение в... хм, интересно, как он собирался выкручиваться?

Кэтрин села прямо.

— Тогда получается, что весь удар, — сказала она, — был направлен не против нас и вы не нуждались в этой реконструкции на лестнице?

Г. М. усмехнулся.

— Ты поняла это, моя дорогая? Совершенно верно. Всё, что мне было нужно, это найти предлог, чтобы собрать вас всех вместе в этой комнате, запихнуть всех в такое место, где, с одной стороны, можно было бы отвлечь ваше внимание, а с другой привлечь внимание Эмери к тому, что путь свободен и можно спокойно заходить в ловушку. Он должен был влюбиться в мой план или всё пошло бы насмарку. Насчет тела Райнгера у подножия лестницы он также мог быть спокоен — в той неразберихе и полной темноте, которую я вам устроил, никто бы ничего не увидел. После первой, неудачной, попытки найти кусочек серебра, он обязательно бы придумал какой-нибудь другой, безопасный для себя, способ. Моя задача состояла в том, чтобы помочь ему найти этот верный способ, и я симитировал ситуацию, которая играла ему на руку.

Я обрисовал в общих чертах ту часть своего плана, которая была предназначена для его ушей, пока он подслушивал под дверь. Имитируя ситуацию с фиктивной реконструкцией, я пришел к выводу, что кусочек серебра уже не играл решающей роли и послужил лишь приманкой. Когда Эмери получил от меня некоторое представление о моих планах, я сознательно открыл окно и крикнул Поттеру, чтобы он сворачивал свою операцию и поднимался вверх — это было нужно для того, чтобы дать возможность Эмери уйти беспрепятственно через нижнюю дверь.

Он спустился по лестнице, вышел в коридор, прошел через дом и снова поднялся вверх. Берил Симондс, конечно, свалилась как снег на голову, но, Боже, как эта обезьяна подпрыгнула, когда Мастерс вошел в комнату! Ты видел выражение его лица? Видел, как он вел себя? На самом деле, тебя и Мастерса я послал в комнату Райнгера не ради него самого, а для того, чтобы вы убедились, там ли сейчас находится Эмери. Он пытался скормить нам какую-то совершенно дикую небылицу, будто кто-то стучался в его дверь, а в галерее было темно. Это была очевидная ложь, потому что к тому времени стало понятно, что это он сам выключил свет перед тем, как пройти в комнату короля Карла. Помнишь, мы еще с Мастерсом искали выключатель, когда шли туда? Это выдало его с головой. Он уговаривал девушку подтвердить свои бредни, отлично зная, что у нее неуравновешенный характер, и она согласится на что угодно.

Возможно, я рубил сук, на котором сидел, обнаружив тело Райнгера, — скрипя зубами, сказал Г. М. — У меня не хватало доказательств, чтобы связать Эмери по рукам и ногам, но теперь, ей-Богу, я мог с уверенностью сказать, что мне удалось усыпить его бдительность, и я вцепился в него мертвой хваткой. Таким образом, я возвращался к своей маленькой хитрости, где сознательно уготовил ему главную роль. Это окончательно развеяло все его сомнения, и он добровольно шагнул в ловушку, расставленную столь безупречно, как вы любите. Мастерс — я сказал ему, что Мастерс будет стоять у нижней двери — на самом деле стоял у него за спиной и видел, как этот оборотень под покровом темноты пробрался в комнату, выдвинул ящик стола и достал оттуда свой, отливающий серебром, смертный приговор. Я понял, что поймал убийцу его собственными руками и теперь могу распорядиться им в любое время по своему усмотрению. После этого оставалась спокойно объявить о завершении эксперимента и ...

Г. М. сделал неопределенный жест. Он уставился на пачку голубых листов, затем кинул ее в открытый ящик и с силой задвинул его обратно.

— Вот и всё, — буркнул он.

Наступила продолжительная пауза, все молчали, переваривая сказанное. Из тягучего воздуха стали прорываться одинокие гудки, жизнь внизу возвращалась в привычное, стремительное русло. Г. М. подтянул ноги и выбрался из-за стола. Он проковылял к несгораемому ящику, достал оттуда бутылку виски, графин с водой и два стакана. Объемистая фигура заслонила собой часть окна, высоко взлетевшего над изумрудной набережной с переливающейся лентой реки, за которой простиралась величественная панорама Лондона.

— Будет лучше, если вы забудете об этом деле. Вы пережили несколько неприятных моментов и часов в кругу той, прежней вашей семьи, мэм. Но теперь у вас есть другая. Вы свободны и ваш муж не такой уж плохой парень. Если когда-нибудь вам понадобится снять какие-нибудь мерзкие заклятия, не забывайте старика, звоните. Хотя...

— Хотя?

Г. М. посмотрел на стаканы, потом оглядел старый потрескавшийся кабинет, беспорядочно набитый чудовищно умными книгами и криво висящими картинами — пыльными трофеями обладателя уникального мозга. Он рассеянно поглядел на оловянных солдатиков, поставленных на столе в диспозицию и призванных решать судьбы человечества...

— Ох, не знаю... Наверное, мне лучше... — сказал он и снова сделал неопределенный жест. — Сидеть и думать...

Конец

Примечания и пояснения

1. Фешенебельный район Лондона.
2. Грант, Улисс Симпсон — американский политический и военный деятель, полководец северян в годы Гражданской войны в США, генерал армии (25 июля 1866 — 4 марта 1869). 1869-1877 — 18-й президент США.
3. Четырехдверный спортивный автомобиль с сигарообразным кузовом и складывающейся тентовой крышей, у которого капот и поясная линия находились на одном уровне по высоте.
4. Графство в южной Англии, часть региона Юго-Восточная Англия, одно из так называемых «Домашних графств».
5. Фуше, Жозеф, герцог Отрантский (1759-1820) — французский политический и государственный деятель.
6. Борджиа, Лукреция (1480-1519) — внебрачная дочь папы римского Александра VI и его любовницы Ваноццы деи Каттанеи, герцогиня Пезаро, герцогиня Бишелье, княгиня Салерно.
7. Карл II (1630-1685) — король Англии и Шотландии с 1660. Известен своими многочисленными любовными похождениями.
8. Мария I (1553—1558) — королева Англии, получившая прозвище Кровавая Мэри за расправы над протестантами.
9. Мария I, урожденная Мария Стюарт (1540 — 1587) — королева Шотландии и Франции, 1559-1560, (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол.
10. То есть публичный дом.
11. Английский дворянский титул, известный с 1567 года.
12. Гвин, Элинора (Нелл) (1650-1687) — английская актриса, более известная как фаворитка короля Англии Карла II.
13. Вильерс (по мужу Палмер), Барбара, первая леди Каслмейн, впоследствии герцогиня Кливлендская.
14. Виктор Франкенштейн — главный герой романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей».
15. Модный журнал.
16. Холмистая гряда на юго-востоке Англии.
17. Королевская династия в Шотландии (1371—1714) и в Англии (1603—1649, 1660—1714).
18. Деревянные жалюзи с горизонтальным расположением ламелей.
19. Официальные титулы дочери лорда.
20. Герой одноименного романа Джорджа дю Морье (1891), более известный по экранизации 1935 года.
21. См. роман «Убийства в Плейг-Корте» (*прим. авт.*).
22. Полуостров, бывш. остров в южной части Бруклина.
23. В древнегерманском и древнескандинавском обществе воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в повышенное агрессивное состояние, в сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией и нечувствительностью к боли.
24. Так в Париже называют половину города, южнее Сены, где расположены кварталы богемы, художников, писателей и интеллектуалов.
25. Уничижительное прозвище англичан (устар.)
26. После вскрытия (*лат.*)
27. Маколей, Томас Баббингтон (1800-1859); Фруд, Джеймс Энтони (1818-1894) — английские

историки.

28. Украшенное дерево или высокий столб, который ежегодно устанавливается на Первое Мая, Троицу или Иванов день в городах и деревнях большинства европейских стран.

29. Центральный уголовный суд Лондона.

30. Пуля с мягким сердечником, или «мягкий нос», при попадании в тело деформируется, расширяется и наносит значительные разрушения тканям и сосудам. Извлечь такую пулю крайне трудно.

31. У. Шекспир, «Макбет», акт 5, сц. 3 (пер. М. Лозинского).

32. Персонаж «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.

33. Сердечный дружок (*фр.*)

34. Ирвинг, Генри (1838–1905), английский актер. Ирвинг получил признание, исполнив роль Матиаса в популярной мелодраме «Колокольчики» (*The Bells*) (1871).

35. Начало изречения «И какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Матф. 7:2).

36. Шахматная стратегия, суть которой заключается в защите нападением.

37. Ночь любви (*фр.*)

38. Популярный рождественский или новогодний сувенир, стеклянная емкость в виде шара, внутри которой находится какая-нибудь фигурка или нарядный домик. При встряхивании поднимается искусственный снег и блески, которые кружатся, подобно настоящему снегопаду.

39. Наконец! (*фр.*)

40. Плоский срез кормовой части шлюпки, яхты или любого другого плавательного средства.

41. Старейший театр Великобритании, ныне носящий звание Королевского. Открыт по инициативе Карла II 7 мая 1663 г.

42. То есть Барбары Вильерс-Палмер.

43. Нонсенс, несуразность; в оригинале camel-swallowing, букв. верблюдоглотание, сокр. от английской идиомы *to strain at a gnat and swallow a camel* — отцеживать комара, но проглотить верблюда. Русские аналоги: «за деревьями не видеть леса», «слона-то я и не приметил» и т. д., то есть не видеть главного из-за мелочей. Отсюда — слоны-невидимки (*прим. перев.*).

44. Персонаж традиционного кукольного спектакля «Панч и Джуди» — назван по имени палача семнадцатого века.

45. Пролив в Турции между полуостровом Галлиполи и Малой Азией. В 30-х годах XX века был предметом международных разбирательств, в частности конференции в швейцарском Монтрё (1936).